

И.Л. Андреев

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА и ОБЩЕСТВА**

(Современные методологические проблемы и
критика немарксистских взглядов)

Москва

Мысль

1982

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

Глава первая. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ 16

Открытие Ч. Дарвина и концепция Ф. Энгельса: эволюция и труд —

Вселенная, биосфера и ноосфера 22

Человек — дитя Земли 29

Глава вторая. ГОМИНИДНАЯ ТРИАДА 34

Ключ к анатомии человека —

Решающий шаг 38

Рука — орган и продукт труда 43

Мозговой рубикон 48

Глава третья. СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРУДА 56

Труд и человек —

Появление орудия 65

Укрощение огня 70

Начало сотрудничества , 74

Глава четвертая. ПРОЯСНЯЮЩЕЕСЯ СОЗНАНИЕ 80

Социальное наследование , —

Искра мысли 82

Стадное сознание 87

Мифологическое сознание 90

«Они» и «мы» 95

«Ты» и «я* 98

Глава пятая. ОТ ЯЗЫКА ЖИВОТНЫХ—К ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ РЕЧИ 103

Заговорит ли шимпанзе? —'

Звук как сигнал и знак111

Общение, обобщение, сообщение118

Формирование речевой деятельности	125
Глава шестая. ДИАЛЕКТИКА АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА	136
Проблема скачка	—
Ускользящая грань	140
Отрицание и становление	149
Глава седьмая. «РАЗОБЕЗЬЯНИВАНИЕ» ОБЕЗЬЯНЫ ..	158
Палеолитическая версия концепции насилия ...	—•
Генетическая развилка	162
Австралопитеки: проблема выживания	165
Экзосоматическое орудие	168
Стадность как этологический фактор . . , .	172
Глава восьмая. «ЛЮДИ ИЛИ ЖИВОТНЫЕ?»	178
Ископаемые гоминиды; факты и предположения	
«Парадокс» переходной ступени	182
Эволюция и детерминизм	186
Глава девятая. УТРО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ..	194
Заря нового	—
Две структуры в одном субстрате . . . ,	197
Становление целостности	203
Глава десятая. НИ МАУГЛИ, НИ РОБИНЗОН .	207
Индивид, коллектив, общество	—
Деятельность и коллективность	209
Охота и собирательство	216
Дифференциация коллективной деятельности , . .	222
Глава одиннадцатая МОГ ЛИ КРОМАНЬОНЕЦ ПОСТУПИТЬ В. СОРБОННУ? . . .	231
Верхом на птеродактиле	—
Генезис индивидуального сознания	240
Генезис общественного сознания	245

Сознание и познание 250

Глава двенадцатая ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО 261

Генезис первобытной формации , ... —

Структура первичного способа производства . . 268

Размышления о структуре первичной социальности . 272 1

Генезис социального регулирования 280

От естественного присвоения стада — к общественной собственности общины 282

От естественной власти природы — к общественной власти рода 289 ;

ПОСЛЕСЛОВИЕ 298

ОТ АВТОРА

За поворотом дороги, ведущей в Серенгети (Танзания), показались испещренные расселинами, сказочнопричудливые скалы. Издали они напоминали неприступные стены давным-давно покинутого замка. Среди солнечной, наполненной жизнью саванны с рассеянными, будто ромашки на русском лугу, пятнистыми спинками антилоп и газелей ущелье выделялось мрачной сосредоточенностью, казалось безжизненным. А ведь, возможно, именно в Олдувае появились первые ростки социального. ..

Там, в танзанийской саванне, родился замысел этой книги. Главной задачей исследования является попытка сформулировать философское диалектико-материалистическое понимание находящейся на стыке многих наук комплексной проблемы антропосоциогенеза, используя теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма.

Разумеется, исследуя столь сложную проблему, при всем желании на страницах одной книги невозможно дать сколько-нибудь развернутое представление **обо** всех аспектах и достижениях ее разработки,

==3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Познание истоков человеческой истории включает в себе глубокую внутреннюю диалектику. Одним из ее моментов выступает логическая взаимосвязь анализа начального и высшего этапов развития социальности. С одной стороны, современная эпоха открывает новые возможности для обстоятельного и детального проникновения науки в противоречивую сущность процесса антропосоциогенеза; с другой стороны, все более адекватное познание закономерностей зарождения общества, «начала» истории позволяет глубже и обстоятельнее анализировать движущие силы и тенденции современного общественного развития, а также исторические перспективы человечества.

Каково же собственно философское ядро проблемы возникновения человечества и каковы основные методологические принципы ее марксистского анализа?

Прежде всего сам вопрос о том, как и почему появились человек и общественная среда, в которой он живет и преобразует природу, имеет философский, мировоззренческий смысл и так или иначе решается во всех отраслях общественнознания. В известном смысле проблема человека—центральная в марксистско-ленинской философии. Основной вопрос философии о соотношении материи и сознания можно рассматривать в данном случае и с генетической стороны: как в своем объективном развитии материя порождает сознание и как пробуждающееся сознание оказывает на нее активное обратное воздействие. Кроме того, поскольку функционирование и развитие сознания невозможно вне общественной среды, антропосоциогенез выступает как «предельная проблема историзма вообще»¹.

Проблема антропосоциогенеза имеет также определенное мировоззренческое значение, поскольку состав

==4

ляет поистине «вечный» предмет теоретического познания и самосознания человечества, неизбежно переносящего в размышления о том, как и почему возник человек, свои исторически конкретные представления о том, что он собой представляет и каков механизм его «включения» в окружающий мир.

Важной проблемой философского исследования антропосоциогенеза является прежде всего выяснение внутренне присущих ему противоречий, а также закономерностей возникновения, развития и замены одних исторических стадий другими. Кроме того, необходимо правильно уловить диалектическую грань между изоморфизмом (сходством) животного мира и общества, с одной стороны, и их коренной, принципиальной противоположностью — с другой. Задача эта отнюдь не проста. Недаром в домарксистских и немарксистских концепциях возникновения человека и общественных институтов лейтмотивом анализа было и до сих пор остается перенесение биологических законов животного мира на общество либо «открытие» в сообществах животных и даже насекомых специфически общественных, по самой своей природе сугубо социальных отношений, таких, например, как власть и собственность, агрессия и коллективизм, право и мораль.

Как и сто лет назад, буржуазные идеологи прибегают к спекулятивным рассуждениям относительно «вечной» природы социальных конфликтов и пороков, к извращению сути не только нынешнего этапа истории, но и эпохи антропосоциогенеза. Присущие капиталистическому обществу социальные антагонизмы постоянно порождают произвол частных собственников и всевластие бюрократического аппарата управления, агрессивность и милитаризм, расизм и фашизм, конкуренцию и индивидуализм, «борьбу всех против всех» и «одинокость в толпе». Идеологи буржуазии стремятся представить эти явления как извечные, исконно присущие человеческому роду, уходящие корнями в животное царство и т. п., отрицая или не понимая их социальной обусловленности и исторически преходящего характера. Они заявляют о «незавершенности» процесса становления человека. В 20-х годах нашего века венский психиатр З. Фрейд объявил человека животным, скованным культурой; в наши дни его соотечественник биолог К. Лоренц, идущий по стопам немецкого философа-идеалиста прошлого века Ф. Ницше, считает нынешнего человека лишь промежуточным зве-

==5

ном между животным и подлинным человеком. Английский биолог К. Дарлингтон уверяет, что генетически детерминировано не только социальное поведение людей, но и даже их классовая

принадлежность. Наряду с этой крайностью в объяснении человеческих отношений в классово антагонистическом обществе существует и другая—искусственная социологизация отношений в животном мире, поиски там классов, собственности, агрессивности.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, полемизируя с аналогичными взглядами, направили острие разработанной ими диалектико-материалистической концепции возникновения человека и общества как против мифа о дикарях-одинокках, впоследствии «договорившихся» объединиться в общество (Эпикур, Ж.-Ж. Руссо), так и против вульгарной натурфилософской идеи о заимствовании человеком социальности из «недр» животного мира.

Классики марксизма-ленинизма убедительно доказали диалектическое единство общества и природы. К. Маркс писал: «Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире». Квинтэссенцию социальности он видел в том, что «отношение человека к самому себе становится для него *предметным, действительным* лишь через посредство его отношения к другому человеку»².

Соотношение социального и биологического в жизни и поведении человека, общественная природа труда и его решающая роль в возникновении и развитии человечества, тенденции и перспективы взаимосвязи общества и природы были и остаются актуальными не только в научном, но и в идеологическом плане, ибо они непосредственно связаны с осознанием и обоснованием коренных материальных интересов, социальных позиций и исторических перспектив различных общественных классов и политических сил. В связи с этим возрастает интерес и к, казалось бы, далекой от нынешних забот человечества проблеме антропосоциогенеза.

==6

Не оставляя места иллюзорно-фантастическим представлениям об акте божественного творения, неоднократно подчеркивая природные истоки происхождения человечества, К. Маркс писал: «Бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»³.

К проблеме антропосоциогенеза можно подойти по-разному: попытаться понять, как возникло общество, отправляясь от анализа закономерностей развития природы вообще и биологической эволюции в частности⁴ или, наоборот, исследуя прежде неразвитые формы общественной жизни с точки зрения того, какими они стали в условиях современного общества, как зачастую поступал, например, К. Маркс в «Капитале»⁵. Поскольку процесс антропосоциогенеза предстает как взаимодействие природного и зародившегося в его недрах социального, постольку при его анализе необходимо помнить, что всякое взаимодействие «есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат. Если же мы односторонне придерживаемся одной точки зрения как абсолютной в противоположность к другой или если мы произвольно перескакиваем с одной точки зрения на другую в зависимости от того, чего в данный момент требуют наши рассуждения, то мы остаемся в плену односторонности метафизического мышления; от нас ускользает связь целого, и мы запутываемся в одном противоречии за другим»⁶.

Исследование процесса возникновения человека и общества—задача весьма непростая. Ведь генетическая связь природы и общества, животной стадности и человеческой социальности не может быть представлена по типу «причина—следствие». Практически невозможно восстановить, «как было дело». Любая подобного рода реконструкция связана с риском либо трактовки возникновения человечества как реакции на изменения природной

==7

среды, либо предположения о скрытой в ископаемых биологических предках и их взаимодействии с природным окружением некой фатальной направленности эволюции «на человека», но ни то, ни другое нельзя признать истинным. Поэтому ретроспективный взгляд на проблему происхождения человека, на его генезис даже в рамках исследовательского поиска и мысленной реконструкции первых социальных запретов теряет, на наш взгляд, эвристическую эффективность по мере углубления в «недра» предыстории. Он не может дать адекватной картины вызревания биологических предпосылок антропосоциогенеза и охватить его в целостности как природно-социальный феномен.

Исследовательский «маршрут» обуславливает специфику используемого категориального аппарата. Обычно процесс антропосоциогенеза преимущественно анализируется с помощью понятий и законов, разработанных в биологической науке, правда с соответствующими социально нацеленными уточнениями⁷, либо (тоже с определенными оговорками) понятий, выработанных в общественных науках⁸ для характеристики более зрелых социальных институтов. Оба варианта небезупречны с логической и содержательной точек зрения. Действительно, непривычно читать о политической экономии первобытного общества. Ведь политика—область взаимодействия классов, государств, наций, а речь идет об эпохе зарождения присваивающего хозяйства со свойственными ему стадным характером труда и всего производства, стадностью самого субъекта производства, т. е. о реалиях, отдаленных от политических институтов и соответственно политической экономии тремя миллионами лет⁹.

Дело в том, что момент смены инстинктивно-рефлекторного поведения зоологических предков человека предметно-деятельным и рефлексивно-коммуникативным отношением людей к природе и друг к другу, т. е. рубеж, поворот развития от природного к социальному, именно эволюционно-динамичная переходная ступень, располагавшаяся на стыке процессов «разобезьянивания» обезьяны и собственно становления человека, в принципе эмпирически неуловим и экспериментально невозпроизводим.

Автор настоящей книги исходит из объективной расчлененности процесса антропосоциогенеза на взаимосвязанные стадии, характеризующиеся специфическими диалектическими противоречиями и требующие для **их**

==8

адекватного выражения соответствующей терминологии: преимущественно биологической для начального этапа, особого, условно-метафорического, так сказать, дуалистического языка для описания переходной ступени, составляющей развивающееся ядро процесса антропосоциогенеза, и, наконец, главным образом социологической терминологии—для его завершающего этапа.

Пытаясь познать структуру, пространственно-временные особенности длительного, сложного и противоречивого процесса антропосоциогенеза, исследователи вновь и вновь сталкиваются с «вечным» вопросом, который звучит примерно так: где же все-таки рубеж и в чем решающее отличие между «последней» обезьяной и «первым» человеком? При попытках дать на него ответ складывается специфическая проблемная ситуация, требующая глубокого понимания не только материального единства мира, но и его противоречивости, учета все новых аспектов и нюансов взаимосвязи и перехода одних форм движения материи в другие, в частности биологической в социальную.

Главный парадокс данной познавательной ситуации заключается в том, что она возникла, когда ее реальные предпосылки и основания уже исчезли, как бы растворившись в новом качестве. Поэтому исследовать приходится по существу то, чего в исходном состоянии уже нет, а есть только результаты процесса, не тождественные самому процессу, лишь в «снятом виде», несущие в себе его следы, которые нужно адекватно «расшифровать». Конечно, как заметил К. Маркс, «в конце процесса не может обнаружиться ничего такого, что уже в начале процесса не являлось бы его предпосылкой и условием. Но, с другой стороны, все это должно также и обнаружиться»¹⁰.

Проблема антропосоциогенеза в последнее время все чаще оказывается в эпицентре дискуссий о природе и сущности человека, не иссякающих в отечественной и зарубежной науке. «Стремясь самоопределиться в качестве живого существа, человек, — по словам одного из крупнейших современных французских ученых, М. Фуко, — обнаруживает свое собственное начало лишь в глубине жизни, начавшейся раньше его; стремясь понять себя как трудящееся существо, он выявляет зачаточные формы труда лишь внутри такого человеческого времени и пространства, которое уже подчинено обществу и его инсти-

==9

тутам; наконец, стремясь определить сущность самого себя в качестве говорящего субъекта по ту сторону всякого уже сложившегося языка, он всегда сталкивается лишь с возможностями уже развернувшегося языка, а совсем не с тем лепетом, тем первословом, на основе которого стали возможны все языки и вообще язык как таковой. Лишь на основе всегда уже начавшегося человек может мыслить то, что имеет для него значение первоначала. Таким образом, первоначало для него вовсе не есть начинание, не есть ранняя заря истории, за которой теснились бы все ее дальнейшие приобретения. Первоначало—это прежде всего тот способ, которым любой человек — человек вообще — сочленяется с уже начавшимися трудом, жизнью и языком.. »¹¹

Трудности мысленной реконструкции истоков человечества связаны с тем, что ее осуществляет познающий субъект, стоящий на достаточно высоком уровне социального развития. Наука не может описывать происхождение («начало») человечества «иначе, как с позиции той фазы развития, где этот генезис уже состоялся», — отмечает В. П. Иванов. Далее он пишет, что «в рефлексии о начале специфически проявляется двойственность социально-исторической природы человека: он должен «быть» в начале, идентифицироваться с ним, чтобы признать его своим (человеческим), но вместе с тем быть и вне его, чтобы увидеть в нем именно начало человечества, а не простую проекцию самого себя»¹².

Опасности субъективизма позволяет избежать всесторонний анализ антропосоциогенеза с использованием данных самых различных наук. Правда, может появиться соблазн абсолютизировать те или иные конкретно-научные данные, что создало бы основу для неправильного, одностороннего толкования проблемы антропосоциогенеза. Прогресс генетики, биохимии, спектрального анализа, этологии, приматологии, палеоантропологии, палеоневрологии и т. п., приоткрывая завесу над все новыми закономерностями природных явлений, может создать иллюзию неуклонного приближения естественнонаучным путем к самому «началу»—к происхождению человечества из его природно-

биологической основы,—открытие которого кажется лишь делом времени. Напротив, успехи этнографии, археологии, палеоэкономики, палеолингвистики, палеосемиотики, палеоискусства порождают впечатление движения все дальше в глубь истории, к обнаружению

10

этого «начала» не столько как результата природного, сколько как исходного пункта социального развития. Само «расщепление» проблемы антропосоциогенеза, подключение к ее решению растущего множества областей знания чреваты тенденцией абсолютизации тех или иных ее аспектов, моментов, черт, тая в себе реальную опасность замены всестороннего анализа эклектикой, произвольным конструированием некоего, по выражению Р. Маретта, «синтетического предка», скомбинированного из костей Ментоны или Дордони, одетого мясом австралийца, тасманийца или бушмена¹³. Чтобы избежать этого, необходимо целостное осмысление логики антропосоциогенеза как единого процесса, акцентирование внимания на соотношении различных аспектов его исследования, учет различных способов видения и языков описания данной проблемы.

Однако выражение динамики непрерывного процесса эволюции с помощью дискретных таксономических понятий и категорий оказывается весьма затруднительным. Эта теоретико-познавательная проблема применительно к антропогенезу отмечается в выдержавшей два издания на русском языке книге ученых Оксфордского университета «Биология человека»¹⁴. Под несколько иным углом зрения она поставлена В. П. Якимовым. «Если бы было возможно рассмотреть каждое звено всей филогенетической цепи видообразования или того больше—проанализировать буквально на каждом этапе эволюции человека внутривидовую межпопуляционную изменчивость, — подчеркивает В. П. Якимов,—то, по всей вероятности, появились бы свидетельства непрерывности процесса гоминизации. Однако получение таких данных означало бы фиксацию каждой точки процесса в его динамике, что едва ли осуществимо вообще, а тем более по отношению к прошлому. Разграничение двух генетически связанных между собой явлений возможно после того, как возникшее новое свойство становится достаточно выраженным, а потому уловимым»¹⁵.

Осмысление методологических проблем антропосоциогенеза показывает, что, например, логическая антиномия континуальности и дискретности не сегодня возникшая трудность познания, она классически просто и мудро выражена известной апорией Зенона «летающая стрела покоится». И еще один момент. Попытки ряда исследователей чисто количественным путем (т-е. эволюционно)

11

определить ту «точку» («линию», «пункт»), где «кончается» последнее животное и «начинается» первый человек (концепция «мозгового рубикона», «первого орудия» и т. п.), неизбежно порождает трудную познавательную ситуацию, фиксирующую внутреннюю противоречивость развития исследуемого явления и сформулированную Зеноном в апориях «лысый» и «куча». Как правильно заметил известный советский философ и историк Б. Ф. Поршнев, «свойств человека не выведешь из свойств животного путем возведения в степень»¹⁶.

Исследуя антиномию начала и результата антропогенеза (человек не может возникнуть путем естественного отбора и в то же время без него), соотношение биологического и социального в жизнедеятельности людей, В. И. Плотников подчеркивает философский статус этих проблем¹⁷. Что

касается промежуточного «недостающего» звена, которое исторически находилось «между» ископаемой животной и первичной социальной системами, внешнего облика и образа жизни тех гипотетических «переходных существ», о которых писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», то уже Ч. Дарвином и его ближайшими сподвижниками была высказана мысль об анатомическом синтезе черт человека и обезьяны как основном признаке представителей данной ступени. Эту идею вскоре подтвердил голландский врач Е. Дюбуа, обнаруживший на острове Ява костные останки этого теоретически «вычисленного» существа, получившего название питекантропа или обезьяночеловека.

Кстати, до сих пор продолжают поиски не только останков, орудий и места в гоминидно-сапиентной классификации «недостающего звена», но и его живых представителей в Гималаях, в африканских джунглях. Причем научные выкладки причудливо переплетаются как с журналистскими сенсациями, так и с явными подделками типа «пильтдаунской челюсти».

В настоящее время большинство ученых полагают, что «недостающее звено» представляло собой очень пластичную, хотя и не столь устойчивую и потому, естественно, многовариантную переходную форму, некогда, вероятно, находившуюся на стыке биологической и складывающейся социальной систем жизнедеятельности. В силу присущей переходным формам неустойчивости (обратной стороны пластичности) представители данной ступени развивались в направлении какой-либо одной из этих систем.

==12

Индивиды, группы и популяции, не вышедшие в то или другое русло развития, «выбивались» отбором. Кстати, в палеонтологии существует точка зрения, согласно которой переходные формы встречаются тем реже, чем выше систематический ранг, генетический «этаж» эволюционного процесса¹⁸.

Как видим, в мысленной реконструкции «недостающего звена» помимо специфически биологического и археологического есть и собственно философский аспект. В основе многолетних дискуссий лежит не столько различие субъективных интерпретаций новых археологических и антропологических материалов, сколько объективная противоречивость, двойственность самой рассматриваемой ступени—животной и человеческой одновременно. Любой метафизический крен в ее оценке, упор лишь на те или иные черты, присущие ей, неизбежно ведут к односторонности, однобокости выводов.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вообще «философский анализ особенностей промежуточных фаз, закономерностей переходных состояний в процессах развития различных областей действительности может стать предпосылкой для классификации многообразия переходов и выделения типов скачков, конкретных способов разрешения противоречий, что в конечном итоге составит основу более содержательной трактовки самого понятия диалектического перехода как необходимого и существенного момента в развитии»¹⁹»

Потребность в интегрирующей роли философского знания становится более острой в силу бурного развития современной науки, появления новых отраслей и методов исследования, фактов и гипотез, которые ведут к известному дроблению и обособлению различных аспектов и граней проблемы возникновения человека и общества. Так, антропологов конкретно-научные данные могут склонять к биологизации процесса социогенеза, археологов, напротив, — к социологизированию, отрыву социогенеза от его биологических предпосылок. Этнография, как отмечал Б. Ф. Поршнев, навязывает археологам нагляднообразные аналогии с племенами, ведущими присваивающее хозяйство²⁰. Этология стайных хищников и особенно приматология в свою очередь толкает исследователей антропосоциогенеза к биологическому объяснению данного феномена. Словом, закономерная тенденция дифференцированного роста научных знаний обостряет потреб-

ность в их философском обобщении и интеграции на концептуальном уровне.

Диалектико-материалистическая методология позволяет исследовать антропосоциогенез как дифференцированную целостность, видеть противоречивую взаимосвязь его различных компонентов и направлений, взаимообусловленность экологических и анатомо-физиологических изменений, генезиса труда, сознания и речи.

Что же относится к компетенции философии в проблеме антропосоциогенеза? Философским является само методологическое «проецирование» сущности человека на его генетические «начала». Философским является и вопрос о единстве естественнонаучной разработки проблемы антропосоциогенеза и исследований его социальных аспектов. Специфически, философский характер имеет также интерпретация с различных идеологических позиций моментов антропосоциогенеза, казалось бы весьма отдаленных и не связанных с современностью, их использование для оценки и прогнозирования перспектив развития существующих общественных отношений. То есть налицо по крайней мере три философских аспекта данной проблемы: методологический, гносеологический и идеологический.

Каждое новое поколение человечества, уходя **все** дальше от своего «начала», будет все пристальнее вглядываться в свое прошлое, настойчивее обращаться к исследованию истоков, к поистине вечной, ключевой, мировоззренческой проблеме собственного происхождения, ибо, как заметил Сен-Симон, не способен предвидеть будущее тот, кто не понял прошедшего.

¹ Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 225, 226.

² Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 94, 96.

³ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 516.

⁴ См. Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М., 1980.

⁵ См. Гурьев Д. В. Становление общественного производства.

М., 1973.

⁶ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 483—484.

⁷ См. Человек и мир человека. Киев, 1977, с. 71; Принцип историзма в познании социальных явлений, с. 180—181.

⁸ См. Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981, с. 13; Принцип историзма в познании социальных явлений, с. 227, и др.

⁸ См. Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного

способа производства. Присваивающее хозяйство (Политико-экономический очерки). М., 1981, с. 16, 91, 101, 106, 133 и др.

¹⁸ Маркс К... Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 256.

" Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977, с. 423—424.

¹² Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977, с. 15, 39.

¹³ См. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979, с. 31, 61.

¹⁴ См. Харрисон Дж. и др. Биология человека. М., 1979, с. 83.

¹⁵ Якимов В. П. Черты прерывности в эволюции человека. М., 1973, с. 1.

^{1e} Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974, с. 44. ^к Плотников В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема. Автореферат докт. диссертации. Свердловск, 1980, с. 9.

¹⁸ Например, до сих пор неизвестны переходные формы между пресмыкающимися и млекопитающими (см. Астахова В. Г. Сотворение или эволюция? М., 1981, с. 32).

¹⁹ Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза, с. 3.

²⁰ Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 96.

==15

[00.htm - glava03](#)

Глава первая. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

[00.htm - glava04](#)

Открытие Ч. Дарвина и концепция Ф. Энгельса: эволюция и труд

В 1859 г. в Лондоне вышла книга английского естествоиспытателя Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», а в 1871 г.—«Происхождение человека и половой отбор». Книги сразу же стали объектом всеобщего внимания. Их злобно бранили, предавали анафеме с церковных кафедр. И ими же восхищались передовые умы того времени. Редко сугубо специальные исследования вызывали столь мощный и длительный общественный резонанс.

Почему же нарушили покой верующего обывателя, священнослужителей и ученых-эволюционистов опубликованные Ч. Дарвином труды? Очевидно, прежде всего потому, что в них впервые были строго

научно доказаны естественное, природное (а не божественное) происхождение человека, а также закономерная генетическая связь его как биологического вида с высшими млекопитающими. Открытие Ч. Дарвином животного происхождения человека произвело настоящий переворот в мировоззренческих, научных, житейских представлениях современников. Как никогда прежде, остро встал вопрос о рубеже животного и социального миров, характере их связи и возможности отыскания переходных форм.

Однако господство теолого-идеалистических и метафизических взглядов на сущность жизни лишало науку того времени надежной методологической основы, необходимой для объективного анализа столь сложных и во многом неожиданных проблем. Даже передовые ученые, стремившиеся к познанию закономерностей природы, не избежали принципиальных ошибок. Одни из них абсолютизировали прямое воздействие внешней среды, на организм, рассматривая развитие животного мира как жестко детерминированное изменением окружающих условий. Другие, наоборот, неправомерно преувеличивали роль

==16

инстинктивно-рефлекторных «поведенческих программ» высших животных и их автономность по отношению к среде обитания. Но так или иначе, обе крайности сходились, поскольку допускали существование некой нематериальной, внеприродной силы — источника «высшей целесообразности». Телеология смыкалась с теологией. Метафизическое мышление естествоиспытателей металось между тезисами о «животной сущности» человека и о «социальности» животного мира.

Ч. Дарвин, преодолев однолинейный детерминизм Ж.-Б. Ламарка, блестяще разрешил биологический аспект этой проблемы. Он доказал, что в качестве движущей силы прогрессивной эволюции животного мира выступают изменчивость, наследственность и естественный отбор. Последний играет роль своеобразного фильтра случайностей органического развития, влияющих на отклонения в эволюции вида, благодаря чему преимущественно выживают и оставляют потомство не только самые сильные, наиболее приспособленные к тем или иным природным условиям, но и самые пластичные в смысле дальнейшей биологической эволюции виды, популяции и индивиды. Естественный отбор в дарвиновской концепции по сути дела оказывался активным посредником, а точнее, связующим звеном между организмом и средой, морфологией и функционированием, изменением среды и адаптацией по отношению к ней.

Дарвин благодаря стихийно-диалектическому характеру методологии, использованной им при разработке Триады «изменчивость —* наследственность —* естественный отбор», преодолел ограниченность представлений своего времени и аргументированно показал, что нет ничего сверхъестественного, никакой богом заданной целесообразности в развитии животного мира, оставив тем самым далеко позади общий уровень биологической науки. Однако, поскольку еще не были открыты гены, дарвиновское понятие «неопределенная изменчивость» оставалось для современников ученого либо абстрактнотеоретическим, либо узкоконкретным, не «работавшим» на широком биологическом материале.

В силу этого понимание изменчивости строилось на признании индивидуальных прижизненных признаков, варьировавшихся под влиянием непосредственных условий существования. Благодаря механизму наследственности закреплялись происходящие в организме изменения, а

в результате естественного отбора сохранялись наиболее перспективные звенья механизма биологического приспособления, которые воспроизводились путем селекции оказавшихся жизнеспособными особей, оставления ими многочисленного потомства с новыми признаками. Тем самым в поле зрения ученых не попадали многие подспудные, глубинные процессы, протекавшие в недрах генофонда популяций. Изменения касались только линии «среда —>• особь —>» отбор». Груз отвергнутых ламаркистских представлений о «прямом» воздействии среды на организм, на его наследственный потенциал как бумеранг бил по дарвинизму, затрудняя его развитие, открывая дорогу различным спекулятивным теориям типа социал-дарвинизма, неоламаркизма, холизма и т. п. К тому же сам Дарвин, высказавший блестящие догадки, которые позднее были подтверждены генетикой, преувеличил значение естественного, именно полового, отбора. В частности, он считал, что благоприятные признаки закрепляются в ходе эволюции путем «сцепления» с внешними изменениями, привлекающими внимание особей противоположного пола. Он также не сумел в должной мере оценить качественную разнородность «инстинктивного ума» животного и интеллекта человека, считая их различие чисто количественным.

В последнее время выяснилось, что **помимо** внешних природных воздействий, влияющих на ход биологической эволюции (фактор, отмеченный не только Дарвином, но и Ламарком), источником мутаций, причем, таким мощным, который, подобно радиации, может резко изменять и ускорять перестройку генофонда, выступают стрессы.

В частности, обратив внимание на то, что принятые в современной генетике параметры мутирования генов по темпу формообразования и размаху дивергенции весьма далеки от тех, на которые опирался отбор в процессе возникновения человека, академик Д. К. Беляев высказал мысль, что фактором, ускорившим гоминидно-сапиентную эволюцию, был именно стресс, игравший не только весьма существенную ситуативно-ориентировочную, но и важную генетическую роль. «Психоэмоциональный стресс как бы обнажает скрытые до того (т. е. в условиях нормы) пласты наследственной изменчивости и включает в сферу действия отбора признаки и функции, наследственное разнообразие которых ранее маскировалось действием средовых факторов»,—пишет ученый. Он от-

мечает также, что «изменение центральной системы нейрогормональной регуляции, а именно это и имело место в ходе эволюционного формирования человека, автоматически влекло за собой резкое изменение, то есть дестабилизацию признаков и функций, стабилизированных в предшествующей эволюции»'.

Возвращаясь к оценке взглядов Дарвина, следует сказать, что, несмотря на их известную обусловленную состоянием науки того времени ограниченность, открытие ученого дало гигантский

толчок развитию научной мысли и вызвало неослабевающий интерес человечества к проблеме собственного происхождения из животного мира. Оно означало революцию в консервативно-метафизических и эволюционно-теологических представлениях, господствовавших в общественном сознании того времени.

Основоположники марксизма дали высокую оценку великому открытию Ч. Дарвина, доказавшего объективный характер удивительной гармоничности развития живой природы и происхождения человека от животных предков. Ф. Энгельс относил теорию Ч. Дарвина к естественнонаучным предпосылкам формирования диалектического и исторического материализма, сравнивал ее с открытием К. Марксом объективных законов общественного развития. Известно, что само обращение Ф. Энгельса к проблеме происхождения человека и общества было продиктовано не только научными открытиями в биологии, но и развернувшейся вокруг них борьбой материалистов и идеалистов, диалектиков и метафизиков.

Какова же роль естественного отбора и труда в антропосоциогенезе и каковы современные представления об этой проблеме?

Труд в той конкретно-исторической форме, в какой он **был** присущ буржуазному обществу XIX в., был скорее унижением для труженика, нежели средством его возвышения, облагораживания, раскрытия творческих потенций. В глаза бросалась жестокая конкуренция, борьба за существование, а не сотрудничество, взаимопомощь, творческое отношение к окружающему миру. Видимо, это обусловило тот факт, что Дарвин, разработав проблему природного происхождения человека, остановился перед связанными с ней социальными проблемами, не поддающимися объяснению с точки зрения естественного отбора. Кроме того, делая упор на естественную общность, бли-

•

==19

зость животных и человека, Дарвин оставил в тени проблему их глубокого качественного различия.

Диалектико-материалистическое понимание истории позволило на основе анализа многообразных форм конкретного труда теоретически выделить абстрактный труд вообще и применить эту категорию к анализу не только развитых форм социальности, но и форм, присущих периоду становления человека и общества. Труд нельзя трактовать как чисто биологический феномен, ибо он содержит в себе моменты, необъяснимые с точки зрения животных инстинктов, хотя он и выступал первоначально как средство разрешения биологической в основном проблемы выживания. Трудности в правильном истолковании труда и его роли в антропосоциогенезе проистекают именно от того, что по ряду внешних признаков трудовые операции сходны с некоторыми действиями животных, и в то же время коренным образом отличны от них.

Труд не отменил действия биологических механизмов изменчивости и наследственности. Однако он преобразовал характер и направление действия естественного отбора, «введя» такой существенно важный момент, как способность формирующихся людей создавать и использовать искусственные орудия труда и сотрудничать с себе подобными, сплачиваться в коллективы и совместным трудом преобразовывать окружающую среду, а не просто адаптироваться к ней. Тем самым естественный отбор постепенно терял свое прежнее значение, все более становясь самоустраняющимся. В разработанной советскими учеными концепции самоустраняющегося естественного отбора, вытесняемого трудом, преодолена как тенденция узко биологизаторской трактовки труда в процессе антропосоциогенеза, так и попытки игнорировать роль естественного отбора в этом процессе. Хотя «сама трудовая деятельность возникла в результате жесткого естественного отбора, — подчеркивает М. И. Урысон, — труд при всем своем огромном значении для становления человека как качественно нового существа не являлся

фактором, непосредственно обуславливающим изменение морфологических структур и функциональных особенностей формировавшихся людей и закреплявшим эти изменения в

потомстве»².

Таким образом, концепция естественного отбора Дарвина и трудовая теория Ф. Энгельса отнюдь не исключали, а, напротив, взаимно дополняли друг друга: есЖ

==20

первая позволяла объяснить смысл главным образом начальной стадии антропосоциогенеза, то вторая — его заключительной стадии.

Научный подвиг Ф. Энгельса заключается в том, что он разработал социальный аспект антропосоциогенеза, причем сделал это в условиях, когда в общественном сознании господствовали теология и телеология, а такие специальные отрасли знания, как археология, палеоантропология, и некоторые другие только зарождались. Разумеется, рассмотрение социального аспекта проблемы происхождения человека с принципиально новых методологических позиций затрагивало прежние представления о биологической стороне данного процесса. Используя научные идеи Ч. Дарвина и К. Маркса, Ф. Энгельс убедительно доказал, что становление человека и общества—это диалектически взаимосвязанные стороны единого процесса, нерасторжимые, как магдебургские полушария.

Разработка социального аспекта процесса антропосоциогенеза позволила существенно уточнить его многие моменты, преодолеть исторически обусловленную ограниченность дарвинизма и тем самым очистить эволюционное учение Ч. Дарвина от идеалистических элементов, защитить творческий потенциал его теории от нападков со стороны реакционных ученых. В марксистскую трудовую теорию возникновения человека и общества достижения дарвинизма были включены в «снятом» виде, т. е. освобожденные от биологизаторских наслоений, которые, как, впрочем, и элементы идеалистического подхода Ч. Дарвина к пониманию общественной жизни, стали впоследствии почвой для теоретических спекуляций буржуазных идеологов — социал-дарвинистов, евгеников, бихевиористов, холистов и т. п.

С точки зрения марксизма связующим звеном антропо- и социогенеза выступает не идеалистическое «чудо творения» и не естественный отбор, а труд в диалектическом единстве его материальных и духовных моментов, составляющий «первое основное условие всей человеческой жизни»³. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали труд как универсальную целенаправленную предметную деятельность человека по преобразованию внешней природы с помощью орудий труда. Основоположники марксизма вскрыли ряд его существенных социально значимых признаков. Так, исследуя роль труда в процессе

==21

антропосоциогенеза, они подчеркивали, что труд есть процесс изменения не только природы, но и самого человека — субъекта труда. Благодаря этому был выявлен глубочайший механизм взаимосвязи развития биолого-морфологической организации, предметной деятельности по преобразованию природы и коммуникативно-информационной структуры общения в процессе антропосоциогенеза.

Работа Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» до сих пор сохраняет важное методологическое значение, показывая большую эвристическую силу диалектико-материалистического метода в познании непосредственно не наблюдаемых и не воспроизводимых в эксперименте процессов антропосоциогенеза.

Ф. Энгельс не просто обобщил известные ему данные конкретных наук XIX в. Он создал концептуальную схему объективных противоречий и диалектически взаимосвязанных тенденций, стадий, компонентов процесса происхождения человека и общества, которая позволила преодолеть фрагментарность и противоречивость имевшихся тогда данных и их интерпретаций. Именно целостность марксистской теории антропосоциогенеза, отражающей взаимодействие объективных законов, позволяет практически включать в нее непрерывный поток естественнонаучных открытий, предположений, фактов, осуществлять замену устаревшего конкретного материала более современным.

Созданная классиками марксизма теория происхождения человека и общества является примером гармоничного сочетания научно-теоретической и мировоззренческой разработки ключевой проблемы «начала» человеческой истории.

[00.htm - glava05](#)

Вселенная биосфера и ноосфера.

Идеи и принципы системного исследования фундаментальных **основ** природной и человеческой истории, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом, на десятилетия опередили процесс развития конкретных естественных и общественных наук, построения целостной естественнонаучной картины мира. Это прежде всего относится к выявлению объективного характера взаимосвязи основных форм движения материи, а также диалектического взаимодействия различных путей и стадий эволюции социальных и природных явлений, процессов **их** функционирования и развития.

Существует глубокое методологическое и мировоз-

[==22](#)

зренческое единство диалектико-материалистического исследования общества в «Капитале» К. Маркса и природы в «Диалектике природы» Ф. Энгельса. В их подходе к вопросам антропосоциогенеза и экологического взаимодействия общества и природы четко прослеживается связь методологических принципов марксистского анализа природной и общественной проблематики; сам процесс антропосоциогенеза рассматривался ими как связующее звено истории природы и истории общества, как та ступень, на которой действие природных законов «снимается» действием социальных законов, осуществляется переход от биологической формы движения материи к социальной⁴.

Обращаясь к имевшимся тогда данным астрономии, геологии, химии, биологии, истории Земли, к представлениям того времени о ее месте в эволюции материи во Вселенной, Ф. Энгельс подчеркивал, что низшие формы движения материи можно рассматривать как фундамент и своеобразный «строительный материал» для высших, которые «впитывают» в себя многие черты, тенденции, механизмы функционирования первых, однако не сводятся к **их** механической комбинации. Принцип несводимости более высоких ступеней развития материи к синтезу предшествующих является конкретным выражением диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и непосредственно выходит на проблему диалектического «снятия», в общем виде сформулированную Гегелем для процессов развития.

Несмотря на абстрактно-спекулятивную, идущую от объективного идеализма манеру рассуждения, Гегель показал глубокий диалектический смысл «снятия». Он подчеркивал, что понятие снятия имеет двойное значение: «Оно означает сберечь, сохранить и вместе с тем прекратить, положить конец. Само сбережение уже включает в себе тот отрицательный смысл, что нечто изымается из своей непосредственности и, значит, из открытой внешним воздействиям (сферы) наличного бытия для того, чтобы сохранить его. Таким образом, снятое есть некое вместе с тем и сбереженное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но отнюдь не уничтожено вследствие этого»⁵.

Гегель тонко уловил диалектический характер соотношения старого и нового в процессе развития. «Поступательное развитие, — подчеркивал он, — не должно быть

==23

принимается как течение от некоторого другого к некоторому другому... на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но *уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя*»⁶.

Рассматривая проблему изменения родовой сущности человека и его места в мире с помощью принципа диалектического «снятия» природного общественным, личностным историческим и т. д., Гегель выдвинул в качестве «инструмента» этого «снятия» предметную деятельность индивида. К. Маркс оценил это положение как одно из важнейших достижений немецкой классической философии. «Величие гегелевской *«Феноменологии»* и ее конечного результата—диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа, — писал он, — заключается. .. в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает... человека как результат его *собственного труда*»⁷.

Однако «механизм» выделения человека и общества из природы, а также движущие силы этого процесса Гегель, будучи объективным идеалистом, видел в беспрестанной целеустремленной деятельности вездесущего и всемогущего духа. «Природа,—утверждал Гегель в «Энциклопедии философских наук»,—должна быть рассмотрена как *система ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем, однако, здесь нет *естественного* (natürlich) процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основание природы»⁸. По мнению Гегеля, вершиной универсальной пирамиды стадий всемирного развития абсолютной идеи в природе становится человек, сущностное своеобразие которого определяется, с точки зрения философа, не чем иным, как его предназначением быть «орудием духа». В человеке как в главном типе организма, поскольку дух в нем нуждается как в орудии, все стороны достигают совершеннейшего развития, полагал Гегель. Он подчеркивал в «Философии духа», что в

==24

свою очередь «переход природы к духу не есть переход к чему-то безусловно другому, но только возвращение к самому себе того самого духа, который в природе обладает бытием вне себя»⁹.

Классики марксизма-ленинизма оценивали философскую систему Гегеля как «перевернутый материализм»¹⁰. В частности, понятие «дух» нередко выступало у него аналогом того, что материалисты-диалектики могли бы условно назвать объективной закономерностью. Конспектируя «Науку логики», В. И. Ленин специально выделил те места из текста, где Гегель сближает понятия идеи, бога с природой, и сопроводил их многозначительной пометкой: «Рукой подать к материализму»¹¹. Эту оценку философии Гегеля важно иметь в виду, поскольку на страницах данной книги мы не раз будем обращаться к трудам великого философа.

И еще одно замечание в связи с этим. Ф. Энгельс, как известно, считал, что Дарвин «нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет»¹². И тем не менее слабой стороной дарвиновской теории оставалась ее недостаточная мировоззренческая проработка. Характерно, что одним из первых отметил этот момент современник К. Маркса и Ф. Энгельса немецкий философ-самоучка рабочий И. Дицген, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму. Он писал, что «Гегель предвосхитил Дарвина, но Дарвин, к сожалению, не знал столь близкого ему Гегеля», что «Гегель изложил учение о развитии гораздо универсальнее, чем Дарвин» и «дело специалиста Дарвина должно быть дополнено работой великого обобщателя Гегеля, чтобы таким путем пойти дальше их и добиться большей ясности»¹³. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» не только выписал, но и подчеркнул эту мысль Дицгена, пометив: «NB NB».

Используя мощный теоретико-познавательный потенциал диалектического метода Гегеля, К. Маркс вскрыл диалектику природного и социального в человеке. «Человек,—отмечал он,—является непосредственно *природным существом*. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он... наделен *природными силами, жизненными силами, являясь деятельным Природным существом...*»¹⁴ Именно в силу того, что че-

==25

ловек является деятельным существом, единство социального и природного выступает как диалектическое по своей сути, и «*вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека*»¹⁵.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» исследовал собственно генетический аспект взаимосвязи природного и социального. Он показал, что, во-первых, эволюция предков человека и становление Homo sapiens опирались на длительную предшествующую эволюцию Вселенной в целом и Земли в частности, а, во-вторых, само природное в человеке постоянно подвержено непосредственному и опосредованному влиянию социального. Ф. Энгельс убедительно показал, что возникновение человека и общества явилось не результатом развертывания бесплотной абсолютной идеи и осуществления абстрактной тенденции «гуманизации» живого, а звеном закономерного процесса эволюции материи во Вселенной. Сам разум, мыслящий дух, прежде чем стать творцом антропоморфной природы, оказывается «творимым» в ходе длительного процесса эволюции биосферы, являющейся целостной системой естественно-природных процессов нашей планеты как части Вселенной.

Исходя из материального единства мира и объективного характера смены одних форм движения материи другими, более высокими, Ф. Энгельс подчеркивал, что разум, мыслящий дух как «высший цвет» материи с железной необходимостью появляется там, где в вечном круговороте движущейся материи в период ее наивысшего развития складываются благоприятные условия для органической жизни, для возникновения существ, «сознающих себя и природу»¹⁶. Провозглашение материального единства мира и признание качественного разнообразия объективных процессов и явлений в различных материальных системах служат важнейшими элементами диалектико-материалистической концепции

природы и общества. Принципы генетической взаимосвязи форм движения материи, диалектического «снятия» высшими низших выступают как глобальные принципы организации материи во Вселенной.

Из этого следует, что материальная основа антропосоциогенеза не ограничена лишь биологическими предпосылками. Не только нервно-психическая и анатомофизиологическая организация непосредственных живот-

==26

ных—предшественников человека, но и природа в целом составляют генетическую предпосылку социального, хотя, разумеется, именно биологическим был тот непосредственный «материал» природы, который дал начало длительному и противоречивому процессу зарождения социального. Причем биологическое выступало не как изолированное от остальной природы, а, напротив, как ее неотъемлемая часть, тесно интегрированная и органически входящая в единую систему природных, т. е. и земных, и космических процессов, которые в совокупности составляют биосферу.

Более поздние исследования подтвердили, детализировали и развернули идеи Ф. Энгельса. Среди этих исследований прежде всего следует указать труды К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского, И. П. Павлова и Н. И. Вавилова, П. К. Анохина и Н. П. Дубинина, а также других советских и зарубежных естествоиспытателей. Особенно рельефно подход к социальной жизни как вселенскому феномену проявился в идеях К. Э. Циолковского о заселении космоса и в учении В. И. Вернадского о внутрисистемных взаимодействиях биосферы и теснейшей связи последней с ноосферой.

В. И. Вернадский придал материалистический смысл понятию французского ученого Ле Руа «ноосфера», которое буквально означает «сфера разума». Считалось, что существует некая воображаемая психическая пленка на поверхности Земли, якобы «пронизывающая» и «одухотворяющая» высшие живые существа. Освобожденное В. И. Вернадским от идеалистической мистификации и телеологической функции «связи» всего разумного с богом или его абстрактным аналогом, это понятие стало использоваться им для обозначения очагов разума, преобразованной мыслящими существами природы.

В. И. Вернадский рассматривал генезис ноосферы Земли как результат развития биосферы, итогом эволюции которой явились животные предки людей. Словом, будучи частью Вселенной, биосфера Земли стала естественно-природной средой, «колыбелью» (К. Э. Циолковский) формировавшегося человечества. Последнее постепенно, но неуклонно насыщало ее искусственными средствами труда и быта, превращая наиболее освоенную часть в биотехносферу, в объект целенаправленного преобразования и средство удовлетворения людьми своих важнейших потребностей.

==27

Уже в период возникновения облавной охоты, как утверждают ученые, возникли первые региональные экологические кризисы антропогенного происхождения, наиболее ярким примером которых явилось уничтожение формирующимися (!) людьми травоядных гигантов доледниковой эпохи — мамонтов. Первыми «орудиями» труда (наряду с каменными, деревянными и костяными) были селекция растений и domestикация (приручение) животных, что специально отмечал в «Капитале» К. Маркс. Со временем производственная деятельность людей становится, по словам В. И. Вернадского, сравнимой по своим

результатам и последствиям с геохимическими и геологическими процессами, достигая планетарных, а в перспективе и внеземных (эту тенденцию особенно подчеркивал К. Э. Циолковский) масштабов, т. е. превращается в фактор космического порядка. Последнее обстоятельство дало повод некоторым ученым в наше время говорить, например, об экспансии человечества в космос как средстве решения экологических и демографических проблем и даже о «вселенской» гуманистической миссии человечества как вечного феномена¹⁷.

Развивая диалектико-материалистическое воззрение на природу, В. И. Вернадский в течение десятилетий разрабатывал системный подход к биосфере Земли как целостному природному организму; он подчеркивал ограниченность дарвиновской концепции происхождения видов, полагая, что Ч. Дарвин недооценивал роль глобальных, в том числе космических, факторов биологического развития, явно абсолютизировав роль естественного отбора как едва ли не единственного или по крайней мере ведущего «орудия» эволюции. В. И. Вернадский подчеркивал связь эволюции видов с развитием и строением биосферы. Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимыми от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности.

Опираясь на достижения естественных наук последующих десятилетий, ученые все более отчетливо улавливают непосредственную взаимосвязь между иерархией структур биосферы (организмы, колонии, популяции, биоценозы) и структур во Вселенной (звезды, звездные скопления, галактики, скопления галактик), между циклами эволюционных преобразований и ритмами геофизических и космических процессов. В частности, один из исследова-

==28

телей творчества В. И. Вернадского, советский ученый А.И.Пресман, предпринял попытку объяснить уникально высокую эффективность информационного взаимодействия между космическими телами и земными организмами, последних между собой, а также регуляцию внутриорганизменных процессов. наличием универсального (по крайней мере в пределах биосферы) «языка»—электромагнитных полей и излучений, чувствительность к которым у биосистем неуклонно возрастает по мере их усложнения¹⁸.

Словом, адекватное понимание процесса антропосоциогенеза предполагает признание его «вписанности» в историю развития жизни на нашей планете.

[00.htm - глава06](#)

Человек—дитя природы

Французскому ученому Ш.-А. Жюльену принадлежит афоризм, гласящий, что история человечества, начиная с изобретения письменности, протекала на фоне практически неизменных природных декораций, тогда как ее древнейшие пласты могли бы показаться неподвижными в сравнении с динамикой ландшафтно-климатических изменений¹⁹.

Взаимосвязь истории Земли и истории человечества объективна, глубока и многогранна. Все чаще антропологи и археологи акцентируют внимание на анализе поворотов, переломов и ответвлений процесса антропосоциогенеза под влиянием экологических перемен, исследуют различные варианты приспособления к ним²⁰. В частности, представляется перспективным вывод о первостепенном влиянии на характер процесса приспособления факторов не столько статического состояния окружающей ископаемых предков естественной среды, сколько гармоничной (с точки зрения возможностей этологической и соответственно психобиологической перестройки животных предков человека) динамики последней. «Мы считаем,—пишут А. А. Величко и М. Д. Гвоздовер,—что фактором, влияющим на развитие общества и культуры в палеолите, в первую очередь является не сама природная

обстановка (благоприятная или, наоборот, крайне суровая), а существенные изменения, происходящие в ней»²¹. По сути дела такой точки зрения придерживаются все археологи, антропологи, палеографы, а также представители биологии, «выходящие» на уровень глобальных проблем. Так, физиологи школы академика П. К. Анохия исходят из концепции анатомической «вписанности»

==29

жизнедеятельности существующих органических форм нашей планеты в конкретные естественно-природные условия Земли²². Последние подразделяются учеными на константные (свет, гравитация, состав атмосферы и т. я.) и переменные (смена времен года, климата и т. д.). В качестве средства адаптации к ним эволюция выработала соответствующие органы с определенными функциями жизнеобеспечения.

Воздействия экологического фактора **на процесс** антропосоциогенеза нельзя недооценивать. Однако неправомерна и его абсолютизация, заключающаяся в попытках признать в качестве главной причины возникновения человека и общества изменение экологических условий. Как известно, Ф. Энгельс ведущую роль в этом процессе отводил имманентно присущему материи свойству самодвижения, рассматривая те условия, в которых это свойство реализуется и тем самым способствует переходу материальных образований на качественно новую ступень, как хотя и важное, но все-таки вторичное (по значению для антропогенеза) обстоятельство.

Помимо уточнения в ходе палеоботанических исследований временных и пространственных границ неоднократных изменений климата на всей Земле или в отдельных районах на рубеже третичного и четвертичного периодов в последние годы получена масса новых данных, характеризующих экологические условия, в которых зарождался и протекал процесс антропосоциогенеза. Стало известно, что в течение последних 3—5 млн. лет четырежды менялись магнитные полюсы Земли. Разломы земной коры, особенно в юго-восточной части Тропической Африки, обнажали выходы урановых руд, резко повышая радиационный фон среды обитания ископаемых антропоидов этого региона.

Отвлекаясь от весьма вероятной космической детерминации магнитных, тектонических, радиационных и иных сдвигов планетарного масштаба, следует подчеркнуть, что они прерывали относительно плавные эволюционные процессы приспособления органических форм к наличной окружающей среде яркими вспышками импульсивной эволюции, подчас совершенно «иррациональными» по отношению к прежнему видовому биологическому «опыту», но зато весьма перспективными с точки зрения «неисповедимых» путей будущего развития²³.

Все это, несомненно, способствовало мощным мута»

==30

ционными процессам и изменению «русла» наследственности ископаемых гоминидных форм. Одним из магистральных путей их коренной биологической перестройки была, очевидно, рекомбинация генофонда. Во всяком случае в современной генетике достаточно определенно высказывается идея о закономерном уменьшении числа хромосом в процессе эволюции приматов и гоминидов; от 78—54 у

низших обезьян до 48 у высших, человекообразных и 46 у человека. Итальянским генетиком Б. Киарелли высказана гипотеза о том, что у предка человека произошло слияние двух пар хромосом, в результате чего окрепли те из них, которые определяют развитие мозга и нервной системы. Румынские исследователи М. Сербан и К. Ришкутия полагают, что одна пара хромосом могла каким-то образом «выпасть» из дальнейшего развития, а это привело к перегруппировке оставшихся хромосом²⁴. Можно допустить также, что функциональная дифференциация больших полушарий головного мозга тоже началась с отмеченной выше перестройки генетической структуры гоминидов. Все это, конечно, предположения, научные гипотезы, в них еще слишком много неясного и противоречивого, но, видимо, неправомерно сводить логику процесса возникновения человечества к преобразованиям генетических механизмов наследственности и изменчивости, а тем более утверждать мысль о некоей генетической детерминации всего дальнейшего общественного развития.

Что касается наследственности, то механизм естественного отбора в принципе действует с известным опозданием, отражая прошлые изменения естественно-природной среды. Спонтанные мутации, напротив, дают как бы впрок определенный набор новых биологических признаков, ориентированных скорее на будущее, нежели связанных с «заложеным» в хромосомах прошлым опытом. Словом, мутации имеют определенный диапазон соответствия органических форм окружающей среде, выход за пределы которого чреват гибелью мутантов. В принципе большинство мутаций представляет собой перекомбинацию генофонда, усиленное развитие одних органов и соответственно гибель (вследствие затухания функций) других. Действие генетических механизмов отбора заключается в проверке эффективности, устойчивости новых признаков в наличной среде, а также в их специфическом подлаживании к назревшим ее изменениям.

==31

Таким образом, соотношение наследственности и изменчивости в данном случае можно рассматривать как проявление необходимости и случайности в развитии органических форм. В «дочеловеческий» период истории Земли эта биологическая закономерность проявлялась, можно сказать, в «чистом» виде. «Явления жизни вписывались в условия жизни нашей планеты на протяжении всей ее истории. Благодаря нарастанию, с одной стороны, автономизации явлений жизни, а с другой — ее качественной зависимости от условий среды возникло поистине диалектическое единство организма и среды»²⁵, — пишут Н. П. Дубинин и Ю. Г. Шевченко, предлагая считать появление человека и даже его предка как принципиальное нарушение девственно-природного баланса взаимоприспособления органических форм друг к другу и к факторам природной среды. Отсюда берет начало качественно новый тип «приспособления» формирующегося уникального биологического вида к созданным в предшествующие периоды естественным условиям Земли.

¹ *Беляев Д. К.* О некоторых факторах эволюции гоминид. — Вопросы философии, 1981, № 8, с. 75, 76.

² *Урысон М. И.* Дарвин, Энгельс и некоторые проблемы антропогенеза. — «Советская этнография», 1978, № 3, с. 12, 14.

³ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 486.

⁴ Подробнее об этом см.: *Кузьмин В. Я.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; *Гурьев Д. В.* Становление общественного производства. М., 1973.

⁶ *Гегель.* Соч., т. V. М., 1937, с. 98, 99.

⁶ *Гегель.* Соч., т. VI. М., 1939, с. 315.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 158—159.

⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 2. М., 1975, с. 33. Гегель. Философия духа. Соч., т. II. М., 1956, с. 39—40. ¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 215. " Там же.

¹² Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 666.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 443, 445.

¹⁴ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162. ¹⁸ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 126.

¹⁶ См. Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 362—363.

¹⁷ См. Забелин И. М. Физическая география и наука будущего. М., 1970.

¹⁸ См. Пресман А. С. Электромагнитные поля и живая природа. М., 1968.

¹⁹ См. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. М., 1961, с. 45.

²⁰ См. Решетов Ю. Г. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966.

[==32](#)

²¹ Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969, с. 237.

²² См. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968; Ата-Мурадова Ф. А. Отражение и эволюция мозга.—Вопросы философии, 1976, № 3.

²³ См. Дубинин Н. П. Эволюция популяций и радиация. Лп., 1966.

²⁴ См. Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973, с. 229.

²⁵ Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976, с. 6.

[==33](#)

[00.htm - glava07](#)

Глава вторая. ГОМИНИДНАЯ ТРИАДА

[00.htm - glava08](#)

Ключ к анатомии человека

формулируя материалистические принципы анализа общественной истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, подчеркивали, что ее предпосылкой является наличие «готового» человека современного физического типа. «Первая предпосылка всякой человеческой истории,—писали они,—это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный (такт, который подлежит констатированию,—телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»¹.

Будучи общественным существом, человек остается частью¹ природы, но его природное бытие опосредуется социальным. Проблема соотношения и взаимодействия природного и социального «начал» в человеке — один из вечных философских вопросов. Еще Аристотель считал человека «политическим животным», подчеркивая общественный характер его «животности». В одном из важнейших разделов «Капитала» К. Маркс цитирует американского философа В. Франклина, назвавшего человека животным, изготавливающим орудия труда. Однако научно поставить и в принципе решить данную проблему можно лишь с позиций диалектико-материалистической теории.

Итак, телесная организация людей — материальная основа их природного и общественного бытия. Именно она стала предпосылкой их новых, качественно отличных от животных типов жизнедеятельности, а затем **и их** социальной организации—общества.

Археологические находки останков и орудий древнейших и древних гоминидов свидетельствуют о том, что процесс антропогенеза был многонаправленным, в нем были свои «тупики», несоразмерности, срывы, движения вспять. Человек современного физического типа

==34

сложился под влиянием не только и не столько естественного отбора, сколько в силу объективной необходимости формирования нового типа жизнедеятельности, предполагающего внебиологическое обеспечение непосредственных биологических потребностей прогрессирующих гоминидов. По выражению М. Б. Туровского, становящийся человек есть животное, вовлеченное в неббиологическое отношение. Поэтому главным содержанием антропогенеза является переделка его животной природы»².

Методологической основой исследования закономерностей трансформации психоморфологического строения ископаемой обезьяны в телесную организацию человека выступает сформулированный К. Марксом принцип анализа генетически связанных форм. «Анатомия человека,—подчеркивал он,—ключ к анатомии обезьяны»³, ибо основные тенденции развития низших видов животных могут быть наиболее полно осмыслены лишь тогда, когда на их основе уже сложились высшие по отношению к ним формы⁴. Таковым является *Homo sapiens* по отношению к человекоподобным приматам и общему с ними предку. Этот принцип лежит в основе трудовой концепции антропосоциогенеза.

Современная наука дает все новые подтверждения **как** биологическому единству человека и животного мира, так и их глубокой эволюционной дивергенции. Из приматов по анатомическому строению и поведению ближе всех к человеку шимпанзе.

Однако попытки абсолютизировать сходство телесной организации приматов и человека, непосредственно связать анатомо-физиологическую структуру человека и его животных предков заведомо бесплодны. Буржуазные биологи нередко игнорируют качественное отличие человека от обезьяны по целому ряду существенных признаков, недооценивая чрезвычайно высокий коэффициент цефализации (развития мозга), функциональную асимметрию полушарий головного мозга, наличие

второй сигнальной системы, целенаправленное изменение среды, ослабление действия естественного отбора и т. п.⁵ К тому же многие органы человека, внешне сходные с аналогичными органами высших обезьян, претерпели соответствующую морфологическую «достройку», вызванную качественно новым, социальным типом жизнедеятельности.

==35

В чем же причина грандиозных перемен в структуре обеспечения биологической жизнедеятельности ископаемых приматов и зарождения той ветви эволюции, которая в конечном счете привела к становлению человека? Успехи эволюционной теории позволили выявить несколько (обычно соприкасающихся и взаимодействующих) способов повышения уровня биологической адаптации. Один из них, связанный с обновлением типа обмена веществ индивида и популяции с окружающей средой, был назван академиком А. Н. Северцовым ароморфозом. Ароморфоз предполагает повышение уровня биологической организации и адаптации в среде не столько через преобразование соответствующих органов, сколько путем перестройки структуры поведения, складывания индивидуально-ситуативной приспособляемости. Так формировался в биологическом смысле очень динамичный и пластичный (по сравнению с морфологией) специфически поведенческий, этологический характер вида.

Эти рассуждения созвучны с основной идеей Ф. Энгельса о том, что именно изменение типа жизнедеятельности ископаемых антропоидов объективно обусловило соответствующую перестройку их анатомо-морфологической структуры. Стержнем сапиентного (т. е. ведущего к *Homo sapiens*) ароморфоза, названного академиком И. И. Шмальгаузенем эпиморфозом⁶, был совместный труд с использованием вначале естественных, а затем и искусственных орудий.

Изменение экологических условий привело к существенной перестройке в процессе адаптации этологических стереотипов (систем поведения) наших далеких ископаемых предков. Последнее обстоятельство обусловило качественно новое направление развития их органов и типа функционирования организма. Словом, не естественный отбор спонтанно возникавших органических мутаций, а выбор и закрепление новых типов поведения в процессе перестройки и «надстройки» функциональных систем организма составили основное направление антропогенеза.

Не ограничившись общей характеристикой природной перестройки телесной организации ископаемого предка в направлении очеловечивания, Ф. Энгельс впервые в мировой науке выделил основные звенья и стадии данного процесса. Последующий вековой путь раи-

==36

вития палеоархеологии, палеоантропологии, палеоневрологии и т. п. подтвердил принципиальные моменты его идеи о диалектической взаимосвязи прямохождения, развития руки и мозга, являвшихся элементами специфической гоминидной триады.

В современной мировой науке разрабатываются различные варианты реконструкции этапов последовательной эволюции тех или иных органов в процессе антропогенеза. Так, профессор Калифорнийского университета Дж. К. Кларк пишет: «Человек отличается от приматов вертикальным положением туловища, передвижением на двух конечностях, особенно приспособленными для хватания передними конечностями, большим объемом мозга и умением изготавливать и использовать

разнообразные орудия. Каждая из перечисленных здесь частей скелета человека эволюционизировала в свое время: сначала грудная клетка и руки, затем таз и ноги и в последнюю очередь череп и мозг»⁷.
Иначе видит последовательность фаз данного процесса оксфордский ученый Дж. Харрисон, считающий, что эволюцию человека можно подразделить на три большие, хотя и не очень четко разграниченные фазы: «1) приобретение навыков хождения на двух ногах; 2) уменьшение размеров челюстей; 3) увеличение мозга»⁸.

В советской литературе встречается тенденция нерасчлененно рассматривать генезис прямохождения и развитие руки в рамках формировавшегося «комплекса двуногости» и вычленять эволюцию черепа и высших отделов мозга в качестве особого этапа. Я. Я. Рогинский, например, считает, что «наиболее интенсивно до архантропов формировались все основные особенности костей конечностей и туловища, связанные с прямохождением»⁹. «Затем, при переходе от австралопитековых к древнейшим, а далее к древним людям, чрезвычайно быстро шел процесс нарастания массы головного мозга. И, наконец, при переходе от палеоантропов к неантропу наиболее быстро шел процесс уменьшения лицевого отдела черепа»¹⁰.

Анализируя изложенные тенденции рассмотрения отдельных этапов антропосоциогенеза в современной науке, можно сделать вывод, что предлагаемые точки зрения расходятся в частности, а гоминидная триада, контуры которой намечены в работе Ф. Энгельса «Роль Труда в процессе превращения обезьяны в человека»¹¹,

==37

выдержала испытания временем и подтверждается современными научными данными.

[00.htm - глава09](#)

Решающий шаг.

Помимо всего прочего животные отличаются от растений тем, что они подвижны и могут изменять в известных пределах условия обеспечения своей жизни. М. С. Каган назвал данное свойство живых организмов способностью к квазиизменениям, т. е. будто бы изменениям предметной среды, или квазипреобразовательной активностью, подчеркивая при этом, что «человеческая деятельность вбирает в себя и включает в снятом виде биологическую жизнедеятельность»¹². Действительно, животное в случае появления сильного хищника, как правило, старается уйти в безопасное место; животные предпринимают сезонные миграции в районы более богатые пищей, влагой и теплом.

Вообще у большинства животных функции передних и задних конечностей не дифференцированы, либо различаются весьма незначительно. В палеонтологических же «архивах» эволюции сохранились свидетельства того, что, например, некоторые из мезозойских рептилий (в частности, ящеротазовые и птицетазовые динозавры) довольно проворно передвигались, даже бегали и прыгали на задних лапах, в случае необходимости опираясь на массивный хвост¹³. Их пятипалые передние конечности выполняли (видимо, помогая пасти) преимущественно хватательную функцию¹⁴. Динозавры, представлявшие собой один из тупиков органической эволюции, были постепенно вытеснены (как полагают ученые, вследствие изменения природных условий на планете) более прогрессивными видами животных, в частности млекопитающими, среди которых наибольшей дифференциацией передних и задних конечностей обладают, несомненно, обезьяны. Ф. Энгельс отмечал, что все человекообразные обезьяны могут передвигаться на одних ногах, но только в случае крайней необходимости и к тому же чрезвычайно неуклюже. Подобный «запас» эволюционных возможностей мог быть использован только в исключительных обстоятельствах, делающих развитие данной зачаточной способности существенно важным условием выживания биологического вида. Опираясь на теоретическую реконструкцию Ч. Дарвином физического облика высокоразвитых человекообразных обезьян конца третичного периода, Ф. Энгельс писал: «Под влиянием в первую очередь, надо думать, своего

образа жизни, требующего, чтобы при лазаний руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан *решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку*»¹⁵.

Данный вывод, чрезвычайно важный в методологическом отношении, признает сегодня большинство антропологов мира. В частности, в уже упоминавшемся учебнике по биологии, изданном в Оксфордском университете, говорится: «Существенной чертой дивергентного развития в направлении гоминидов является переход к прямохождению на двух ногах, что следует рассматривать как адаптацию к наземному образу жизни **на** территориях открытого типа и вблизи источников воды»¹⁶.

Подтвержденная палеоботаническими данными существенная смена климата, флоры и фауны тропических областей в конце третичного периода привела к тому, что какая-то часть высокоразвитых обезьян стала постепенно изменять «древесный образ жизни», в результате чего эволюционные «резервы» были сконцентрированы на биологической приспособляемости к новым условиям. В частности, мощным естественным стимулом развития опорной функции задних конечностей оказалась «занятость» передних. Но чем? Ведь от самых начальных форм труда этот период отделяли сотни тысяч и даже миллионы лет... Прежде всего прицельным бросанием камней, палок, орехов и т. д. для обороны, нападения или сбивания плодов. Причем предмет, находящийся от обезьяны в 2—3 м, она обычно бомбардирует, опираясь на три лапы, и при этом пристально вглядывается, как бы прицеливаясь в объект, служащий мишенью.

Вероятно, закрепление функции дистантного воздействия на других животных с помощью предметов природы объективно предполагало развитие способности все более уверенного поддержания тела в вертикальном положении прямостояния, в зачаточных формах присущего крупным обезьянам при передвижении по деревьям и особенно кустарникам. Другим обстоятельством, способствующим 'выработке ортоградной (прямой) походки, видимо, явился перенос обезьянами пищи, который осуществлялся преимущественно (по причине

тяжести или громоздкости груза) двумя передними лапами и способствовал выработке полувыпрямленной позы.

Еще одним моментом, обусловившим генезис бипедии (двуногости) ископаемого предка человека, как можно предположить, была ловля насекомых, мелких земноводных, птенцов, рыб и т. п., порожденная необходимостью регулярно дополнять довольно скудный растительный рацион. Все это, как и доставание высоко растущих плодов, требовало перенесения центра тяжести тела на задние конечности, опорная роль которых тем самым закреплялась и совершенствовалась.

Впрочем, ученые установили связь генезиса бипедии с характером не только добывания, но и усвоения пищи. «Существенную роль в процессе приобретения двуногости сыграло,—по мнению В. П. Якимова,—изменение характера питания. Переход предков человека к всеядности или даже к преимущественному питанию животной пищей способствовал перераспределению у них сил тяжести

через сокращение объема пищеварительного тракта. Трудно допустить, чтобы двуногими стали чисто растительоядные приматы, подобные гориллам с их вечно наполненным огромным брюхом»¹⁷.

Создатель советской антропологической школы В. В. Бунак выдвинул гипотезу, согласно которой переход к прямохождению, т. е. компонент гоминидной триады, определялся «малой» триадой взаимосвязанных факторов. Последнюю составляли всеядность, необходимость расширения кругозора и использование для добывания пищи и других надобностей различных предметов окружающего мира

Процесс формирования и закрепления прямой походки был постепенным и чрезвычайно длительным. Видимо, подобно ребенку, только что научившемуся ходить, ископаемые антропоиды на первых порах время от времени вставали на четвереньки, что помогало им быстрее перемещаться, а главное, было для них более привычным и надежным способом передвижения. Не исключено, что в закреплении прямохождения значительную роль играли психические механизмы демонстрации и подражания, столь развитые у высших обезьян.

Отважная английская исследовательница Дж. Гудолл несколько лет прожила в Танзании в близком соседстве и даже в хороших, «доверительных» отношениях'-

==40

ях с несколькими группами шимпанзе. Многие из ее наблюдений имеют поистине уникальную ценность. В частности, она установила, что шимпанзе проводят на земле значительно большую часть времени, чем другие обезьяны, что они могут прицельно бросать палки, камни и наряду с растительной пищей охотно употребляют животную, доставая специально обгрызанными веточками термитов, охотясь на мелкую дичь, а порой на кустарниковую свинью, а также на детенышей павианов, что они используют жеваную траву в качестве губки для сбора воды в расщелинах деревьев. Отправляясь куда-то группой, шимпанзе нередко передвигаются на задних конечностях¹⁹.

Некоторые исследователи допускают, что условием выработки у ископаемых антропоидов навыка к прямохождению могло быть не только уменьшение площади и густоты лесов в саванной экологической нише, но и переселение в гористую местность (либо горообразование), где можно было передвигаться по крутым склонам, опираясь на ноги, а руками держась за скалы и при этом еще перенося добычу²⁰.

Существует и так называемая земноводная версия происхождения комплекса двуногости, сформулированная английским ученым А. Харди. Она нашла определенное признание и у ряда советских биологов-океанологов²¹, ее поддерживает также палеогеограф Д. В. Панфилов, который высказал предположение, что процесс гоминизации протекал в приморско-литоральных ландшафтах²².

По мнению А. Харди, некогда одна из групп высокоразвитых обезьян конца третичного периода была вытеснена (вследствие изменения природных условий и конкуренции других групп) на песчаный берег морской лагуны, где основную пищу ее составили моллюски, рыбы, водоросли и другие «дары моря», выбрасываемые на берег приливами. Освоив новую пищу, антропоиды бродили по мелководью, вылавливая корм. Необходимость заходить в воду все глубже (по мере роста популяции и недостатка питания) способствовала выработке прямой походки, которая оказалась удобной и на земле, особенно при передвижении по открытым пространствам. Передние конечности, специализируясь на разделке (с помощью острых камней и раковин) моллюсков, крабов, рыбы, а также на их ловле в теплой

прибрежной воде, все больше напоминали **по** своим функциям и строению руки. И наконец, длительное пребывание в соленой морской воде привело к сильному разрежению волосяного покрова на большей части тела.

К гипотезе А. Харди мы еще вернемся, а пока обратимся к данным палеоантропологии, проливающим свет на роль прямохождения в эволюции приматов в сапиентном направлении. Уже первые находки костных останков древнейших гоминидов в Южной Африке (перед второй мировой войной) свидетельствовали, что именно прямохождение как сущностный признак одного из звеньев гоминидной триады создавало фундамент для дальнейшего развертывания процесса антропогенеза, «Неожиданно гоминидное строение тазовых костей и длинных костей конечностей у парантропа и плезиантропа, — отмечает антрополог В. П. Алексеев, — показало, что австралопитеки имели хорошо сбалансированную ортоградную походку и что передвижение в выпрямленном положении было для них не менее обычным делом, чем для современных людей»²³.

Оценивая научное значение новейших находок останков гоминидов, М. И. Урысон писал: «Фактический материал, которым располагает современная наука в области антропологии и археологии, дает основание заключить, что непосредственными предками человека были австралопитеки — высокоразвитые двуногие обезьяноподобные существа, систематически использовавшие предметы естественного происхождения в качестве орудий. Из их среды около 3 млн. лет назад выделились наиболее прогрессивные формы, перешедшие от употребления естественных предметов в качестве орудий к их искусственному изготовлению»²⁴.

Прямая походка влекла за собой соответствующие анатомо-морфологические изменения телесной организации ископаемых предков человека; претерпевая определенные преобразования, стопа уплотнялась по мере угасания хватательной функции, формировался продольный свод стопы, смягчающий нагрузки на позвоночный столб при беге и прыжках. Д. Пилбим из йельского университета (США) высказал гипотезу, что эволюция позвоночника австралопитековых (и, видимо, их непосредственных предшественников) могла в зависимости от способа передвижения идти по пути как уменьшения числа позвонков от исходных шести до трех-четырех" у

нынешних шимпанзе и горилл, так и их возрастания (*Homo sapiens*)²⁵. Во втором случае одновременно укреплялся позвоночник, отмирал хвост, расширялись таз и грудная клетка (последнее способствовало улучшению снабжения головного мозга кислородом), изменялись скелет и мускулатура, тоньше становились кости, особенно черепные, что открывало возможность роста мозга и изменения его конфигурации. Укорачивался лицевой отдел, уменьшались челюсти, складывалась тенденция редукции зубного аппарата по мере развития охоты на мелких животных с помощью камней и дубин, т. е. еще до начала изготовления искусственных орудий труда. Формировалось стереоскопическое зрение, совершенствовались двигательные центры мозга и т. д. Но главным, как подчеркивал Ф. Энгельс, было то, что «рука стала свободной и могла теперь усваивать себе все новые и новые снаряды»²⁶.

[00.htm - glava10](#)

Аристотель, как известно, видел главное ^{отличие} анатомии человека от животного в том, что у человека две ноги. Обезьяна, полагал он, стоит на «полпути» между человеком и животным. Гегель особо подчеркивал значение руки как специфически человеческого органа. При этом он обращал внимание не столько на анатомо-физиологическую, сколько на природно-преобразующую функцию руки, характеризуя ее прежде всего как естественное средство соприкосновения, контакта человека с внешним миром и конструктивного изменения последнего. Рассуждая о роли производства в жизни человека, он писал: «Рука есть тот великий орган, которым не обладает животное, и то, что я охватываю им, может само стать средством, которым я хватаю дальше...»²⁷

Эта мысль глубока и плодотворна. Именно такова в общих чертах «посредническая» роль руки между телом человека как совокупностью естественных органов воздействия на предметы внешней природы и самой внешней природой, вовлекаемой с ее помощью в процесс обеспечения вначале примитивно-биологической, а затем все усложняющейся материально-технической и социально-духовной деятельности человека. Таким образом, благодаря конструктивной функции руки в процесс преобразования природы вовлекается сама природа. С помощью руки человек как бы расщепляет внешнюю природу на предметы, выполняющие роль его

==43

«союзников» (орудий труда) и «противников» (предметов труда). «Предметы, существующие в природе,—замечал Гегель,—могучи и оказывают разнообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели»²⁸. Посредником между замыслом, направленным «против» природы, и самой природой оказывается, по мнению Гегеля, естественное орудие — человеческая рука.

Освобожденная от идеалистически-спекулятивных наслоений мысль о решающей роли эволюции руки в окончательном отделении человека от животного мира и в преобразовании им окружающей среды получила в произведениях классиков марксизма-ленинизма дальнейшее развитие. Силой, превратившей неуклюжую кисть обезьяны в достигающую виртуозного мастерства руку человека, был совместный труд с помощью орудий. Только благодаря труду, органом и продуктом которого она являлась, «человеческая рука,—считал Ф. Энгельс,—достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»²⁹.

Но почему же лапа именно обезьяны стала биологическим прообразом человеческой руки? К. Э. Фабри выдвинул гипотезу, согласно которой у всех млекопитающих достаточно явно выражен антагонизм между главной и дополнительной функциями передних конечностей—локомоторной (передвижения) и гаптической (хватательной) и лишь у высших обезьян (особенно при так называемой круриации — хождении по толстым ветвям на задних конечностях с относительно выпрямленным положением туловища, верхняя часть которого поддерживается передними лапами) — манипуляторные функции кисти могут развиваться гармонично с локомоцией³⁰. Именно это «наслаивание», взаимное усиление двух тенденций развития гаптической функции обезьяньей руки (увеличения полноты обхвата предмета и возрастания гибкости, вариативности хватательных движений) могло стать достаточной генетической основой для систематического использования ископаемыми приматами орудий труда³¹. М. Ф. Нестурх констатирует-

==44

ет, что «человеческая кисть в общем сохранила осново!ной тип строения от ископаемых антропоидов... Для осуществления трудовых действий, тончайших манипуляций и мастерских движений достаточным оказалось сравнительно небольшое морфологическое преобразование кисти»³². Толчком этому процессу послужила, видимо, определенная диспропорция между существенно продвинувшимся вперед прямохождением и почти не изменившейся морфологически рукой, особенно ее наиболее «рабочей» и «чувствительной» частью — кистью. «Ранние прямоходящие формы предков человека, обладавшие полной ортоградностью, не достигли еще, — по свидетельству В. П. Алексеева,—полного человеческого состояния в строении кисти, и... развитие подлинно человеческих особенностей в строении руки отставало от оформления аналогичных признаков в строении нижних конечностей»³³.

Ф. Энгельс показал основное функциональное отличие руки человека от лапы обезьяны, которое заключается в опосредованном изготовлении орудий воздействия на внешнюю природу, представляющем собой неведомое животному миру конструктивное преобразование среды. «С помощью руки некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Рукой они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При ее же помощи они выполняют в неволе ряд простых операций, которые они перенимают у людей. Но именно тутто и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже самых высших человекообразных обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов одинаково у обеих, и тем не менее рука даже самого первобытного дикаря способна выполнять сотни операций, не доступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука,—резюмирует Ф. Энгельс,— не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»³⁴.

Собственно, анатомо-морфологическое изменение руки, и особенно ее функциональной части — кисти, не было таким кардинальным, как, скажем, перестройка структуры головного мозга и даже телесной организаций ископаемых предков человека, вызванной прямой

==45

походкой. Это изменение состояло в увеличении длины и подвижности пальцев (особенно большого) относительно ладони, в соответствующем изменении структуры мышц, обеспечившем возрастание гибкости, вариабельности, способности руки к выполнению тонких операций и повышению ее чувствительности в ущерб грубой хватательной силе, а также в замене когтей плоскими ногтями.

Советский ученый Л. П. Астанин на основе сопоставления материала, полученного рентгенографическим способом, выявил интересные параллели онто- и филогенетических изменений кисти человека и приматов. Изучив закономерные тенденции специализации руки представителей различных видов спорта, он высказал предположение о наличии аналогичного механизма (с помощью тренировок) эволюции кисти у ископаемых приматов. Этот механизм способствовал, как полагает ученый, закреплению при определенных условиях того или иного комплекса функций кисти, разумеется, в сочетании с регуляцией со стороны центральной нервной системы. Так, в форме и пропорциях пальцев руки теннисистов Л. П. Астанин видит «намек на те изменения, которые в яркой форме выражены в охватывающей кисти полуобезьяны. Сходная функция (именно охватывающие движения) вызывает некоторые сходные изменения в строении кисти человека (в течение всей его индивидуальной жизни) и приматов (в процессе их эволюции)». Другой тип кисти автор назвал цепляющей !(брахиаторной) и привел следующий пример: «При упражнении на турнике и кольцах или при лазаний по канату кисть гимнаста несет приблизительно такую же нагрузку, как и кисть обезьяны при лазаний по деревьям. .. Здесь мы имеем второй пример сходного изменения строения кисти

человека и обезьян под воздействием сходной же функции». И наконец, Л. П. Астанин выделил опорную (наземную) функцию кисти, аналогичную руке боксера. «Удлинение у наземных обезьян пястных костей,—указывал он,—связано с тем, что эти кисти испытывают наиболее сильный толчок от соприкосновения с твердым грунтом при беге. Вероятно, такой характер функциональной нагрузки раздражает ростковые хрящи и тем самым стимулирует рост пястных костей в длину в направлении толчка». Об этих предположениях Л. П. Астанин рассказал на VII Мёж-

==46

дународном конгрессе антропологов и этнографов, состоявшемся в Москве в 1964 г.³⁵

Главное же заключалось в том, что рука постепенно занимала доминирующее место в обеспечении жизнедеятельности и безопасности ископаемого предка человека. В принципе функциональное развитие руки как естественного биологического орудия, к которому «присоединялось» естественное неорганическое орудие, например камень, могло идти и, вероятно, шло темпами, на несколько порядков превышающими скорость чисто биологической эволюции. Сохранившиеся древнейшие галечные орудия (костяные и деревянные не могли сохраняться столь долго) подчас трудно отличить от естественных осколков, образующихся под действием природных сил—воды, ветра, температуры колебаний,—но олдувайская каменная «индустрия», возраст которой составляет примерно 2 ($\pm 0,5$) млн. лет,—это научно доказанный факт.

Вопреки А. Харди, отводящему руке роль естественного инструмента для вскрытия раковин, рука стала орудием труда, познания и общения (жестикуляция). Руками наш предок бросал тяжелый острый камень в животное, на которое охотился или от которого оборонялся. Вручную обтачивал каменные (а может быть, костяные, роговые или деревянные) орудия. Руки зажигали костры и заготавливали топливо для их поддержания. Жестами рук предок человека сигнализировал об опасности, обменивался информацией, затем он дополнил жесты звуками голоса. Наконец, руками формирующийся человек пытался на стенах пещер или на окрестных скалах выразить зарождавшееся у него эстетическое восприятие мира, субъективную оценку его разнообразия.

Наиболее эволюционно молодым и, следовательно, пластичным и динамичным органом являлся головной мозг. Осязание, ощупывание, расчленение, соединение, перемещения и другие операции с предметами внешней среды, а также координация деятельности правой и левой рук, двигательной и манипуляторной активности, несомненно, «запечатлевались» центральной нервной системой, способствуя ее дальнейшему эволюционному развитию.

На VII Международном конгрессе антропологов и этнографов К. Э. Фабри отметил важное значение зан-

==47

модействия движений рук и зрения, установления зрительного контроля за этими движениями. Он попытался также доказать, что стимулом развития хватательных функций рук предка человека явилось расширение пищевой базы, освоение таких высококалорийных продуктов природы, как семена, орехи, луковицы, которые требовали довольно сложной предварительной обработки³⁶. Выступая в дискуссии по данному докладу, Н. А. Тих выделила два момента, которые характеризуют функции передних

конечностей обезьян, — неустойчивость их асимметрии в зависимости от вида и формы деятельности, а также повышение работоспособности одной руки под влиянием активной деятельности другой (так называемый феномен Сеченова)³⁷.

Мозг человека — «святая святых» организма, наиболее удивительное творение природы, «вместилище» сознания и разума, экран внешней среды, «место» рождения моделей ее преобразования и одновременно «пульт управления», центральный регулятор внутренних функций организма, средство поддержания необходимого баланса между изменяющимися внешними условиями и перестройкой внутриорганизменных процессов.

[00.htm - glava11](#)

Мозговой Рубикон

В эпоху научно-технической революции вековые философские споры о мозге как возможном «обиталище» души и разума, как и вульгарно-механистические предрассудки вроде тех, что мозг «выделяет» мысль, как печень желчь (их абсурдность показана В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм»), несколько утихли, хотя порой неожиданно рождаются в новом терминологическом оформлении. Громоздкие кибернетические схемы мозга одно время потеснили существовавшие в специальной медицинской литературе физиологические «карты» мозга и графиков его биоэлектрической активности. Например, специальный выпуск журнала «Курьер ЮНЕСКО» за февраль 1976 г. так и озаглавлен: «Мир мозга». На его страницах содержится множество удивительных снимков, рисунков, схем, таблиц и словесной информации по поводу новых научных данных о еще не используемых резервах человеческого мозга. Излагаются идеи социального и даже... хирургического воздействия на него. В литературе стали даже появляться проекты «пересадки» мозга...

Среди этих волнующих мир проблем все более за-

==48

метное место занимают вопросы о сопоставлении мозга животных и человека, о характере и структуре их генетической связи, мысль о которой одним кажется кощунственной, другим — совершенно естественной. Оставляя в стороне праздные разговоры об «уме» дельфинов, а тем более собак и других домашних животных, сразу оговоримся, что речь идет о генезисе не деятельности, а лишь морфологической структуры головного мозга человека.

Развитие мозга (цефализация) представляет собой третий элемент гоминидной триады, формированием которого завершился процесс антропогенеза и, видимо, вообще сколько-нибудь существенная эволюция человека современного физического типа. Однако, какой **бы** гигантский материал по данному вопросу ни накопила наука, перед учеными всегда будут стоять два важнейших вопроса: чем мозг человека отличается от мозга животного и каковы основные этапы и противоречия процесса становления человеческого мозга?

Когда в результате восстановления по найденным останкам черепов ископаемых высших приматов и древнейших гоминидов было выявлено заметное различие объема их мозга по сравнению с мозгом современного человека, родилась идея чисто количественного определения «границ» между обезьяной и человеком именно по этому признаку. Наиболее завершённое выражение она получила в сформулированной английским антропологом А. Кизсом в 1948 г. и французским ученым А. Валлуа в 1954 г. гипотезе о «мозговом рубиконе», определенном первым из них в 750, а вторым — в 800 см³. Предполагалось, что все ископаемые приматы, не достигшие «мозгового рубикона», — обезьяны, а перешагнувшие его — люди. Однако уже через два десятилетия эта идея была развенчана. Во-

первых, олдувайские раскопки Л. и М. Лики, а также их сына Ричарда свидетельствовали о том, что ископаемые антропоиды, существенно не дотягивавшие до «мозгового рубикона», тем не менее изготавливали примитивнейшие галечные (а возможно, костяные и деревянные) орудия труда и потому их нельзя безоговорочно относить к обезьянам. Во-вторых, постепенно выяснилось, что резкой грани между стадially различными ископаемыми формами нет. Наоборот, по мере накопления находок стала вырисовываться кар-

==49

тина постепенного увеличения массы мозга гоминидов в процессе эволюции. Сопоставив результаты проведенных разными исследователями измерений мозга предков человека, В. П. Алексеев пришел к выводу, что «разрыв между самой высокой величиной у австралопитеков и наиболее низкой величиной у архантропов стирается, и, следовательно, в величине мозга нельзя увидеть четкого критерия для отделения австралопитеков от гоминидов»³⁸.

В-третьих, исследования последних десятилетий показали, что на заключительных этапах антропогенеза все более определяющую роль играла не столько масса мозгового вещества (которая, например, у классического неандертальца не уступала, а порой и превышала соответствующий показатель у современного человека), сколько его структура, уровень морфологической организации, хотя, конечно, именно увеличение объема мозга явилось объективной основой его эволюции. Словом, количественные изменения в процессе цефализации были гораздо более сложно связаны с качественными, чем предполагали сначала, и никакой четкой демаркации между «последней» обезьяной и «первым» человеком по признаку объема мозга установить не удалось (и, как

представляется, не удастся), «мозгового рубикона»... не оказалось.

Одним из основных методов реконструкции процесса эволюции мозга является изучение так называемых эндокраниальных отливоков — слепков внутренней поверхности черепа ископаемых форм, изготавливаемых путем заливки в них медного сульфата и эластичных масс и извлечения через большое затылочное отверстие получаемой таким образом пленки, способной передавать рисунок рельефа борозд мозга и кровеносных сосудов твердой мозговой оболочки с точностью до сотой доли миллиметра³⁹. Конечно, полной информации о глубинных структурах мозга исследование эндокранов не дает, однако оно позволяет достаточно точно определить объем мозга, а также основные тенденции его изменения, в частности поля наиболее интенсивного роста. Кроме того, сопоставление полученных данных с «картой» мозга современного человека показывает некоторую последовательность формирования его основных регулятивных функций.

Значительный материал о соотношении старых и мо«

==50

лодых корковых структур в процессе эволюции, об их «ответственности» за те или иные аспекты деятельности мозга или всего организма дают психиатрия и нейрохирургия, эмпирически сталкивающиеся с утратой большими тех или иных функций мозга в результате поражения

(механического либо опухолевого) определенных его участков. И наконец, нейрокибернетика в той мере, в какой **она** будет учитывать собственно общественный характер эволюции и функций человеческого мозга, также может со временем внести свой вклад в раскрытие механизма и этапов «очеловечивания» психики нашего далекого предка.

Уже у приматов сложился качественно новый тип складчатости головного мозга, в котором преобладало не циркулярное, как у представителей иных отрядов млекопитающих, а радиальное направление главных борозд; это сопровождалось тенденцией укрупнения полушарий⁴⁰. Сохраняя в обоих указанных отношениях преемственность с предшествующими ступенями эволюции, развитие мозга гоминидов пошло в несколько ином направлении, именно по пути существенного расширения диапазона его индивидуально-прижизненной пластичности и зависимости от типа жизнедеятельности конкретного человека. Так, в донатальный период человеческий мозг достигает только 25% своего будущего объема, в то время как у шимпанзе—65%.

Эволюция мозга, как уже отмечалось, непосредственно связана с прямохождением (в результате стали тоньше кости черепа, увеличилась его вместимость, произошла перестройка двигательных центров мозга) и развитием руки, обуславливающими совершенствование зрения, тактильной чувствительности и т. п. Именно систематическая орудийная деятельность ископаемых антропоидов дала решающий толчок развитию мозга, которое шло, **как и** антропогенез в целом, по типу ароморфоза: функциональные изменения предшествовали структурным (органо-морфологическим). Новые функции, «возложенные» на мозг специфическим направлением эволюции антропоидов в сторону социальности, обуславливали формирование новых структур в коре больших полушарий.

Современная наука все более полно очерчивает круг поистине универсальных возможностей и *функций* мозга, вновь и вновь подтверждая мысль о том, что челове-

;

==51

ский мозг—это по существу уникальное средоточие достижений биологической эволюции, открывающее человеку поистине безграничные перспективы усвоения достижений культуры и творческой деятельности. Д. К. Беляев считает, что главнейшим объектом естественного отбора в процессе антропосоциогенеза было полифункциональное развитие головного мозга и как «системы управления положением и функционированием тела, деятельностью освобожденной руки, а также ориентацией в конкретной жизненной ситуации и построении программ поведения», и как «целостной системы, включающей, помимо нервных, и гормональные механизмы регуляции онтогенеза и физиологических функций», и как «системы регуляции важнейших генетических процессов»⁴¹.

Напомним, что, согласно гипотезе о перекомбинации генофонда приматов, «слились» и тем самым усилились как раз те хромосомы (предположительно это 5-я или 2-я пара), которые «отвечают» за развитие и функционирование мозга. Может быть, именно это дало толчок постепенному дополнению сложившейся в ходе предшествующей эволюции млекопитающих системы рецепторов и эффекторов новой «надстройкой» в виде полей третичного коркового анализа нервных импульсов — биологической предпосылки возникновения понятийного мышления⁴². Вероятно, существенную роль сыграла в эволюции мозга функциональная асимметрия коры больших полушарий, их гармоничная «специализация» на преимущественном использовании либо рационального, либо чувственного «каналов» связи с окружающим миром.

Здесь уместно отметить, что идеалистический разрыв процессов эволюции мозга и становления труда служит главной гносеологической причиной игнорирования буржуазными исследователями важнейших процессов перестройки внутренней структуры и архитектоники мозга, акцентирования внимания лишь

на его абсолютных размерах. В результате Р. Ардри, например, сделал вывод, что в течение примерно полумиллиона лет физиологически «готовый» человеческий мозг по существу не развивался.

Американский астроном К. Саган, занимающийся поиском внеземных цивилизаций, автор книги с претенциозным названием «Драконы Эдема о загадках голов-

==52

ного мозга», трактует эволюционную гетерохронность структуры человеческого мозга -вульгарно-физиологически. Он уподобляет мозг старинному манускрипту, в котором под новейшим текстом все еще можно прочесть записанное ранее. В частности, он считает, что агрессивное поведение и приверженность ритуалам объясняются наличием древних участков мозга, унаследованных от рептилий и носящих название Р-комплекса, в то время как альтруизм и любовь связаны с лимбической системой, развившейся у млекопитающих, а свойство предвидения сосредоточено в сравнительно недавно образовавшихся фронтальных долях мозга. К. Саган утверждает, что «в самом прямом смысле слова цивилизация может считаться продуктом фронтальных долей»⁴³.

При этом он ни слова не говорит о труде как совместной деятельности по преобразованию природы с помощью орудий. Развитие мозга рассматривается им обособленно, лишь как сугубо физиологический процесс, что открывает возможность его мистификации. В частности, на этом основании вину за агрессивность как черту антагонистических обществ буржуазные ученые переносят с порождающих ее социально-экономических отношений на ископаемых рептилий, якобы оставивших зловещий след своей кровожадности в мозгу каждого из нас.

Что же дает современная наука для понимания генезиса, истоков эволюции, строения и архитектоники современного человека? С чего начался и как в общих чертах протекал этот процесс?

Сравнительное исследование эндокранов показало, что интенсивное увеличение объема мозга началось (именно в связи с орудийной деятельностью) сразу в двух очагах: нижнем теменном (наибольшая площадь у^личения), связанном у современного человека с координацией действия рук, и нижнем лобном, соответствующем двигательной зоне устной речи (центр Брок4). Следующий этап характеризовался появлением двух новых эпицентров—височного и паракоронарного (прежде всего центра Вернике, обеспечивающего понимание речи, и примыкающей к нему так называемой угловой извилины, которая, находясь в месте смыкания частей коры, регулирующих зрение, слух и осязание, позволяет усваивать и перерабатывать поступающую из

==53

внешнего мира информацию), а также усложнением рельефа поверхности мозга, что было обусловлено дальнейшим совершенствованием труда, мышления, речи. И лишь на заключительном этапе антропогенеза, характеризующемся формированием человеческого мозга, происходит прогрессивное развитие префронтальной области лобной доли⁴⁴. Итак, «сначала труд, а затем вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»⁴⁵.

Масса находок, естественно, требует разработки новых путей и оснований их классификации, а также мысленной реконструкции древа происхождения человека. Характерно, что Л. Лики в 1959—1960 гг. в связи с новыми находками дважды весьма существенно менял созданную им антрополого-археологическую схему эволюции и теоретическую модель непосредственных предшественников человека⁴⁶.

Уже приведенные в этой главе конкретно-научные данные показывают, что принцип гоминидной триады получает дополнительные подтверждения со стороны различных отраслей современной науки, исследующих проблему антропосоциогенеза.

¹ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

² Туровский М. Б. Труд и мышление. М., 1973, с. 68.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

⁴ См. там же.

⁶ См. Малиновский А. А. Биология человека. М., 1973, с. 3—9. ⁶ См. Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.—Л., 1939, с. 169—172.

¹ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977, с. 41—43.

⁸ См. Харрисон Дж. и др. Биология человека, с. 27.

⁸ Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977, с. 186.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См. Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486—199.

¹² Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 90—92.

¹³ См. Габуня Л. К. Вымершие и вымирающие виды М 1976 с. 9—11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маркс К; Энгельс Ф. Соч"; т. 20, с. 486.

¹⁶ Харрисон Дж. и др. Биология человека, с. 121.

¹⁷ Якимов В. Л. Черты прерывности в эволюции человека, с. 3—4.

¹⁹ См. Лавик-Гудолл. В тени человека. М., 1974.

- ²⁰ См. Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР, с. 229.
- ²¹ См. *Белькович В., Клейненберг С., Яблочков А.* Загадка океана. М., 1966, с. 164—165.
- ²² См. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- ²³ Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 79.
- ²⁴ *Урысон М. И.* Древность человека в свете новых данных. —• Современные проблемы антропологии. М., 1976, с. 16.
- ²⁵ См. *Иди М.* Недостающее звено. М., 1977, с. 30.
- ²⁶ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 487.
- ²⁷ *Гегель.* Философия права. Соч., т. VII. М.—Л., 1934, с. 80.
- ²⁸ *Гегель,* философия истории. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, с. 227.
- ²⁹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 488.
- ³⁰ См. *Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии. М., 1976, с. 263—265.
- ³¹ Реликты, пережиточные формы этой способности, сохранились у современных человекообразных обезьян и «пробуждаются» в процессе эксперимента.
- ³² *Нестурх М. Ф.* Приматология и антропогенез. М., 1960, с. 65.
- ³³ Первобытное общество. М., 1975, с. 13.
- ³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 487.
- ³⁵ Труды VII Международного конгресса антропологическ"; и этнографических наук, т. 3. М., 1968, с. 487—489.
- ³⁶ См. там же, с. 501.
- ³⁷ См. там же, с. 502.
- ³⁸ Первобытное общество, с. 17.
- ³⁹ См. *Кочеткова В. И.* Палеоневрология. М., 1973, с. 12
- ⁴⁰ Там же, с. 5—6.
- ⁴¹ «Вопросы философии», 1981, № 8, с. 71, 75, 77.
- ⁴² См. *Кочеткова В. И.* Палеоневрология, гл. V, VI.
- ⁴³ См. Америка, № 263, октябрь 1978, с. 43.
- ⁴⁴ У низших обезьян лобные доли занимают 10% коры, у высших—менее 15, у человека—около 25%.
- ⁴⁵ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 490.

[00.htm - glava12](#)

Глава третья СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРУДА

[00.htm - glava13](#)

Труд и человек

Силой, обусловившей эволюцию высших антропоидов в направлении человека современного физического типа, явился труд. Но в каком смысле можно говорить о человеке как продукте труда, если сам труд сложился именно в процессе антропосоциогенеза? И как в этом случае природная «заданность» труда опосредуется общественным характером последнего?

Метафизическое мышление сегодня, как и сто лет назад, не позволяет вскрыть истинную природу и диалектически противоречивую сущность труда. Абсолютизируя духовные моменты труда и отрывая их от его материальных предпосылок, современные буржуазные марксологи делают выводы о якобы идеалистическом характере марксизма (Г. Веттер), утверждают, что взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на проблему происхождения человека и общества в принципе исключают друг друга, поскольку К. Маркс будто бы рассматривал производство лишь как духовную деятельность, а Ф. Энгельс утверждал, что труд сформировал «телесную организацию» человека современного физического типа (М. Рединг).

Теоретики современного ревизионизма намеренно искажают соотношение труда и практики как совокупности всех видов деятельности общественного человека путем их полного отождествления (Э. Блох) или намеренного противопоставления труда как якобы фатально отчужденной, неизбежно репродуктивной деятельности практике— истинно свободной, подлинно творческой (К. Косик, Г. Петрович, М. Маркович, Г. Маркузе)'. Необходимость принципиальной критики подобных взглядов делает актуальным обращение к творческому наследию классиков марксизма, убедительно доказавших, что труд, являясь фундаментальной основой практики,

не только создал людей, но и постоянно «воссоздает» человека как общественное существо.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что коренное отличие людей от животных, которое философы веками усматривали в наличии двуногости, рук, души, разума, речи, морали, религии, даже в сочетании двуногости (как у птиц) с отсутствием перьев и крыльев и т. п., заключается в способности к труду, определяющему характер их отношения к внешней природе, друг к другу и к самим себе, являющемуся «ядром» всех форм социальной жизнедеятельности. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии—вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь... Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что

они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят. Что представляют собой индивиды,—это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»².

Будучи уникальным биологическим видом, человек неразрывно связан с окружающей природой. Мы, утверждал Ф. Энгельс, «нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее», а потому «все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять»³. Внешняя природа—это «неорганическое тело» человека (К. Маркс), который изначально наделен индивидуальными «природными силами»—естественными орудиями труда — и столь же объективно ограничен пределами как их действенно—ети, так и «податливости» им окружающей его среды. В- «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. К. Маркс писал: «Человек является непосредственно *природным существом*. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен *природными силами, жизненными силами*, являясь *действенным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений*; а с другой стороны, в качестве при-

==57

родного, телесного, чувственного, предметного существа он, подобно животным и растениям, является *страдающим*, обусловленным и ограниченным существом, т. е. *предметы* его влечений существуют вне его, как не зависящие от него *предметы*; но эти предметы суть *предметы* его *потребностей*; это—необходимые, существенные для проявления и утверждения его сущностных сил *предметы*. . .»⁴

Вместе с тем совершенно очевидно, что в известном смысле человек стоит «вне» и «над» природой, что он не тождествен ей, поскольку он есть в то же время и общественное существо, а социальное в нем отнюдь не представляет собой лишь «добавку» к его животной природе. «.. Человек, — отмечал К. Маркс, — не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо»⁵ и потому принципиально отличается от животного. Даже достигая поразительного «искусства» в приспособлении к динамичной окружающей среде, животное остается тождественным своей непосредственной жизнедеятельности. Оно не выделяет себя из природы, изменяя ее лишь в силу естественной необходимости, которая реализуется с помощью рефлекторно-инстинктивных механизмов. «Животное, — писал Ф. Энгельс, — только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду»⁶. Именно труд выводит человека за пределы чисто природного существования, открывая перед ним горизонты общественного бытия, общественной деятельности и общественного сознания. В процессе труда человек впервые «выделяет» себя из окружающей природы, «удваивает» себя в предметном преобразовании окружающего мира.

Что же такое труд как первое и основное условие всей человеческой жизни? «Труд, — писал К. Маркс в «Капитале»,—есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором Человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество

==58

природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»⁷.

В процессе воздействия на внешнюю природу человек использует естественные и искусственные орудия труда, среди которых К. Маркс особо выделил механические, совокупность которых он называл «костной и мускульной системой производства»⁸.

В Марксовом определении труда содержится указание на известное сходство некоторых его признаков с отдельными чертами жизнедеятельности животных. Действительно, последним присущи обмен веществ с окружающей природой, изменение (в том числе уничтожение) определенных объектов природы, использование при этом естественных сил и органов и т. п.

Отмечая это сходство, К. Маркс высказал плодотворную идею о существовании в далеком прошлом «первых животноеобразных, инстинктивных форм труда». При этом он имел в виду гипотетическое, «уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы». Правда, К. Маркс более подробно исследовал ту форму труда, которая составляет исключительное достояние человека, фиксируя внимание и на его духовных моментах, отсутствующих у животных: сознательном целеполагании, концентрации внимания, волевом поддержании необходимого напряжения, наслаждении трудом как игрой не только физических, но и интеллектуальных сил⁹.

Однако мысль о наличии эволюционной связи между животноеобразным и собственно человеческим трудом, видимо, волновала К. Маркса. В XIII главе «Капитала», размышляя о происхождении машин, он вновь возвратился к ней. «Дарвин, — писал К. Маркс, — интересовался историей *естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных*. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов обще-

59

ственного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?.. Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»¹⁰. Тем самым К. Маркс, видимо, хотел подчеркнуть, что существует специфическая связь между «естественной технологией» ископаемых предков и искусственной технологией, разработанной человеком и постепенно ставшей основой для создания им «второй природы».

Очень важно правильно оценивать те предпосылки трудовой деятельности, которые были «подготовлены» эволюцией в недрах животного мира. В генетическом смысле, констатирует Т. Ярошевский, «труд есть как бы продолжение типичных свойств, присущих животным организмам, которые позволяют им путем приспособления органов, а также регулирования их деятельности с помощью нервной системы присваивать целенаправленным образом из окружающей среды все то, что необходимо для их развития и выполнения организмом соответствующих функций»¹¹.

Вместе с тем истоки труда коренились не в любой животной жизнедеятельности, а в той, которая была присуща лишь ископаемым приматам. Ее основой постепенно становилась адаптация к среде путем приспособления «через воздействие на среду, отличное от воздействия простого присутствия»¹². Ф. Энгельс, анализируя доказанную Ч. Дарвином генетическую связь человечества с животным миром,

высказал мысль о том, что истоками труда являются специфические формы биологической адаптации высших антропоидов к окружающей среде. Жизнедеятельность последних могла быть обеспечена посредством эволюционного совершенствования естественных органов труда путем развития навыков манипулирования различными (в том числе, и это самое важное, неорганическими, несъедобными) предметами, которое было обусловлено соответствующей морфологической организацией и достаточно гибкой нервной системой. У предков высших антропоидов такая деятельность могла подняться до уровня биологической специализации вида, не становясь еще специализацией естественных органов труда. Специализа-

==60

ция рода Номо состояла именно в расширении возможностей варьирующей деятельности.

Опираясь на факты—использование человекообразными обезьянами дубин, камней и плодов для прицельного поражения других животных,—Ф. Энгельс считал, что предки гоминидов встали на путь вначале эпизодического, а затем систематического использования отдельных предметов природы в качестве необходимого дополнения к естественным органам своей жизнедеятельности, средств нападения на окружающих животных, защиты от них, а также разделывания добычи. Внешняя природа как бы «расщеплялась» на биологически-значимые и биологически-нейтральные предметы; к числу последних относились главным образом неорганические, использовавшиеся предками гоминидов в качестве посредников и «помощников» в процессе обеспечения их биологической жизнедеятельности.

При этом некоторые предметы природы, круг которых постоянно расширялся, далекие предки человека вырывали из исходного, чисто природного состояния и все чаще использовали в качестве примитивных средств труда. Анализ результатов раскопок, проведенных Р. Дартом и семьей Лики в Южной и Восточной Африке и выявивших начатки предметно-орудийной деятельности у австралопитеков, позволил сделать некоторые выводы относительно естественных предпосылок становления труда. Один из них заключается в том, что «естественная деятельность с помощью орудий в ее элементарной форме, т. е. основная структура орудийной деятельности, необходимая для последующего развертывания в собственно человеческий труд, может сложиться и действительно складывается на стадии высших животных»¹³.

Этот процесс в том виде, как он протекал, современные люди могут представить лишь по косвенным сведениям, полученным при исследовании жизнедеятельности современных человекоподобных приматов. (Естественно, что данная аналогия достаточно условна.) В частности, способность и склонность современных человекообразных обезьян к разностороннему манипулированию биологически бесполезными (т. е. несъедобными) предметами рассматриваются советскими зоопсихологами как реликтовые. Очевидно, у предков человека предметная деятельность была развита более значн-

==61

тельно. Она достаточно ярко «вспыхивает» в условиях творчески поставленного эксперимента.

Очень важным представляется то обстоятельство, что ни одному из самых искусных экспериментаторов до сих пор не удалось добиться даже от самых «понятливых» человекообразных обезьян ничего похожего не только на изготовление каменных орудий, но даже на использование камня в качестве средства обработки дерева. Более того, как показали опыты Г. Ф. Хрустова, во всех случаях, кроме, разве, бросания, «реакция шимпанзе на камень приобрела характер активного отвергания... Шимпанзе проявили большую изобретательность в действиях, упорно стремясь различными способами получить необходимое орудие, *но ни один из них не сделал попытки обработать неподатливый материал предложенным вместе с ним каменным орудием или чем-либо иным, кроме своих естественных орудий—органов своего тела.* Когда в опытах основной серии выяснилось, что шимпанзе не в состоянии даже подойти к требующемуся и единственно возможному в данной ситуации решению задачи, впервые был применен показ. Однако и примененный на этой стадии сначала частичный, а затем многократный полный показ выполнения всей операции и получения в результате готового орудия с помощью камня при следовавших за показом самых напряженных и длительных усилиях шимпанзе преодолеть сопротивление материала (дерева.—И. Л.) не привел к какой-либо попытке животного подражать действиям экспериментатора и использовать камень. Контрольные эксперименты дали тот же результат»¹⁴. Очевидно, четыре миллиона лет развития по все более «расходящимся» траекториям эволюции не могут быть «преодолены» с помощью только демонстрационного показа. К тому же использование камня для обработки других материалов с целью сделать новое орудие, видимо, не было свойственно общему с шимпанзе и гориллой ископаемому предку человека и представляло собой результат длительного развития последнего по специфически гоминидно-сапиентному пути.

На каком же этапе процесса эволюции предметная деятельность высших антропоидов «породила» труд? Одним из наиболее аргументированных вариантов от-вета на этот вопрос представляется гипотеза так называемого компенсаторного манипулирования К. Э. Фабри.

==62

Исследователи давно заметили, что в естественных условиях конструктивная деятельность обезьян, т. е. сколько-нибудь связанная система предметных действий, как правило, ограничивается строительством гнезд и навесов. В других ситуациях она встречается редко и развита чрезвычайно слабо. Вместе с тем само по себе «стремление манипулировать любым предметом, не имеющим даже отдаленного сходства с пищей, способность замечать детали и расчленять сложное,—все это является,—отмечает Ю. Н. Войтонис,—первой предпосылкой проявления умения пользоваться вещью как орудием в самом примитивном смысле этого слова»¹⁵.

К. Э. Фабри обратил внимание еще на одно обстоятельство, считая его чрезвычайно важным. Оказывается, манипулирование посторонними предметами в естественной среде имеет у обезьян ярко выраженный хаотический, непоследовательный характер. Потребность в «биологически-нейтральной игре» при обилии различных предметов приводит к распылению внимания, беспорядочному выбору и поверхностной «обработке» этих предметов. Зато в экстремальных условиях, скажем в резко обедненной окружающей среде, у высших обезьян происходит коренная перестройка манипуляционной активности. В пустой клетке их активность концентрируется на одном или немногих предметах, предлагаемых экспериментатором. Животное осуществляет интенсивное, сосредоточенное, длительное, все усложняющееся манипулирование. Вырабатываются достаточно сложные по сравнению с прежними движения, что в процессе эволюции, очевидно, дало сильный толчок развитию психомоторной сферы. Правомерно предположить, что такого рода ситуации складывались довольно часто и разрушали привычные стереотипы поведения животных предков человека. Вынужденное отвлечение от множества «лишних» объектов манипулирования выступало внешней предпосылкой сосредоточения внимания на узком сенсорном поле и тем самым открывало перспективу все более целенаправленного использования свойств различных предметов природы.

Тот факт, что на рубеже третичного и четвертичного периодов ископаемые антропоиды оказались в условиях резко обедненной природной среды, в частности флоры, признают все исследователи. Правда, точка зрения Ч. Дарвина, согласно которой причиной этого были по-

==63

холодание и исчезновение лесов, сейчас не является Единственной. Американский зоогеограф Ф. Дарлингтон придерживается иного взгляда. Он считает, что высокоразвитые, в эволюционном смысле достаточно пластичные ископаемые приматы переселились на опушку тропических лесов, а затем в саванну. Во всяком случае Олдувайское ущелье и окружающая саванна в том виде, в каком они сохранились до наших дней, представляют именно такое место, где могли поселиться приматы. Здесь сравнительно бедная растительностью природная среда сочетается с обилием различных видов антилоп — удобного и доступного объекта для складывавшейся охоты как специфического вида деятельности.

Еще одна важная тенденция развития поведенческих реакций приматов заключается в том, что, воздействуя на природный объект непосредственно зубами или руками, они фиксируют внимание на его изменении.

Но как только обезьяна получает один предмет, чтобы воздействовать с его помощью на другой, она концентрирует все внимание на первом, на манипуляциях с ним как с «орудием», но не на изменениях, происходящих со вторым, «обрабатываемым» предметом, который мог бы служить «предметом труда». Последний в данном случае выступает не более чем «фоном» действия.

К. Э. Фабри, отмечая полную противоположность описанной ситуации логике трудовых операций человека, высказывает предположение, что в процессе существенной перестройки предметной деятельности ископаемых приматов в резко обедненной окружающей среде, видимо, произошло переключение внимания на «второй» объект¹⁶ или оно сосредоточилось на орудии и предмете деятельности одновременно. Несомненно, этому способствовало и наличие значительно менее специализированных, нежели у современных обезьян, передних конечностей, а главное — функциональная дифференциация в процессе формирования предметно-практической деятельности больших полушарий головного мозга и связанная с этим специализация правой и левой рук.

Таким образом, объективно необходимое систематическое использование естественных орудий труда в целях выживания антропоидных обезьян на рубеже третичного и четвертичного периодов стало по сути дела

==64

первым, шагом длительного процесса «разобезьяннения» обезьяны, открывшим путь дальнейшему прогрессивному развитию животного мира.

[00.htm - глава 14](#)

Появление орудия

«Труд,—писал Ф. Энгельс,—начинает изготовления орудий»¹⁷. Можно предположить, что систематическое использование предками человека различных предметов природы в качестве средства обеспечения жизнедеятельности постепенно приводило к выбору среди многих однородных предметов наиболее удобных по форме, эффективных в употреблении, а затем к их целенаправленному поиску, собиранию, созданию запасов и т. п. Освобождавшаяся от функции передвижения рука и формирующийся в мозгу «образ» пригодного естественного орудия способствовали все более разносторонней и успешной доработке найденных в природе предметов до искусственных орудий труда.

Закрепляясь как фактор биологической специализации, орудийная деятельность предполагала все более тонкую дифференциацию предметов природы, выбор среди них биологически-нейтральных и подправку их перед непосредственным использованием в качестве орудий труда. Таким образом, постепенно складывались предпосылки для перехода к целенаправленному созданию искусственных орудий труда, прежде всего каменных, которые невозможно обработать с помощью естественных органов (рук, зубов, ногтей). Посредством каменных орудий затем обрабатывались более податливые природные материалы—дерево, кость, рог и т. п. «Практически изготовление орудий, — подчеркивает Д. В. Гурьев, — базировалось на тех же самых действиях, что и подправка естественных орудий, сохраняло ее предметность и абиологичность»¹⁸.

Проследить возникновение «самого первого» искусственного орудия так же невозможно, как и появление «самого первого» человека. Действительно, как отличить камень, «конструктивно» измененный силами ветра, воды, смены температур, камнепадов, от первых, целенаправленных сколов, тем более что с тех пор минули сотни тысяч, а то и миллионы лет? Зыбким критерием оценки каменного орудия как искусственного может служить наличие острых сколов (под действием природных сил их появление маловероятно) и повторяемость форм.

Далее. Ученые полагают, что наиболее отчетливо

==65

преимущества орудийной деятельности как формы первоначально биологической специализации должны были проявиться в процессе охоты. Но каким образом? В виде использования камня как дистантного оружия, как средства подправки крупных костей и дубин или как орудия для разделывания крупной охотничьей добычи и последующей обработки шкуры? Первооткрыватель австралопитеков Р. Дарт отметил у них довольно стойкий стереотип разделки туш антилоп. Причем задние кости животных употреблялись затем в качестве оружия при нападении на бабуинов.

Существует гипотеза о том, что охоте на крупных животных предшествовало специфическое «мясное собирательство», «пассивная охота»: поедание трупов погибших либо павших животных¹⁹. Б. Ф. Поршнев, например, считал, что троглодиты (так он называл австралопитеков и более поздних предлюдей), чтобы овладеть головным и костным мозгом павших крупных животных, «стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов с помощью еще более крепких и острых камней»²⁰. Так возник прототип каменного рубила, костяного или деревянного рычага и т. п. Все это стало предпосылкой последующего перехода к охоте и приручению животных как постоянным видам деятельности. Первоначальным арсеналом средств труда, среди которых особенно выделялся камень, пригодный для того, чтобы «метать, тереть, давить, резать и т. д.», была земля (К. Маркс), а «наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»²¹.

Современная наука позволяет с достаточной степенью достоверности говорить о «родословной» лишь каменных орудий. Ленинградский археолог С. А. Семенов более тридцати лет посвятил исследованию закономерностей развития техники в каменном веке. Используя методы трассологии (науки о следах) и тщательно рассматривая под стереоскопическим микроскопом найденные кремниевые орудия, он сумел восстановить пути и тенденции развития первобытной техники. Главным в собственно технологическом смысле было: все большее за-

==66

острение орудий, использование принципа рычага, совершенствование формы, позволявшее, с одной стороны, вовлекать в процесс труда новые группы сильных мышц, а с другой—осваивать более высокие скорости и сложные движения, например вращательные. Ученый установил, что в каменном веке была достигнута неожиданно высокая по сравнению с предполагавшейся ранее производительность труда и ее динамика на различных этапах. Молодую ольху толщиной в 10 см ручным кремниевым рубилом удалось спилить за 10 мин., а нефритовым каменным топором — всего за минуту. Вопреки мнению некоторых этнографов, считающих, что едва ли не вся жизнь дикаря уходила на шлифование одностороннего каменного топора, научные сотрудники под руководством С. А. Семенова тратили на его изготовление от 2,5 до 25 часов (в зависимости от материала). Некоторые аналогичные результаты получил и профессор Бордоского университета во Франции Ф. Борд²². Словом, археологи проникли не только в тайны изготовления, но и в технологию применения каменных орудий.

В исследованиях буржуазных антропологов часто недооценивается, а то и просто игнорируется значение орудийной деятельности ископаемых антропоидов как естественной предпосылки труда. Нередко суть орудийной деятельности сводится лишь к количественному накоплению навыков манипуляции естественными предметами, например камнями и осколками раковин, которые, например, А. Харди называет «примитивными орудиями» и главное значение их видит в том, что они вызвали развитие ловкости и силы пальцев, а вовсе не в тенденции движения к искусственным средствам труда и качественно новым, неведомым животному миру формам сотрудничества, взаимопомощи и кооперации.

В трудах зарубежных авторов сохраняется противоречащая современным научным данным тенденция метафизического разрыва человека и орудий труда как якобы автономных существ, эволюционные траектории которых пересеклись в общем-то случайно. До сих пор не преодолена односторонняя трактовка связи человека и орудия, которое подчас рассматривается лишь как полезная «добавка» к первому. И наконец, само взаимодействие «автономного» человека (сформировавшегося якобы *до* и *без* орудий) с орудием носит неиз-

==67

бежно поверхностный, второстепенный характер пользования им. Но тогда в тени остается важнейший в мировоззренческом плане вопрос: откуда взялись, кем созданы орудия труда и как они применялись?

В частности, С. Лилли, полагая, что «человек, каким знаем его мы, не смог бы выжить без орудий труда», вместе с тем допускает возможность его «безорудийного» существования. «Первые люди,— уверяет он,—были существами, весьма отличными от современного человека, и они, вероятно, сумели

бы прожить и без орудий труда. Но только благодаря тому, что эти... примитивные человеческие существа научились пользоваться орудиями труда, и развился современный человек»²³.

В работах буржуазных ученых принижается роль труда в становлении человека, труд отождествляется с инстинктивной манипуляционной деятельностью животных, отрицается прогрессивная эволюция органа труда—руки. Например, американский биолог Э. Майр утверждает, что «использование орудий и даже их изготовление широко распространено в царстве животных», и что «рука изменилась удивительно мало с тех пор, как она использовалась в основном для захвата ветки, до того времени, когда она впервые стала использоваться для игры на фортепьяно или для починки изящных часов», и что изготовление простых каменных орудий будто бы не является обязательным стимулом для развития мозга и т. п.²⁴

На самом деле именно усложнением формы, а вместе с тем и процесса изготовления каменных орудий обуславливается развитие мозга и речи. Ведь создание каменного рубила нельзя свести к совокупности движений руками. Важнейшим моментом данного процесса является—правда, еще не достаточно развитое—целеполагание, концентрация внимания на обрабатываемом объекте, а затем его целесообразное распределение между предметом и орудием труда и самой трудовой деятельностью. Необходимой предпосылкой этого выступало формировавшееся умение мысленно останавливать мелькающие представления, прерывать цепь ассоциаций²⁵.

Анализ стадий формирования «каменной индустрии» показывает рост числа различных трудовых актов и операций. Древние галечные орудия обработаны относительно малым числом ударов (от 3 до 10), шелльские

==68

рубил несут на себе следы 8—30 ударов, ашелльские— до 100. При изготовлении первых кремневых ножей (мустье) производственная цепь включала более 200 актов, сгруппированных в 10—11 операций. Сложность процедуры изготовления орудий обусловила появление у наших животных предков новых свойств психики, к числу которых в первую очередь относится «концентрация внимания на узком сенсорном поле... не только в работе над мелкими изделиями, но и в производстве многих однообразных движений»²⁶. Применение орудий, напротив, требовало развития способности распределять внимание между несколькими предметами или одновременно работающими индивидами. Словом, совершенствование внимания сопровождалось становлением памяти, мышления, воображения, а также развитием воли и все более осознанным стремлением к формулировке и осуществлению поставленной цели.

Создание искусственных орудий требовало не только подбора определенного природного материала, но и удержания в голове стереотипа, образца будущего изделия и сознательной регуляции деятельности по изготовлению орудия труда.

Вначале ископаемый предок работал с камнем, подобно скульптору. Он отсекал «лишнее», стремясь получить острый край или конец. Но обработка заготовки в отличие от действий скульптора максимально сковывала индивидуальную деятельность первобытного мастера, подчиняла ее теряющейся в глубине веков традиции. В последующем сравнении полученного результата с предполагаемым вырабатывалась способность оценивать вложенный труд. Таким образом ему приоткрывалась крохотная «щель» для невольного, зачастую совершенно нечаянного проникновения в репродуктивную деятельность элементов творчества. Действительно, иногда «брак» с точки зрения слепого следования образцу оказывался более удобным и эффективным в процессе использования орудия.

Создание искусственных орудий вовсе не означало отказа от использования подправленных, естественных орудий и тем более телесных органов труда. Напротив, первые служили дополнением, усилением органов человека, «удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»²⁷. Вполне можно допустить, что при разделке добычи могли применяться искусственные ору-

==69

дня, в процессе охоты—естественные, слегка «подправленные» либо специально подобранные, а при собирании растительной пищи древнейшие люди могли обходиться необработанными предметами природы или даже телесными органами труда (руками и др.). Все три типа орудий в течение длительного времени сосуществовали, составляя целостную систему обеспечения жизнедеятельности формирующихся людей. Ведущей, наиболее динамичной, а потому обуславливающей другие типы деятельности постепенно становится целенаправленное производство орудий труда.

При попытках мысленной реконструкции истоков человеческой истории орудия труда, как правило, ассоциируются лишь с вещественными, прежде всего каменными, средствами механического воздействия на предмет труда. Однако при этом остается в тени огонь — та великая и в принципе недоступная животным сила природы, которая, будучи практически неисчерпаемым и находящимся вне тела источником энергии, не только помогла «переходным существам» выжить в биологической борьбе за существование, но и осветила им неведомые прежде пути прогрессивной эволюции.

[00.htm - глава15](#)

Укрощение огня

Брошенный камень был естественным орудием дистантного воздействия, избавлявшим от неприятного соприкосновения с опасным зверем и достававшим недоступное иным способом животное. За исключением случаев сбрасывания или сталкивания камней сверху вниз, они лишь пассивно трансформировали силу индивида за счет уменьшения площади ее приложения. Огонь же помимо тепла существенно помогал овладевшим им переходным существам как прямо (будучи эффективным оружием), так и косвенно (существенно изменяя характер пищеварения). По современным подсчетам, предок человека, не умевший пользоваться огнем, получал ежедневно менее 2000 килокалорий (в основном из пищи, наполовину растительной, наполовину животной). Огонь сразу увеличил суточное потребление энергии до 5000 килокалорий, из которых на пищу приходилось 3000, а на комфортное тепло — 2000²⁸.

Приготовление пищи, представляющее собой по существу начальные этапы ее подготовки к употреблению (процесс, связанный с удовлетворением естественных потребностей индивида), с тех пор стало осуществляться

==70

с помощью огня. По мере расширения сферы целенаправленного использования огня открывались все новые возможности обеспечения с его помощью биологического выживания предков человека.

Очень ярко и образно пишет о значении огня французский писатель Ж. Рони-старший в трилогии, посвященной жизни формирующихся людей. Утрата огня ордами, не научившимися его добывать, зачастую ставила их на грань вымирания. Так случилось и с племенем уламров, представители которого являются главными героями первой книги, носящей название «Борьба за огонь» (доисторический роман). Даже в самые тяжелые времена, пишет автор, поддерживали уламры жизнь огня, «охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда» Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него. Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни; он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты... Огню, как и животным, нужна добыча: он питается ветками, сухими травами, -птичьим пометом; он способен расти и порождать другие огни, но он может и умереть. Рост его беспределен, и в то же время его можно приостановить, каждая его часть в отдельности может жить самостоятельно. Он убывает, как только его лишают пищи: делается маленьким, как пчела, как муХа, но может возродиться от одной былинки и стать обширным, как болото. Огонь—это животное, и в то же время он не похож ни на одно из них. У него нет ни ног, ни туловища, но он быстрее антилопы, у него нет крыльев, но он летает в облаках; нет пасти, но он дышит, ревет, рычит; у него нет ни рук, ни когтей, но он обладает всем миром... Огонь никому не отдает предпочтения и готов пожрать даже тех, кто его питает; он хитрее гиены и кровожадней, чем пантера, но присутствие его—прекрасно, он смягчает жестокость холодных Ночей, дает отдых усталым и делает людей сильными»²⁹, О функциях огня в жизни первобытных людей нап;-

==71

сано немало. Огонь был универсальным «орудием» приготовления пищи, что способствовало переходу ископаемых предков от растительной пищи к употреблению мяса, облегчало его усвоение, уменьшало (благодаря термической обработке) его количество, необходимое для утоления голода. Огонь служил мощным оружием обороны и складывавшейся загонной охоты. Огонь стал источником искусственно регулируемого «производства» тепла и света, а тем самым важной материальной предпосылкой формирующегося труда (повысилась его производительность и продолжительность, он мог протекать в более комфортных условиях и т. п.). Словом, костер продлил время жизни, труда и досуга, расширил кругозор, увеличил время общения представителей не только одного, но и разных поколений, позволил, изгнав хищников, заселить пещеры, стал местом совместного времяпрепровождения за пределами светового дня и в холодное время года, очагом, «фокальной точкой» зарождения социальности.

Огонь сыграл в процессе антропосоциогенеза также неопределимую роль как энергетическое орудие труда, которое в отличие от преимущественно механического воздействия вещественных предметов природы (камня, дерева и т. п.) иным (тепловым, химическим) способом изменяло свойства других природных объектов, существенно расширяя тем самым диапазон их эффективного применения. Огонь обладал всеми основными признаками орудия труда, помещаемого между индивидом и предметами природы, служил совместно используемым средством целенаправленного воздействия на них. Он значительно разнообразил формы труда. В частности, использование огня создало предпосылки для выделения «домашнего труда», образования принципиально новых видов охоты, изготовления орудий труда из других материалов и т. п. и вместе с тем вызвало необходимость ухода за костром, выяснения технологии его разведения, использования для производства орудий, пищи, создания комфорта. Огонь не только расширил круг биологических действий людей, но и в значительной мере сыграл, аналогично рубилу и резцу, роль «орудия орудий», ибо в огне размягчался рог, плавилась смола,

заострялось и затвердевало мокрое дерево. И даже камень путем резкой смены температуры разрушался при помощи целенаправленного воздействия огнем.

==72

Рассмотрение процесса вовлечения огня в жизнедеятельность «переходных существ» и формирующихся людей по аналогии с использованием, хранением и затем изготовлением вещественных орудий труда позволяет оценить его роль, а также выделить этапы освоения: 1) эпизодическое использование естественного огня (независимо от источника), 2) поддержание естественным образом возникшего огня, 3) разработка способов искусственного получения огня путем трения, высекания кремнием и т. п.

Ф. Энгельс рассматривал добывание огня трением как начало культуры и свободы, как грань, отделяющую человечество от животного царства, как источник производительных сил, более значительный, нежели позже паровая машина. «Ведь добывание огня трением,—подчеркивал он,— впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»³⁰. Технология добывания огня путем трения в принципе подобна технологии изготовления орудий с помощью других, предварительно заготовленных и тщательно хранимых орудий. Однако она больше запечатлелась в далеких преданиях и древних обычаях. Ф. Энгельс, проводя сравнение с ритуально-магическим использованием каменных ножей в эпоху бронзы и железа, писал: «Много времени спустя после того, как людям стали известны другие способы получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения. .. Таким образом, еще и в наше время благодарная память о первой большой победе человека над природой продолжает полубессознательно жить в народном суеверии, в остатках язычески-мифологических воспоминаний образованнейших народов мира»³¹.

Использовать огонь можно лишь благодаря постоянным коллективным усилиям. За огнем, как за пойманным зверем, необходимо все время следить и ухаживать. Кроме того, огонь — источник не только силы, но и повышенной опасности, он требует определенной осторожности и заботы о топливе. Вместе с развитием предметноорудийной деятельности и речи как средства общения огонь стал основой зарождения общественного производства. Тем самым он не только коренным образом преобразовал место обитания предков человека, кстати весьма существенно расширив ареалы их распространения, но и

==73

имел ряд очень существенных **демографических** последствий. В частности, использование **огня сопровождалось** удлинением продолжительности **жизни**, **уменьшением** смертности при родах, сокращением **числа погибших** в результате нападения хищников или **умерших от болезней**, ран и т. п., появлением жилищ, **разделения труда**, миграций.

Буржуазные авторы, называя «похищенный у природы» огонь «волшебным орудием», склонны объяснять начало использования огня далекими предками людей лишь напряжением их умственных способностей. Согласно представлению Э. Уайта, первые люди, оказавшись в нелегких условиях оледенения, «были вынуждены выискивать способы, как продержаться зиму. Помочь им в этом мог только разум. И они открыли употребление огня»³². Характерно, что Уайт ничего не пишет об

использовании орудий, начатках коллективности, генезисе труда. Он предпочитает обыденно-житейский уровень объяснения одной из ключевых предпосылок антропосоциогенеза. А между тем именно благодаря систематическому использованию неорганических предметов внешней природы в качестве орудий труда, средств обеспечения естественных человеческих потребностей мог быть «сломан» животный инстинкт панического бегства от огня, а взятая освободившимися руками головешка могла превратиться в орудие для отпугивания хищников. Сформировавшаяся под влиянием прямохождения система зрения помогала предкам человека обнаруживать естественный очаг огня (вулканы, пожары и т. п.). Только существа, обладавшие свободными передними конечностями и жившие стадами, могли начать использование, а затем и добывание огня, ибо одиночкам едва ли было под силу долго сохранять его.

Благодаря использованию огня претерпел глубокие Преобразования способ жизни предков человека, усилился его коллективный характер, ускорилось формирование языка, речи, возросли темпы развития социальности.

[00.htm - glava16](#)

Начало сотрудничества

Орудия труда и огонь существенно изменяли связи индивидов с окружающей средой. Кроме того, складывались совершенно новые отношения между самими индивидами.

Труд все более становился определяющим компонентом жизнедеятельности гоминидов, важнейшим стержнем их образа жизни. Хотя изготовление орудий как

[==74](#)

главный момент труда не отменяло такие идущие из животного мира виды деятельности, как добыча пищи, защита от хищников, забота о потомстве, тем не менее оно все более существенно перестраивало их благодаря использованию предварительно преобразованных предметов природы, технологических приемов, а также складыванию отношений индивидов друг к другу в процессе труда. Совокупность индивидов, связанных кровными узами (осознаваемыми и неосознаваемыми, реальными и ритуальными), выступала по отношению к таинственной и подчас враждебной, разжигающей интерес и в то же время наполненной опасностями окружающей среде как единое целое. При этом индивиды выполняли определенные функции, обеспечивающие жизнеспособность всей группы.

Так вместе с трудом зарождалась и его необходимейшая предпосылка — кооперация как непосредственное воплощение социального характера общественного производства. К. Маркс называл кооперацию формой труда, «при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства...»³³. Причем он отмечал: «Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»³⁴.

Действительно, охота, особенно на хищных животных, способствовала зарождению кооперации, поскольку общими усилиями можно было одолеть и очень крупных животных, скажем мамонтов. Кроме того, охота способствовала развитию оружия и орудий для разделки добычи, обогащению рациона питания мясной пищей, ускоряла эволюцию мозга, совершенствовала нервную систему, органы чувств, ориентировочные навыки, формировала сообразительность. Лишенный клыков, когтей,

панциря, быстрых ног, особой способности сливаться с местностью, наш ископаемый предок мог противостоять хищнику и успешно охотиться на копытных и хоботных животных лишь с помощью орудий (естественных, подправ-

==75

ленных, искусственных), огня и объединения усилий с себе подобными. Загонная охота—одна из первых (после совместной обороны от хищников) форм совместного труда, спорадически встречающаяся в животном мире (известен, например, случай, когда несколько обезьян камнями убили леопарда) и не требующая искусственных орудий. Но и она означала громадный рост эффективности трудовой деятельности. В Солютре, у скалы, очень удобной для загонной охоты, обнаружены останки 50—100 тысяч диких лошадей.

Разговор о зарождении и роли охоты будет продолжен в следующих главах. Сейчас важно подчеркнуть, что наиболее ярко выявившиеся в охоте на крупных животных насущная потребность в сотрудничестве и способность к нему по сути дела «пронизывали» все складывающееся первобытное производство, несмотря на его исходную синкретичность, нерасчлененность. Роль коллективности как компонента первичных производительных сил, отмечают некоторые исследователи, столь же важна, сколь и изготовление орудий. Академик А. М. Румянцев сформулировал суть кооперации в период господства присваивающего хозяйства следующим образом: «В соответствии с низким уровнем (ограниченной степенью) развития производительных сил процесс труда совершался в стадной форме, т. е. в форме первобытной, простой кооперации, характеризующейся спонтанной абсолютной всеобщностью труда, вначале независимо от пола и в известных границах—от возраста членов стада (общины). Первобытная кооперация труда обусловила элементарную организованность, дисциплину и координацию трудовой деятельности всех членов сообщества. Осознаваемой целью стадного труда являлись удовлетворение естественной потребности в средствах существования всех членов первобытного сообщества, ежедневное добывание этих средств и их потребление», которое выступало «как естественное звено производства и воспроизводства трудовой и жизненной способности всех членов сообщества как единого целого»³⁵.

Первоначально условия производства являлись преимущественно естественными, а «конкуренты» (животные, ископаемые гоминиды другой эволюционной ветви, а затем другие общины, заранее рассматриваемые как враждебные) попросту уничтожались. Это послужило поводом для рассуждений буржуазных ученых об искон-

==76

ной, вечной и неизбежной агрессивности человека (К. Лоренц, Р. Ардри и многие социал-дарвинисты, неофрейдисты и т. п.). Не будем оправдывать нашего ископаемого предка. Он не был ни вегетарианцем, иначе ему пришлось бы для компенсации затрачиваемых сил, как горилле, почти все свободное от сна время жевать, ни беспомощным тихоней. Но он не был и злобным, беспощадным хищником. Поначалу родовая община, как отмечал К. Маркс, напоминала пчелиный улей. Зоологическая агрессивность (к слову сказать, во многом преувеличенная теми, кто представляет человека зверем) угасала уже в первобытном стаде, перераставшем в родовую общину. Стадный инстинкт «осознавался», замещался обычаем, который по жестокости «санкций» поначалу не уступал «этике» животных.

Кооперацию можно рассматривать в качестве своеобразной формы проявления целесообразности, присущей общественному труду и «обращенной» к его коллективному субъекту, как уже сформировавшемуся, так и находящемуся в процессе формирования. Внешняя среда как бы предъявляла первобытным стадам и общинам своего рода тест на кооперативность, целостность и прочность. Большие возможности для дальнейшего развития (и соответственно предпосылки для выживания) получали те группы, члены которых заботились о детях, больных, стариках, что способствовало складыванию и утверждению социальности — необходимого условия труда и его «ядра»—кооперации.

Первобытная кооперация представляла собой по сути соединение в той или иной мере «разделенных» (вначале во времени, затем пространственно, а еще позже—в результате профессиональной специализации) различных отраслей общественного труда, прежде всего мужского (охотничьего) и женского (собирабельско-домашнего), стариковского, детского и т. п. В ее рамках достаточно гармонично сочетались как неведомое и недоступное высшим животным производство искусственных орудий труда, так и имеющее аналоги в животном мире, но существенно иное, чем там, обеспечение биологической жизнедеятельности индивидов, в первую очередь производство пищи. Противоречие между этими видами деятельности, несомненно, было одной из движущих сил становления и развития первобытнообщинного способа производства. Можно представить себе ситуацию, когда излишняя, не-

==77

соразмерная увлеченность изготовлением и заготовкой впрок орудий труда создавала трудности в удовлетворении непосредственных биологических потребностей древнейших людей и они вымирали. Во всяком случае найдены стоянки с тысячами готовых и полуготовых орудий без следов каких-либо естественных катаклизмов и нападения хищных животных.

Уже охотничья кооперация в зачаточной форме содержала диалектику физического я умственного, исполнительского и организаторского труда. Ловушки, облава, загон требовали не только совместных действий и распределения ролей между участниками охоты, но и наличия какой-то (пусть самой общей, смутной) картины, модели поведения животных и людей, программы действий, учитывающей разнообразные варианты и ситуации. Многие индивиды должны были при этом совершать бессмысленные с точки зрения поведения животных действия. Например, загонщик, вместо того чтобы, как животное, тихо и незаметно подкрасться к дичи (именно так поступают в большинстве случаев хищники), наоборот, поднимает шум и гонит ее в сторону засады, ловчей ямы, болота или обрыва.

Зачатки кооперации возникли на фундаменте распавшихся животных форм стадности. Толчком к их эволюции было развитие предметной орудийной деятельности высших приматов в направлении систематического использования и подправки естественных орудий труда, а также складывания внутростадных форм звуковой сигнализации. Еще тесно сопряженный с животным миром, человек мог не только имитировать некоторые из повседневно окружавших его звуков, но и — в связи с прямохождением и развитием голосовых связок—начинал использовать, а затем подправлять и комбинировать их. Можно предположить, что он обходился со звуками так же, как с естественными предметами, постепенно преобразуемыми им в орудия. Обогащалась акустическая система ориентации в окружающем мире. Может быть, некоторые из самых ранних наскальных или выложенных из камня изображений представляли собой схемы охоты или модели ловушек, дополняя эфемерность звуковых средств передачи информации.

Обработка камнем камня или деревом дерева на сухой подстилке, при которой появлялись искры, навела на мысль о возможности получения огня. Огонь дал начало

оседлости и обширнейшим миграциям, освоению новых пространств и природных зон. Он дал возможность старикам доживать век в качестве «хранителей огня», существенно удлинил время прямого контакта сменяющих друг друга поколений, что играло важную роль в непосредственной передаче опыта, аккумулированного в складывающихся обычаях и традициях. Кооперация разрасталась не только вширь, но и вглубь.

¹ См. *Нарский И. С.* Категория практики, буржуазная млр; **логия** и ревизионизм.—«Философские науки», 1975, № 1. ² *Маркс К... Энгельс Ф. Соч.*, т. 3, с. 19. *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 496. ⁴ *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 42, с. 162—163. ⁶ Там же, с. 164.

⁶ *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 495.

⁷ *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 188—189. Там же, с. 191.

⁹ См. там же, с. 189.

¹⁰ Там же, с. 383 (прим.) (курсив мой.—*И. А.*)^п *Ярошевский Т.* Размышления о практике. По поводу интерпретации философии К. Маркса. М., 1976, с. 124.

¹² *Плотников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 14.

¹³ *Туровский М. Б.* Труд и мышление, с. 120.

¹⁴ Вопросы философии, 1968, № 6, с. 139, 141.

¹⁵ *Войтонис Н. Ю.* Предыстория интеллекта. М.—Л., 1949, с. 46.

¹⁶ См. *Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии, с. 268—272.

¹⁷ *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 491.

¹⁸ *Гурьев Д. В.* Становление общественного производства, с. 205.

¹⁹ См. *Холличер В.* Личность и гуманизм, с. 24.

²⁰ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории, с. 110.

²¹ *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 190

²² См. Курьер ЮНЕСКО, август—сентябрь 1972, с. 22—23.

¹⁰ *Лилли С.* Люди, машины и история. М., 1970, с. 11.

³⁴ См. *Природа*, 1973, № 12, с. 37—38.

²⁵ См. *Плотников А. М.* Генезис основных логических форм. Л., 1967, с. 93.

^{2e} *Семенов С. А.* Труд и интеллект на ранних этапах развития. М., 1964, с. 5 и др.

^w *Маркс К; Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 190.

²⁸ См. «Человек и природа», 1975, № 6, с. 10.

²⁹ Рони-старший Ж. Борьба за огонь. Доисторический и т. д. Молотов, 1956, с. 5—6, 34—35.

³⁰ Маркс К: Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 117.

³¹ Там же, с. 430.

⁸² Уайт Э. Браун Д. М. Первые люди, с. 20.

³³ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

³⁴ Там же, с. 346.

³⁸ Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного ел • соба производства, с. 189—190.

==79

[00.htm - glava17](#)

Глава четвертая ПРОЯСНЯЮЩЕЕСЯ сознание

[00.htm - glava18](#)

Социальное наследование

«С чисто позитивистской точки зрения человек—самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука действительно еще не нашла ему места. Физике удалось временно очертить мир атома. Биология сумела навести некоторый порядок в конструкциях жизни. Опираясь на физику и биологию, антропология в свою очередь кое-как объясняет структуру человеческого тела и некоторые механизмы его физиологии. Но полученный при объединении всех этих черт портрет явно не соответствует действительности. Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести сегодняшней науке,— животное, подобное другим... Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни — в этом весь парадокс человека... который сумел выступить за пределы инстинкта в мысль»¹.

Автор этих строк, французский палеонтолог, археолог и геолог, один из первых исследователей синантропа, теолог, аббат-иезуит Пьер Тейяр де Шарден, был по-своему удивительным человеком. Написанная с позиций идеализма, содержащая своеобразную для религиозной литературы концепцию человека, его книга «Феномен человека», извлечение из которой приведено здесь, была осуждена Ватиканом и запрещена для верующих, но, как остроумно заметил кто-то из философов, взгляды ее автора от этого не стали материалистическими.

В процессе формирования материалистического понимания истории К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что сознание, будучи эволюционно связанным с психикой животных, отнюдь не является некой «добавкой», «приставкой», «пристройкой» к последней. Сознание—это не абстрактная рефлексия одиночки, не безличная всепроникающая психическая энергия, не абсолютная идея и

не мировой разум, а прежде всего общественный феномен, новое качество человека, приобретенное в процессе становления труда. Сознание есть высшая, социальная система ориентации живых существ в окружающей среде, связанная не только с отражением, но и с творческим преобразованием мира².

, К. Маркс специально отмечал сознательность как родовой признак человека. «Животное,—писал он,— непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо... Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность»³. Некоторое чисто внешнее сходство с целесообразным преобразованием среды человеком наблюдается в природе, например в деятельности пчел, бобров, муравьев и других «сообществ» животных, но все акты их деятельности носят инстинктивный характер. Они не «озарены» сознанием, светом разума. Генетическая «память» предопределяет групповое, а во многом и индивидуальное поведение особей⁴.

Сознание как высшая форма психического отражения благодаря второй сигнальной системе позволяет человеку не только практически, в предметной деятельности, но и мысленно выделить себя из окружающей природной и социальной среды, вскрыть объективно присущие ей закономерности функционирования и развития, идеально представить себе не только наличную реальность, но и ее историю (прошлый опыт), а также возможности преобразования (предвидения, прогнозирования будущего). «Сознание человека,—подчеркивал В. И. Ленин,—не только отражает объективный мир, но и творит его»⁵.

Словом, сознание выступает неотъемлемым качеством социального, специфически общественной надбиологической формой накопления и передачи информации об окружающем мире, обществе и о характере взаимосвязи природы и человека в процессах производства и познания. Благодаря сознанию сложилась внегенетическая си-

стема социального наследования, которая постепенно стала определяющей в развитии человечества. Это открыло возможность колоссального возрастания темпов социального развития по сравнению с биологической эволюцией.

«Каждый человек, — пишет Н. П. Дубинин, — рождается свободным от всех ошибок, которые до него совершало человечество. Ложные истины не загромождают его духовного взора, ибо ничто социальное, никакие итоги науки или морали не записываются в его генах. Он всегда начинает сначала, свободно и творчески входя в общество и познавая природу. В этом заключено величайшее преимущество человеческого бытия. Этим человек отличается от животных, имея возможности для неограниченного общественно-трудового прогресса в будущем. Через социальную программу человек каждого поколения воспринимает итоги развития человечества, и перед ним каждый раз открывается творческая дорога в будущее»⁶.

Предыстория сознания уходит корнями в объективный процесс усложнения структуры высшей нервной деятельности, отчетливо прослеживающуюся уже в недрах животного мира. Нередко данное обстоятельство заслоняет тот громадный качественный скачок, «прерыв постепенности» психического развития, каким явилось становление сознания. Но ведь только *Homo sapiens* перешагнул этот рубеж. Современные исследования все более обстоятельно выявляют определенную синхронность и взаимозависимость совершенствования орудийной деятельности и развития мозга ископаемых гоминидов. Иными словами, у истоков сознания лежало формирование труда как специфически человеческой предметно-практической деятельности.

[00.htm - glava19](#)

Искра мысли

Мыслит ли животное? Может ли машина мыслить? Эти вопросы уже не вызывают удивления у современного человека и свидетельствуют о расширении диапазона явлений, к которым «прилагается» понятие мышления.

Для животных характерно непосредственно-чувственное восприятие окружающей среды. Но могут ли в мозгу животных возникать чувственные представления при отсутствии воздействия каких-либо факторов? Совершенно очевидно, что у животных не могут сформироваться абстрактные представления, понятия. Тогда как же зачатки логического мышления зарождаются в про-

==82

цессе конкретно-чувственной деятельности живого существа?

«Что же такое в самом деле акт размышления?»— спрашивал великий русский физиолог И. М. Сеченов, открывший сдерживающее влияние нервных центров на рефлекторную реакцию организма. «Это есть ряд связанных между собой представлений, понятий,— считал он, — существующих в данное время в сознании и не выражающихся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт. . . не может явиться в сознании без внешнего чувственного возбуждения. А потому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его и только нет, по-видимому, конца—движения. Мысль есть первые две трети психического рефлекса»⁷. Не сталкиваемся ли мы с психическим аналогом концепции ретардации (задержки) развития, специфического «омолаживания» организма, позднее разработанной австрийским биологом Л. Больком и развиваемой в наше время А. Геленом, суть которой заключается в том, что по своему анатомическому строению человек — это недоразвившаяся обезьяна? Может быть, мысль рождалась как задержка, отсрочка и даже «отмена» какой-то реакции, осуществляемой нервной системой высших животных?

Академик П. К. Анохин разработал концепцию опережающего отражения действительности, прогрессирующего в процессе эволюции животного мира. Исходя из этой концепции, можно утверждать, что развитие нервной системы сопровождается все более глубоким «раздвоением» механизма отражения, при котором на генетическую (так сказать, инстинктивную), обусловленную прошлым опытом программу наслаивается определенный индивидуальный, а зачастую (за счет имитации поведения) и групповой опыт, зафиксированный как совокупность в принципе возможных и предполагаемых в будущем реакций нервной системы каждой особи. «Пусковой механизм» этих реакций «включается» по схеме укороченного рефлекса, не дожидаясь полного развертывания запечатленных в прежнем опыте событий.

Применительно к проблеме происхождения сознания это может означать следующее. По мере того как основным средством выживания далеких предков человека становилось систематическое использование естественных орудий труда, их опережающее отражение действитель-

==83

ности и соответственно нервная система получали все больше стимулов для ароморфного (усложненного) развития в направлении целеполагания, которое означало выход за пределы автоматической экстраполяции прошлого индивидуального опыта и обеспечивало возможность конструктивного воздействия на среду с помощью внешней природы.

Уже Гегель, рассматривавший генезис человеческого сознания (разума) с идеалистических позиций и оперировавший при объяснении этого процесса категориями могущества и хитрости, связывал целеполагание с опосредованной деятельностью. «Разум,—утверждал он,— столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредованной деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»⁸.

Гегель тонко уловил диалектику цели и средства в трудовой деятельности человека. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики», особо выделил слова Гегеля о том, что *«в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей»*⁹.

Ученые постепенно приходят к выводу, что между ассоциативно-чувственными формами отражения, свойственными высшим животным, и абстрактно-логическими формами познания, присущими лишь человеку, вероятно, было некое переходное звено, представлявшее собой и гипертрофированно развитое чувственное восприятие и зачатки будущего рационального познания. Б. Ф. Поршнев назвал эту гипотетическую ступень промежуточным уровнем познания, предшествующим логическому мышлению людей¹⁰, А. М. Плотников—неразвитой логической связью, или протоформой¹¹, В. Г. Панов выдвинул тезис об опосредующем представлении, некогда сыгравшем роль среднего, «соединительного» звена между чувственным и рациональным¹².

Как же формировалось опосредующее представление? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Даже находки фрагментов скелетов древнейших гоминидов и остатков их примитивнейших орудий до сих пор вызывают массу споров. Реконструкция же процесса зарождения мышления предполагает опосредованный путь от

==84

мысли современного человека к мысли его «ископаемого» предка, а также от современного чувства к чувству, только зарождающемуся. Речь идет о том, как произошел переход от животного (через непосредственные реакции организма) отражения среды к фиксации ее в пробуждающемся сознании с помощью знаков и символов.

Опосредующее представление рождалось не само собой, не вдруг, не как следствие спонтанного психического импульса, пробуждения «абсолютной идеи» или абстрактного «возрастания сознания».

Можно предположить, что оно складывалось как отражение в психике антропоидов того опосредующего звена, каким стали для них предметы и силы природы — орудия труда и огонь, с помощью которых предки людей воздействовали на окружающую среду. Поэтому генезис сознания в основном совпал с переходом от регулярного использования естественных предметов к их подправке, а позже — к изготовлению и употреблению искусственных орудий труда, от стихийного, а затем контролируемого использования огня к его хранению и получению. Кроме того, переход к прямохождению существенно увеличил объем получаемой индивидом зрительной информации, что должно было способствовать повышению эффективности его воздействия на окружающий мир посредством других предметов.

Можно также предположить, что эволюционному переходу от ассоциативно-чувственных форм психической деятельности к опосредующему отражению способствовало в числе прочих факторов прицельное бросание предметов (дубин, костей и особенно камней) как одна из форм их первичного использования, зафиксированная и у современных человекоподобных приматов, в частности у шимпанзе. Правда, эти обезьяны способны лишь к неприцельному бросанию. Они бомбардируют хищника, скажем леопарда или даже его чучело (как в популярном телефильме, снятом исследователями из ГДР в Африке), ведя огонь, как сказал бы артиллерист, не по целям, а «по площадям». Очевидно, представители ископаемого вида были более ловкими, а склонность к бросанию у нынешних обезьян—реликтовая, как и их стремление «потрогать» новый объект вначале палкой, а уж потом передними конечностями.

Прицельное бросание каких-то естественных предметов, ставшее компонентом зарождавшейся охоты, было, видимо, основой, на которой формировалось восприятие

85

пространственной структуры мира, а затем и зачатки целеполагания. Уже употребление палки создавало существенно иное, нежели при использовании в качестве орудий органов собственного тела, «ощущение» взаиморасположенности предметов в пространстве, ибо «удлиняло» естественные органы и заменяло непосредственный контакт с внешними предметами опосредованным. Не исключено, что прицельное бросание сыграло еще полностью не оцененную роль и в генезисе древнейшей каменной индустрии.

Как родилась обработка камня **камнем**? Ведь в природе трудно и опасно непосредственно наблюдать изменение камня под действием другого камня, например во время камнепада. (Это относится также к обработке кости, дерева и т. п.) К тому же вряд ли самые первые орудия изготовлялись посредством ударов по камню, зажатому в левой руке, камнем, находящимся в правой. Это могло вызвать болевую негативную реакцию вследствие неразвитости руки и глазомера ископаемого примата. Поэтому систематическая обработка камня камнем более характерна не для предкаменного, а собственно каменного века. Не случайно, видимо, праворукость четко выражена лишь у неандертальцев.

Г. Ф. Хрустовым высказано предположение, что прообразом собственно каменного орудия было орудие-опора, т. е. пол или стены пещеры¹³. Но основательному освоению пещер должно было сопутствовать получение огня, а аналог орудия-опоры мог зародиться естественным путем в процессе обеспечения биологической жизнедеятельности. Разве не могло, к примеру, раскалывание камня при ударе о другой камень (а соответственно и психическая фиксация этого факта) возникнуть как побочный результат прицельного бросания, вернее, промахов и ошибок, естественно сопутствующих ему? Скажем, целясь в животное, стоящее у скалы либо валуна, ископаемый антропоид промахивался. Получались острые, удобные для разделки туши и выделки шкур осколки. Миллиарды раз повторяясь, такая произвольная «обработка» камня могла приобрести самостоятельное значение, все более отрываясь как новый вид деятельности от обороны и охоты, и впоследствии, вероятно, осуществлялась

на стоянке, в пещере. Это способствовало интуитивному улавливанию причинно-следственных связей в процессе изменения камня под воздействием другого

==86

камня. Формировалась и закреплялась в новых психических структурах непосредственно не связанная с удовлетворением биологических потребностей цель таких действий—получение осколков с острыми краями, рождалось представление об остроугольности как необходимом признаке естественных и полуискусственных внешних предметов, используемых в качестве орудий труда.

И еще одно важное обстоятельство. Отличное от чисто животных форм опережающее отражение все больше становилось зависимым не только от реакций индивида, но и от усиливавшегося целенаправленного воздействия на окружающую природу. Уже при прицельном бросании путь предмета к цели пространственно как бы расщеплялся надвое. Действие индивида с предметом (бросание), т. е. его первая часть,—это непосредственное проявление его жизнедеятельности. Далее отделившийся от бросавшего индивида предмет движется по инерции и как бы самостоятельно. Создавалось впечатление, что цель достигается в результате сложения действий индивида и «действий» предмета, разделенных в пространстве. Можно предположить, что именно это пространственное взаиморасположение людей и предметов, внешнее для действующего индивида и независимое от его воли и непосредственной жизнедеятельности, было первоосновой опосредующего восприятия. Улавливание, «выхватывание» из реального мира этого момента, видимо, выступало объективной предпосылкой субъективного воспроизведения внешних действий в структуре психической деятельности, а затем — обратной проекции на окружающие предметы и других индивидов. «Первоначальное сознание,—подчеркивает А. Н. Леонтьев,—существует лишь в форме психического образа, открывающего субъекту окружающий его мир, деятельность же по-прежнему остается практической, внешней»¹⁴.

Однако восприятие пространственной организованности ближайшего окружения оставалось односторонним, «плоским» и весьма расплывчатым до тех пор, пока не была выделена и зафиксирована его закономерная связь со временем. Поэтому следующая ступень генезиса сознания, видимо, характеризовалась освоением временной структуры мира как объективного следования событий (изменений) друг после друга либо различением стали" (качественного преобразования окружающих предметов и

[00.htm - глава20](#)

Стадное сознание

==87

живых существ. Можно предположить, что важную, если не решающую роль сыграло при этом открытие огня. Пламя первых костров, вероятно, было источником новых психических образов, формировавшихся в мозгу вглядывавшихся в него пещерных предлюдей, ибо уже «дикий», а тем более «прирученный» огонь выступал важнейшим условием и орудием их складывавшейся предметно-практической деятельности.

Переселение в пещеры способствовало не только закреплению оседлости, удлинению продолжительности жизни, но и усилению ее коллективистских начал. Естественное различие между стариками и детьми, мужчинами и женщинами могло теперь учитываться в рамках складывавшихся форм кооперации в значительно большей, чем прежде, степени. Это тоже способствовало все более глубокому отражению в структуре психических процессов временной координаты, а тем самым и прояснению формирующихся пространственных представлений. В ходе освоения пещер развивались представления об ограниченности, замкнутости, высоте и прочих свойствах пространства, которые в саванне выступали в неявном, «стертом» виде.

И наконец, костер вызвал к жизни тепло человеческих отношений. Взаимодействие в процессе охоты и других видов труда переносилось в освещенную пещеру как непосредственное (с помощью голоса и жестов) и опосредованное (в форме зарождавшегося наскального искусства) общение друг с другом. Пространственно-временная ориентация в окружающем мире становилась достоянием группового сознания, закреплялась в нем и служила основой координации действий и «взаимопонимания» всех членов группы первобытного стада. Функционирование стада как целостного организма обуславливало перестройку психических процессов отдельных индивидов в направлении их взаимного приспособления, усиления коллективистских начал, подавления зоологического индивидуализма, звериной агрессивности.

Опосредующие представления составляли основу стадного сознания, которое в свою очередь способствовало их дальнейшему развитию как элементов складывавшегося человеческого сознания. Стадное сознание было по существу переходной формой от психики животных к высшей психической деятельности человека, к подлинно человеческому сознанию.

==88

По мере зарождения практики как предметно-преобразующей деятельности одни процессы природы все чаще фиксировались индивидами как вне их происходящие, самостоятельные и даже как «живые», другие же воспринимались как моменты непосредственной жизнедеятельности первобытного человеческого стада. Будучи одновременно и чувственно-ассоциативным психическим процессом, и прообразом мысли (поскольку фиксировались внешние по отношению к стаду и индивиду, вне их существующие связи и отношения), опосредующие представления характеризовались нерасчлененностью ощущения и понятия. И тем не менее это был решающий шаг вперед, к подлинно человеческому сознанию. Он заключался в том, что инстинкты все более вытеснялись навыками¹⁵, а новые нейрофизиологические структуры способствовали дальнейшему развитию основанной на труде жизнедеятельности стадного предчеловека. Формировалось восприятие пространственно-временной структуры мира, а также причинно-следственных и иных взаимосвязей. Как свидетельствуют новейшие исследования, «наиболее фундаментальным свойством нервно-психической деятельности является, по-видимому, пространственновременная организация», а «распределение функций между полушариями, происходящее в ходе развертывания функциональной асимметрии мозга, по всей вероятности, опосредуется через пространственно-временные факторы»¹⁶.

Сознание отражает внешний мир опосредованно. По мере изменения образа жизни ископаемых гоминидов, насыщения его предметно-орудийной и коммуникативнознаковой деятельностью преобразовывалась и структура психических процессов, все более закреплявшаяся бурным развитием коры больших полушарий. Если оба этих процесса успешно взаимодополняли друг друга, то они выступали в качестве одной из движущих сил антропосоциогенеза, если же между ними возникали неразрешимые противоречия, то создавались эволюционные тупики и даже происходило попятное движение.

Видимо, ключевым моментом в развитии психики стадных предлюдей и формировании собственно человеческого сознания явилась все-таки функциональная асимметрия зеркально-симметричных полушарий головного мозга. Их дифференциация, едва намеченная у новорожденных, достигает максимума в зрелом возрасте и к ста-

==89

рости имеет тенденцию к нивелированию. Совсем недавно были выявлены тесные соотношения между правым-левым пространством и прошлым-будущим временем: полушарие, ответственное за обеспечение чувственного познания, ориентировано в прошлое; другое (обычно левое) «курирует» абстрактное познание, которое освобождено, по-видимому, от рамок конкретного пространства-времени и обращено к будущему¹⁷. Словом, выясняется, что мозг—парный орган и именно в результате взаимодействия полушарий обеспечивается целостная психическая деятельность.

На ступени стадного сознания вследствие неразвитости, незавершенности, примитивности отношения людей к природе и друг к другу дифференциация полушарий, видимо, еще не закончилась. Характер формирующегося труда еще жестко «диктовался» экологической средой, поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс относительно данной стадии развития человечества сочли возможным признать «тождество природы и человека». В «Немецкой идеологии», они писали: «... ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу— их ограниченное отношение к природе, и именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории; но с другой стороны, сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это— чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же,— что его инстинкт осознан»¹⁸.

[00.htm - glava21](#)

Мифологическое сознание

Пещерный предок отличал камень, лежащий на земле, от камня, брошенного в зверя, и тем более от каменного рубила, используемого в качестве первого орудия для обработки дерева, кости, разделки охотничьей добычи. Он легко улавливал разницу между пожаром, вызванным молнией, и костром, разведенным на стоянке, но видел за всем этим проявление неведомой силы, и в его «проясняющемся» сознании рождалось определенное отношение к ней и к предметам, к процессам, ею наделенным. Ему, естественно, казалось, что в камне, настаивающем животное, в костре, согревающем тело, освещающем пещеру,

==90

отпугивающем хищников, делающем более мягкой и вкусной пищу, в воде, утоляющей жажду, в теплых лучах Солнца и серебристом свете Луны—во всех окружающих предметах заключено что-то «живое», какая-то «душа». Поэтому они подчас воспринимались первобытным человеком как «собеседники», могущие его «понять», а при хорошем к ним отношении и помочь ему.

Неодолимое стремление заглянуть «внутри» предметов и процессов природы, уловить загадочный механизм их взаимосвязи расширяло унаследованный от животных предков узкий горизонт конкретно-чувственного, ассоциативного, а потому неизбежно поверхностного, внешнего восприятия первобытным человеком окружающего мира. Уже орудия, заготавливаемые впрок и сохраняемые для последующего употребления, и их стереотипность объективно содержали в себе нечто абстрактно-общее, рациональное, прослеживавшееся в многообразии видов конкретного труда и фиксировавшееся в структуре мышления. Этот сдвиг был вызван отнюдь не спонтанным психическим импульсом, лишенным непосредственной материальной основы. Материальное и идеальное суть диалектически неразрывные компоненты процесса рождения сознания.

Формирующиеся люди **все** более осознанно и эффективно использовали эмпирически открытый «автоматизм» некоторых материальных природных процессов, соответственно вырабатывая цель трудовой деятельности. Это вело к усложнению цепи сознательных трудовых актов и их однородных совокупностей—операций, а также к совершенствованию интеллектуально-чувственной деятельности человека, к знаково-коммуникативной функции «проясняющегося» сознания. Вместе со второй сигнальной системой формировался качественно новый тип орудий труда — слово и новый объект целенаправленного воздействия — сознание других индивидов.

Естественно, этот процесс был противоречивым, он неодинаково затрагивал различные стороны все более удалявшейся от своих животных предпосылок общественной жизни. «Сознание,—подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно—осознание Природы, которая первоначально

91

противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы)»¹⁹.

Но уже в «младенческом» возрасте сознание содержит зерна абстракции, обобщения, отвлечения, «отлета» от конкретных предметов и от непосредственно воспринимаемых свойств. В этом смысле едва зародившееся рационально-логическое познание сродни научному, ибо его предметом в конечном счете являются объективные взаимосвязи и закономерности природных процессов и явлений. Рационально-логический компонент первобытного сознания сконцентрирован, как это ни парадоксально, в самых ранних мифах, истоки которых теряются где-то на границе животного и социального миров. И лишь много позднее, в процессе развития производства и познавательной деятельности, общественное сознание медленно, но неуклонно «проясняется» по мере вытеснения фантастических элементов первобытного мировоззрения открытиями, гипотезами и концепциями, более адекватно отражающими объективные законы бытия.

Притягательная сила мифа кроется в его противоречивой целостности, в переплетении таинственного и очевидного, в возможности различных «прочтений» тех событий, которые волновали человека тысячи лет назад. Миф изысканно прост и в то же время головоломно сложен, напоминая древний узор восточного ковра или орнаменты старинной одежды. Упоминание о мифах иногда вызывает ассоциацию с поэтическими народными сказаниями Древней Греции и других стран. Однако в такого рода преданиях «древнейшие слои» (содержащие первичную мифологическую основу) обычно уже дополнены метафоричным изложением более поздних, к тому же трактуемых под определенным углом зрения исторических событий, нередко деформирующих и искажающих смысл и структуру самых ранних суеверий.

Еще Л. Леви-Брюль, крупнейший французский этнограф начала века, обратил внимание на различие структуры и ориентиров мышления у дикаря и у современного человека, назвав первые «пралогическим» мышлением. Сейчас трудно сказать, что он конкретно имел в виду, употребляя этот термин, во всяком случае в буржуазной социологии последний был интерпретирован как

==92

отказ сознанию первобытного человека в логике, как признание у него всего лишь «дологического» мышления. Такое истолкование позиции ученого широко использовалось в расистских доктринах, в частности, для идеологического прикрытия в глазах обывателя жестокости колониальных захватов.

Характерно, что современные антропологи и этнографы, в том числе в капиталистических странах, все более склоняются к выводу о безусловной логичности первобытного сознания, подчеркивая вместе с тем специфику его внутренней структуры. Так, исследователь мифов К. Леви-Стросс считает, что мышление первобытного человека логически было не менее строгим и корректным, чем интеллект нынешнего ученого.

Вечные опасности и панический страх перед неизвестностью, тяжелейшая борьба за выживание оставляли чрезвычайно мало времени для спокойного размышления. Поэтому жизнь первобытных людей была очень жестко (даже жестоко, с точки зрения современного человека) регламентирована обычаями, а родовая община по своей структуре больше напоминала пчелиный улей. И тем не менее первобытные люди вовсе не были пессимистами или запуганными и подавленными существами. Напротив, мифы и предания доносят до нас образы гордых и честных, мужественных и отважных, открытых и прямодушных людей той эпохи, «осколки» которой сохранились и в наши дни кое-где в тропиках и на островах южных морей.

Первоначально сознание первобытного человека фиксировало лишь повторяемость, последовательность, внешние связи между явлениями природы, а также между ними и деятельностью людей, но еще не могло адекватно отражать сущность этих взаимосвязей и самих явлений. Природа воспринималась им как единое целое, за многообразием ее форм и повторяемостью событий он видел действие некоего целесообразного механизма. Человек одухотворял этот механизм и представлял связи между отдельными звеньями жизненного процесса (по принципу переноса знакомого, привычного на неведомое, таинственное) как результат его действий. Так рождались мифы. Они выполняли своеобразную функцию «посредников» между отражаемыми человеком реально существовавшими, регулярно повторявшимися событиями и процессами, поскольку пространственно-временное вос-

==93

приятие внешней среды в них дополнялось изображением (правильным или нет—другой вопрос) ее причинно-следственных связей. Словом, окружающий мир «входил» в формирующееся сознание как внешний по отношению к последнему, динамичный и целостный. В то же время происходило детальное осмысление складывавшейся предметно-практической деятельности, поэтому именно тогда в сознании зарождались первые предпосылки общего взгляда на окружающий мир, первые элементы мировоззрения, усложнялась знаковая (словесная) система ориентации человечества в сложном переплетении законов природы и утверждавшейся общественной жизни.

Однако было бы неправомерным сводить содержание и все богатство человеческого сознания к абстрактно-логическому мышлению. Разум осветил и чувства наших предков. Свидетельством этого является зарождение первобытного искусства, в частности наскальной живописи. «У человека,— подчеркивал А. Н. Леонтьев,—чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими «образующими» человеческого сознания»²⁰. Благодаря этому чувственная ткань сознания обогащается и расцветается новыми, невиданными красками, образами, символикой. Попытки реконструкции древнейших мифов доносят до нас отблески прочеркивавших ночное небо зигзагов молний и отзвуки раскатов грома, отголоски вулканических извержений и землетрясений, ливней и паводков, лесных пожаров и холодов, панического ужаса людей перед разбушевавшейся стихией и радости, вызываемой лучами теплого весеннего солнца, удачной охотой, обильным урожаем. Словом, они приоткрывают не только предметно-рациональный, но и духовно-эмоциональный мир древнего человека.

В целом же сознание представителей раннего первобытнообщинного строя еще только начало медленно и постепенно вырабатывать некоторую самостоятельность по отношению к общественному бытию, все более становясь активным компонентом исторической деятельности людей. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосред-

[==94](#)

ственным порождением материального отношения людей»²¹—так характеризовали первичную нерасчлененную (или едва расчленявшуюся) целостность общественной жизни основоположники марксизма.

[00.htm - глава22](#)

«Они» и «мы» 95

Эту исходную, неизбежно ограниченную, хотя и всеобщую форму общественного сознания как принципиально нового, именно социального видения мира, как специфически общественную систему ориентации человека в окружающем мире называют мифологическим сознанием. Его содержание, разумеется, не представляет собой собрание мифов, хотя именно универсальные закономерности, процессы и предметы природы в специфической форме отражаются в мифологии различных народов, даже тех, непосредственные контакты между которыми были исключены. Стержнем мифологического сознания был его синкретизм, своеобразный «эклетицизм», а также слабодифференцированное отражение окружающего мира, относительно свободный перенос причинно-следственных связей с одних явлений (знакомых, известных) на другие (непонятные), еще неглубокое вычленение прошлого и будущего из настоящего.

Таким образом, мифологическое сознание несло в себе зародыши духовной культуры человечества. Помимо отношения людей к природе оно отражало также процесс осознания ими самих себя, своих сородичей и объективного факта существования «чужих» родов, общин и индивидов. Отношение к социальной среде — настолько важная сторона мифологического сознания, что она заслуживает специального рассмотрения.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что в анализе общественной истории они «исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как *их* сознание»²². Относительно эпохи антропосоциогенеза эту мысль можно интерпретировать так, что «рубежом» между животной жизнью и человеческой социальностью выступает отношение индивидов друг к другу и окружающему миру, предполагающее наличие самосознания хотя бы в эмбриональной форме. «Там, где существует какое-нибудь отношение, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — оно существует для меня; животное не *относится* ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно,

==95

с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»²³.

На уровне стадного, а затем и мифологического сознания наши предки невольно антропоморфизировали, «очеловечивали», одухотворяли природу. Позднее, со значительным усложнением социальной среды, отчетливо проявилась противоположная тенденция. Отношения формирующихся людей и коллективов друг к другу, попав в фокус прогрессирующего сознания, стали натурализоваться, уподобляться природным силам. Помимо тотемизма появились представления о происхождении людей от определенного вида-животных (иногда насекомых и даже растений), о чем свидетельствуют названия родов, фратрий, племен, а также сохранившиеся в качестве реликта многие имена собственные. Например, в ирокезском племени сенека, одним из вождей которого был «сын племени» Л. Г. Морган, все восемь родов носили названия животных и птиц — волка, медведя, черепахи, бобра, оленя, кулика, цапли, сокола.

На заре истории люди воспринимали себя и других представителей рода как объекты природы, наделенные прямохождением, речью, имеющие внешние отличия от животных. Но вместе с тем они в чем-то отождествляли себя с последними, более того, отношения друг к другу они воспринимали сквозь призму родства, как опосредованные им.

Однако уже в этой, пожалуй, самой древней форме социальной дифференциации со временем все более отчетливо вырисовывались контуры первой исторической антитезы, которую можно условно обозначить как «они» и «мы». Источником данной тенденции развития сознания к формированию самосознания являются противоречия предметно-практической деятельности людей, их реальной жизни. Освоение новых видов орудий и оружия, бурное развитие охоты, зачатки специализированного собирательства диких злаков и приручения волка или, как полагает К. Лоренц, шакала, а также одомашнивания копытных животных способствовали учащению контактов с другими общинами, нередко вызывавших столкновения. Формирование понятий «они» и «мы» было отражением в сознании объективного факта существования других общин, родов и племен, представлявших собой наиболее притягательный и в то же время опасный компонент окружающего мира. Корни межгруппового взаимодейст-

==96

вия как нарождающейся формы социальных отношений уходят в эпоху человеческого стада²⁴.

Формирование понятия «мы» знаменовало качественно новый уровень развития сознания первобытных людей. Оно отражало тенденцию расширения социальных рамок первобытного строя от стадности, рода к племени и союзу племен. Причем само «мы» имело несколько «срезов» и выражало различную степень целостности, близости, родства. По мере совершенствования и разделения труда возрастала вариативность поведения индивида, происходила дифференциация исходного «мы». Появление подобных понятий свидетельствовало о том, что в упорной борьбе с природой, а порой и с другими племенами громадную роль играло внутреннее единство родо-племенной общности, выступавшее жизненно важным качеством этого социального «улья».

Совместные трудовые и военные действия, общие трапезы и традиции, обряды и заклинания, пляски и предания, узоры одежды и цвета боевой раскраски, специально наносимые на кожу насечки, шрамы и татуировка—все это способствовало осознанию членами родо-племенной группы их врожденного и вечного единства, опиралось на мощные психологические механизмы внушения (суггестии) и подражания (контагиозности). В случае убийства индивида членом другого племени конфликт охватывал весь род (или племя). В обычае кровной мести индивид выступает как неотъемлемая часть, орган и даже как «имущество» рода.

Впрочем, граница между родом и окружающей социальной средой не была абсолютно непроницаемой. Этнографам известны случаи включения в род мужчин, женщин, детей побежденного племени. Кроме того, «чужаки» и даже целые группы из других родов принимались путем «усыновления» или «братания»²⁵.

В таком случае «они» превращались в «мы». И наоборот, известен обычай изгнания из племени своих, если те вели себя с точки зрения группового сознания и традиций рода как «чужие». Характерно, что противоречие между неприязнью к «чужим» и обычаем гостеприимства (приема «чужих» как «своих») иногда принимало парадоксальные формы. Например, врага, входившего в хижину, следовало принять и угостить. Но как только он выходил за порог, его можно было убить, ибо он уже не считался гостем.

==97

Почему «они» осознаются раньше, чем «мы»? Дело в том, что с точки зрения содержания «они» — это компонент окружающей среды и ориентированному на внешний мир сознанию достаточно было (под влиянием складывающейся общественной потребности) выделить и зафиксировать его как таковой. Себя, свое «мы» люди стали осознавать именно как реальную антитезу этому «они». «Для того чтобы появилось субъективное «мы», требовалось повстречаться и обособиться с какими-то «ними». Иначе говоря, если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической плоскости, «они» еще первичнее, чем «мы», писал о механизме развертывания самосознания Б. Ф. Поршнев, отмечая, что отношение «мы» и «они» глубже и первичнее, чем отношение «я» и «ты»²⁶. Как завершение длительного процесса генезиса сознания появляется осознание человеком своего «я», своего места среди других людей, собственной оценки своих желаний и поступков, мысленное видение себя как бы со стороны, глазами соплеменников. Мыслящее «я» в известном смысле обретает «самостоятельность» по отношению к психологическим импульсам и поступкам деятельного «я». Дальнейшее историческое развитие связано с формированием самосознания, становлением личности.

[00.htm - глава23](#)

<Ты> и <я>

В вопросе о путях генезиса самосознания отчетливо проявляется противоположность материализма и идеализма. Примером идеалистической абсолютизации роли «я», т. е. индивидуального сознания как источника духовной жизни человечества, может служить упоминавшаяся книга Т. де Шардена

«Феномен человека». Автор считает, что движущей силой развития первобытного общества был не упорный, кропотливый коллективный труд, а «психическая проницаемость» индивидов, вызывавшая их взаимное возбуждение и складывание некой духовной общности, чего-то аналогичного тому, что стали обозначать понятием «мы». В эпоху неолитической революции, утверждает он, «человеческие элементы благодаря своей психической проницаемости все больше проникали друг в друга, их сознание (таинственное совпадение...) при сближении возбуждалось. И как бы расширяясь, каждый из них постепенно простирал радиус своей зоны влияния на Земле, Земля же тем самым как будто все более уменьшалась»²⁷. Наконец, человеческому «я» как психическому «центру» становится тесно на Земле, а потому

==98

личность разрушается во имя складывания за пределами коллектива и универсума всечеловеческой сверхличности в точке «омега»²⁸.

Принципиально иным представляется генезис самосознания с позиций диалектико-материалистического понимания истории. Уже в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. К. Маркс выдвинул положение о том, что «отношение человека к самому себе становится для него предметным, действительным лишь через посредство его отношения к другому человеку». Вместе с тем он подчеркивал, что именно в результате труда «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»²⁹. Но пробуждающимся сознанием первобытного человека объективные предпосылки и результаты труда осознавались еще недостаточно отчетливо. Ему доступнее было постепенное мысленное расчленение взаимосвязей людей, с которыми он непосредственно соприкасался. К. Маркс специально подчеркивал общественный характер генезиса самосознания. Так как человек, писал он, «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»³⁰.

Самосознание есть идеальное отражение в мозгу человека самого себя. В процессе общения с другими людьми, сравнивая себя с ними, человек познавал себя, свои свойства, возможности, «строил» представление о самом себе, создавал собственный идеальный образ. Это позволяет отвергнуть романтическую иллюзию о том, что самосознание могло сразу и вдруг «вспыхнуть» в голове сверхспособного дикаря-одиночки (или удачливого гоминидамутанта), который тем самым открыл человечеству путь к вершинам цивилизации и культуры. Мысленной реконструкции генезиса сознания и самосознания не помогают и отношения «пар» индивидов вроде Адама и Евы в библейской легенде, Робинзона и Пятницы в книге Д. Дефо и в сочинениях современника Энгельса Е. Дюринга, а также абстрактных, но «любящих» друг друга «я» и «ты»

Л. Фейербаха.

Как свидетельствуют данные этнографии, предки человека, реальные «ты» и «я», начинали осознавать себя

==99

в качестве органов, «винтиков», обеспечивающих функционирование традиционного механизма жизнедеятельности родовой общины. Суровые «слепые» обычаи, обусловленные уровнем исторического и экономического развития, практически нивелировали некоторое своеобразие индивидов. В этом смысле «я» первобытного человека было именно последней буквой социального алфавита. И все-таки искра самосознания уже зажглась. Теперь от социальных условий зависело, вспыхнет ли она ярким светом науки и искусства.

Какие же материальные силы общественной жизни пробудили самосознание? Прежде всего усложнение хозяйственной деятельности человека, разделение труда, развитие форм кооперации, а также увеличение пространственно-временной дистанции, отделявшей производство орудий труда от их применения, а тем более от удовлетворения насущных естественных потребностей человека. Эти процессы объективно требовали слаженности, координации деятельности отдельных участников производства и потребления, их способности реально представить себе свои будущие действия, сопоставить их с поступками соплеменников, а также с общей целью коллектива на данном этапе.

Самосознание индивидов и групп—необходимое условие любой кооперации, любого сознательного взаимодействия людей. Уже в процессе коллективной охоты и тем более на войне, предполагающих пространственное и временное разделение действий участников, необходима имитация одними членами коллектива хода мыслей других (и врага тоже) даже при отсутствии между ними непосредственного контакта. В самом общем плане основой синхронизации, однотипности поведения сородичей и соплеменников выступал обычай предков. Функцию коллективного «пульта управления», общественного «мозга» выполняли вожди, «проигрывавшие» в своей голове различные варианты развития сложившейся ситуации и сопоставлявшие ее с опытом предков. Родовые символы, табу, традиции коллективного труда и потребления, взаимной выручки и ответственности, уважения старейшин и беспрекословного выполнения указаний вождей играли роль своеобразного опосредующего звена в процессе формирования индивидуального сознания.

Самосознание и самооценка зарождались на основе переориентации мышления человека с окружающей его

==100

природы, затем — других людей на самого себя. «Судьей» поступков первобытного человека был не он сам и не его сородичи, а, как правило, рожденные его сознанием духи и обычаи предков, магические запреты и табу, ничем не мотивированные, безусловные императивы, «извне» адресованные ему. Даже такой интимнейший, скрытый от посторонних глаз, сугубо внутренний регулятор поведения, как совесть, рождался из опасения невольно нарушить предписания обычая, из страха перед тотемом, мифологическим существом, могущим навлечь кару на всех соплеменников. Истоком социального новаторства (рождение новых норм), видимо, было нечаянное несоблюдение либо измененное привходящими обстоятельствами соблюдение ритуальных действий, которое в практическом отношении оказывалось более эффективным.

Словом, формируясь как общественное существо, человек все отчетливее осознавал себя таковым. Этому способствовало развитие труда и речи. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений»³¹.

Диалектика сознания и самосознания внешне проявляется — и достаточно ярко — в речи, неотъемлемыми полюсами которой являются диалог и монолог. Речь как средство передачи и приема информации обращена к другому, а как форма хранения и переработки информации — к самому себе. Самосознание как форма рефлексии играет существенную роль в дальнейшем развитии мышления. Человек не просто знает. Он знает, что он знает. В сознании человека отражается не только внешняя ситуация, но и его место в ней, его отношение к ней. Поэтому сознание как общественный феномен невозможно без самосознания, без выработки представления о будущих результатах труда и иных видов деятельности. Все это оказывается осуществимым лишь благодаря языку и членораздельной речи.

¹ *Тейяр Шарден П. де.* Феномен человека. М., 1965, с. 163, 28;).

² См. *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 34—35, 357, 490, 510.

³ *Маркс К.. Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 93.

См. Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965.

==101

⁵ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 29, с. 194.

⁶ Вопросы философии, 1972, № И, с. 29.

⁷ *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 155.

⁸ *Гегель.* Соч., т. I. М., 1929, с. 318—319. *Ленин. В. И.* Поля. собр. соч., т. 29, с. 172. ¹⁰ См. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966, с. 173—178.

⁹ См. *Плотников А. М.* Генезис основных логических форм, с. 77.

¹² См. *Панов В. Г.* Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976, с. 34-35.

¹³ См. Вопросы философии, 1968, № 6.

¹⁴ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 132.

¹⁵ См. *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960, с. 111.

¹⁶ *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Проблема функциональной асимметрии мозга.—Вопросы философии, 1977, № 2 с 150 149

¹⁷ Там же, с. 146.

¹⁸ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29—30.

¹⁹ Там же, с. 29.

²⁰ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность, с. 140.

²¹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 24.

²² Там же, с. 25.

²³ Там же, с. 29.

²⁴ Кстати, антропологи считают метисизацию и обогащение таким образом генофонда формирующегося человечества одной из необходимых предпосылок завершения процесса антропогенеза.

²⁵ См. *Золотарев А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

²⁶ *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история, с. 81, 119.

²⁷ *Тейяр Шарден П. де.* Феномен человека, с. 236.

²⁸ См. там же, с. 253, 255.

²⁹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Из ранних произв., с. 566.

³⁰ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 62.

³¹ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность, с. 144.

[==102](#)

[00.htm - glava24](#)

Глава пятая ОТ «ЯЗЫКА» ЖИВОТНЫХ— ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ РЕЧИ

[00.htm - glava25](#)

Заговорит ли шимпанзе?

В семье американского драматурга У.Лафарджа вместе с семьей детьми за обеденным столом восседает на специальном высоком стуле годовалый шимпанзе по кличке Ним. По собственной инициативе обезьяна делает знаки «кушать», «пить», «кончай» и другие, объясняясь таким образом с людьми, сидящими за столом. На черной доске, висящей на стене позади Нима, мелом записаны слова, которые он изучает в данное время.

Это один из рабочих моментов длительного научного эксперимента, проводимого профессором Колумбийского университета психологом Х. Террасом. Исходной посылкой исследования является убеждение, что эволюционный разрыв между человеком и шимпанзе весьма мал и что шимпанзе обладает, хотя и примитивной, способностью строить фразы. Экспериментатор надеется, что, усвоив словарь в 30 знаков, шимпанзе непременно начнет комбинировать их по правилам простого синтаксиса и это в свою очередь обусловит скачок в его психическом и умственном развитии. Среде—в данном случае человеческому окружению—отводится решающая роль в пробуждении «невысказанных» естественной эволюцией познавательных способностей высших приматов, получивших столь успешное развитие в ходе общей эволюции предков человека.

Х. Террас опирается на весьма распространенную в американской психологии бихевиористскую концепцию. В частности, он полностью разделяет идею своего бывшего наставника, профессора Гарвардского университета Б.Ф. Скиннера, о том, что язык есть одна из форм поведения, выросшая из

реакций животного на воздействие среды, а словарь и синтаксис развиваются так же, как и рефлекс поведения. Таков исходный тезис бихевиоризма, абсолютизирующего воздействия типа «стимул —

==103

реакция» как стержень любой структуры поведения живого существа.

Обращение Терраса к языку жестов обусловлено тем, что среди человекообразных обезьян шимпанзе, по его мнению, наименее способны произносить звуки. И хотя наиболее «говорливая» шимпанзе после нескольких лет обучения могла «произносить» (после многократных шлепков) звуко сочетания, отдаленно напоминающие всего четыре слова, вывод о природной «молчаливости» шимпанзе не совпадает с данными таких всемирно известных специалистов по «языку» животных, как Дж. Хаксли и Л. Кох. Самыми «болтливими» среди обезьян являются, как отметил в «Книге джунглей» Р. Киплинг, марышки. Из человекообразных обезьян наилучшие вокальные способности у гиббонов. Во всяком случае только они могут петь, издавая иногда достаточно чистые музыкальные звуки. Орангутанг, наоборот, молчальник. Массивные гориллы любят сопровождать свой рев побочными шумовыми эффектами, остервенело барабана при этом кулаками по предметам, издающим устрашающий, резонирующий звук.

Что же касается шимпанзе, то он, по мнению Хаксли и Коха, гораздо «голосистее» гориллы. Ученые даже уверяют, что «его лексикон и диапазон звуков необычайно богаты»¹. Дж. Кларк сообщает, что шимпанзе на воле используют примерно 23 различных голосовых сигнала (помимо «языка» жестов, гримас и поз), поэтому он считает вполне правомерной гипотезу о том, что австралопитеки «имели в своем распоряжении еще больший диапазон звуков и жестов»². Л. Ф. Фирсов, исходя из установленной наукой «особой значимости врожденных голосовых рефлексов как средства дистантной сигнализации», которое, «подобно материальному рычагу управления, ограничивает или изменяет индивидуальное поведение особи в рамках необходимого для всего стада» (т. е. поддерживает целостность последнего и в то же время допускает определенные перемещения внутри его), дал такую классификацию голосовых реакций у капуцинов и шимпанзе: пищевые, игровые, ориентировочные, позитивные, контактные, агрессивные, защитные, половые и «детские» звуки. Последние два типа у шимпанзе не зафиксированы³.

Но только ли в голосе дело? Или развитие самих голосовых связок обусловлено какими-то более глубокими,

==104

лежащими вне организма потребностями и силами? Попробуем разобраться в этих вопросах подробнее.

Сформулированная академиком Н. Я. Марром гипотеза о роли жестикуляции, «ручных» действий в генезисе языка и звуковой речи, о кинетической (жестовой) речи как исходном состоянии языка⁴ нуждается в уточнении и дополнении в свете современных научных данных. Тем не менее ученый ориентирует исследователей на кропотливое этнографическое, фольклорно-лингвистическое и отчасти археологическое изучение места указательных, приглашающих, запретительно-угрожающих и иных жестов (а также мимики и поз) в процессе формирования слов и даже некоторых синтаксических структур. Уже человекоподобным приматам свойственно, считает К. Э. Фабри, так называемое демонстрационное манипулирование. Под этим подразумевается возможность «обучения» обезьянами друг друга путем неоднократного повторения перед детенышами, другими обезьянами той или иной

манипуляции с предметами природы без всякой необходимости, просто, как говорят, «из любви к искусству».

Не исключено, что звук, сопровождавший складывание и использование жеста, стал у ископаемых антропоидов акустическо-голосовым аналогом последнего, например, в условиях, когда индивиды не видели или плохо видели друг друга. Наверняка рука помогала мозгу в дифференциации вначале плохо, нечетко артикулируемых звуков, а звуки «усиливали» соответствующие жесты. Ведь и современную звуковую речь обеднило бы устранение таких ее «реликтов», как, например, жестикация, интонация, ударения, интервалы между словами и фразами, междометия, мимика и даже позы говорящего и слушающего.

В последнее время проблема генезиса речи и «озвучивания» формировавшегося социального общения прогрессирующих в сапиентном направлении ископаемых гоминидов вновь привлекла внимание ученых всего мира. В этой связи вновь обсуждается и гипотеза жестового происхождения языка. Одной из наиболее значительных публикаций по данной проблеме является статья американского профессора Г. Хьюза из университета в штате Колорадо, опубликованная в международном антропологическом журнале «Current anthropology»⁵. Г. Хьюз собрал массу современных научных данных в пользу предположения, что первоначальной формой человеческого

==105

языка был язык жестов, а не звуков. Понятием «язык» он обозначает такую коммуникативную систему у живых существ, которая обладает смысловым характером, продуктивностью и способностью к передаче. Она включает в себя, по его мнению, индикативные, локативные и оценочные сообщения об окружающей среде, а также требования и команды к действию, направленные на других.

Г. Хьюз отмечает, что большинство криков человекоподобных приматов представляет собой нейтральную по отношению к окружающим форму эмоционального «самовыражения», не направленную на слушателя и обычно безразличную к тому, есть этот слушатель или нет. Кроме того, он считает, что естественные звуки, вызываемые у них при помощи электрических раздражителей, не связаны с теми участками мозга, которые хотя бы примерно соответствуют «речевым центрам» человека. Это, думает он, дает основания для возражений против того, что именно вокализация была основным способом развития коммуникативной системы.

Что касается первоначальных этапов развития охоты (Хьюз опускает другие формы взаимодействия прогрессирующих гоминидов и формирующихся людей с крупными млекопитающими) и изготовления орудий, то он убежден, что для этого достаточно было визуального наблюдения и жестовой имитации, ссылаясь, в частности, на имитационные охотничьи танцы эпохи верхнего палеолита, зафиксированные в наскальной живописи. Изготовление и употребление орудий, отмечает Г. Хьюз, долго рассматривалось в качестве предпосылки возникновения языка и речи. Но если даже в недавнем прошлом традиционные формы создания и использования орудий домашней эпохи базировались не столько на словесном общении, сколько на визуально-жестовой демонстрации, вполне допустимо предположить, что именно таким путем происходила передача навыков изготовления палеолитических орудий. «Некоторая часть общественно-исторического опыта,—полагает А. Н. Леонтьев,—может быть передана и усвоена исключительно посредством прямого подражания, а не при помощи языка»⁶.

И наконец, аргументы американского антрополога касаются анатомо-физиологического аспекта сапиентной эволюции. Модель жесто-имитационного языка соответствует, по его мнению, линии наименьшей биологической сопротивляемости. Последняя не требует в течение дли-

тельного времени кардинальных изменений в нервной системе или мышечно-ларингальной анатомии, за исключением тех, которые направлены на совершенствование уже имевшихся признаков. Действительно, гораздо труднее представить себе трансформацию неумеющего говорить гоминида в говорящего, чем переход от языка жестов с уже установившейся церебральной латерализацией к вокальному выражению.

Изложенная гипотеза выглядит достаточно убедительно, однако в ней явно недооценивается общественная природа языка и речи. Авторы данной гипотезы говорят о прогрессирующем в сапиентном направлении гоминиде как своего рода ископаемом индивидуалисте, для которого окружающие его особи лишь элементы внешней среды. Во всяком случае формирование в процессе антропогенеза новых связей гоминидов с себе подобными не учитывается.

В данном случае по существу стирается качественное различие между биологическим и социальным «смыслом» внутристадной и межиндивидуальной систем коммуникаций, теряется рефлексивный подтекст последней у человека, который вольно или невольно отождествляется с рефлексивно-инстинктивными реакциями высших приматов. Между тем ни одна из современных человекообразных обезьян не является, строго говоря, «общественным животным», как назвал Ф. Энгельс гипотетического общего предка понгидной и сапиентной ветвей эволюции.

Что касается звуков, то у «безруких» животных голосовая сигнализация, в значительной части безусловно рефлексорная, выступает мощным фактором регуляции поведения стада, особенно в темноте или тумане, в лесу или высокой траве. Звуковые сигналы, имеющие императивный, непререкаемо-обязательный для каждой особи характер и ориентированные на врожденные формы поведения, выполняют функции, аналогичные «сообщению» о жизненно значимых ситуациях во внешнеприродной среде, а также акте регуляции внутристадных перемещений, действий, «команд». В этом плане они являются прообразом будущего языкового, лингвистического аспекта сознания, ориентированного на учет «общественных» характеристик стада⁷. «Голосовой рефлекс одной особи,— пишет Л. А. Фирсов,—является поэтому сигналом для другой или для всего стада, хотя он осуш-

ствляется ею вовсе не целенаправленно. Иначе говоря, обезьяна, произносящая тот или иной звук, в известных условиях не может реагировать иным образом»⁸.

Поскольку именно в рамках звукового общения прогрессирующих гоминидов и формирующихся людей вызрела функция целенаправленного обмена информацией, постольку в принципе вполне допустимо, что истоки этого обмена заключены в сигнально-акустическом взаимодействии зоологических предков. Но в основе данного процесса, несомненно, лежала объективная необходимость надежной, быстрой и эффективной (по сравнению с чисто биологическими формами) регуляции стадной деятельности по целенаправленному поиску, сбору, подправке, «ремонт» и использованию естественных орудий труда, а также употреблению огня,—деятельности, перерастающей в постоянный процесс создания искусственных орудий и добывания огня путем высекания либо трения.

Охота постепенно перерастала на этой ступени в регулярный, специализированный вид деятельности. Присущее прежней стадии развития противоречие между локомоторными (передвижения) и гапильными (хватательными) функциями руки было разрешено в пользу вторых. Но возникло новое

противоречие: между все усложняющимися манипуляционными и сигнально-информативными (жестовыми) функциями руки. Освобожденная от тяжести тела рука оказалась орудием (средством) жизненно необходимой деятельности — общения. И здесь на помощь руке «пришел» голос. Сначала он, видимо, сопровождал демонстрационное поведение, позы, жесты, мимику, но затем стал выполнять функцию складывающейся социальной по характеру знаково-сигнальной координации и регуляции поведения индивидов по отношению друг к другу и к окружающей среде.

Во всяком случае многообразие и многозначность сигналов (как средств ориентации действий с вещами) и типов/коммуникации (как средств организации совместной деятельности) в первобытном обществе наводят на мысль об одновременном использовании зрительно-двигательных и слухо-артикуляционных актов⁹. Видимо, древнейшая система ориентации животных в окружающем мире — оптическая — дополнялась в процессе эволюции усиленным развитием слуховых путей, а также связанного с последними «обратной связью» звукоиспу-

==108

скания. Система «зрение — движение (жест)» развивалась в процессе антропосоциогенеза параллельно с системой «ухо — глосное». Осуществленные Ф. Либерманом из Коннектикутского университета (США) опыты по реконструкции глотки и всего голосового аппарата неандертальца дали основание предположить, что его речь с точки зрения артикуляции была беднее, чем у современного человека, к тому же «говорил» он в десять раз медленнее. Сравнение голосового аппарата взрослого и новорожденного человека с полученной неандертальской моделью, а также глоткой и гортанью обезьяны показало, что по данным признакам новорожденный гораздо ближе к своим ископаемым предкам, нежели к взрослому современнику¹⁰.

Однако вернемся к эксперименту американского психолога Терраса, который полагает, что язык «вырос» из целенаправленной демонстрационной манипуляции ископаемых предков человека передними конечностями, то вначале он функционировал именно как система жестов и лишь позднее движения рук были заменены голосовой членораздельной речью. Чтобы доказать это, ученый задался целью «сжать» в условиях эксперимента с шимпанзе длительный путь эволюции языка до нескольких лет или десятилетий. Это фантастически грандиозный замысел. Постепенно Террас собирается перейти от индивидуального обучения шимпанзе к «разговорам» между двумя обезьянами, пользующимися знаковой системой американских глухонемых. Затем он намерен предпринять попытку обучения одними шимпанзе других языку жестов без помощи человека. Террас надеется, что со временем ему удастся получить потомство от «говорящих» шимпанзе и зафиксировать процесс обучения одним или обоими родителями своих детенышей средствам жестовой сигнализации.

Одна из ближайших целей Терраса — изучить, по его выражению, «познавательный процесс шимпанзе». Он считает возможным доказать, «что обезьяна помнит о настроениях, снах, о невысказанных обидах, кошмарах, о половых влечениях», и поэтому полагает, что сам сможет «отвечать на любые вопросы обезьяны». Данный эксперимент характеризуется американской прессой как попытка пробить «стену молчания», отделяющую людей от животного мира с тех времен, когда предок человека вышел из джунглей.

==109

Впрочем, идея обучения человекоподобных приматов, имеющих неразвитый и негибкий голосовой аппарат, языку жестов высказана и в какой-то мере апробирована задолго до Терраса не только американскими, но и советскими, а также польскими учеными. Именно то обстоятельство, что пассивное восприятие членораздельной речи людей высшими животными на несколько порядков превосходит способность воспроизведения ими тех или иных ее элементов, толкнуло к поискам мыслительных контактов с человекообразными обезьянами, с помощью жестов, а также специально создаваемых экспериментальных «языков». Американский психолог из Калифорнийского университета Д. Премак изобрел символы, обозначающие те или иные элементарные понятия, и научил семилетнюю шимпанзе составлять из них простейшие предложения. И хотя яблоко обозначалось голубым треугольником, последний вызывал у обезьяны ассоциации с красным и круглым, как если бы перед ней лежало настоящее яблоко. Это позволяет предположить наличие некоторых зачатков способностей у высших обезьян к отвлеченному мышлению, столь же далеких от собственно человеческого абстрактного мышления, целеполагания и труда, как и спорадическое использование ими камней и палок, предварительно очищенных от веток, и т. п., от целенаправленного изготовления орудий труда. Впрочем, можно полагать, что у ископаемого предка эта способность была выражена гораздо более рельефно, чем у современных человекообразных обезьян, и была для них гораздо более необходимой, нежели для последних. Характерно, что Д. Премак в отличие от Х. Терраса весьма осторожно оценивает результаты собственных опытов. Во всяком случае в своих выводах он не идет дальше признания «удивительных способностей» подопытного животного¹².

Профессор Х. Террас, хочет он того или нет, уже самой постановкой опытов ставит под сомнение фундаментальнейшие результаты мировой науки. Как иначе можно расценить формулировку исходной гипотезы и цели начатого им эксперимента? Он пытается решить следующие вопросы: «Может быть, некоторые животные всегда обладали умственными способностями к речи, но только не имели голосового аппарата? Были ли они всегда способны разговаривать без помощи голоса? А если такую воз-

[==110](#)

можность они приобретут, будут ли они способными отвлеченно мыслить, подобно человеку?»¹³

Буржуазные ученые склонны видеть смысл речи как специфически человеческого феномена главным образом в передаче сообщений. Так, американские авторы Ш. Уошберн и Ш. Стрэм утверждают, что «не столько сама мысль, сколько сообщение ее другим является исключительно человеческим свойством, которое делает возможной человеческую культуру и является главным критерием, различающим человека и животное»¹⁴.

Исходная теоретическая концепция, с позиций которой американские психологи начали эксперимент по обучению шимпанзе языку жестов, затрагивает важнейшие мировоззренческие и методологические проблемы анализа языка и речи как специфически общественных явлений, закономерностей их возникновения, предпосылок и условий, противоречий и стадий этого процесса, а также вопрос о генетической связи «языка» животных и речи человека. Представляется необходимым подойти к проблеме происхождения и сущности языка и речи с позиций диалектико-материалистической теории антропосоциогенеза.

[00.htm - glava26](#)

Звук как сигнал И ЗНАК

Акустический ландшафт нашей планеты чрезвычайно разнообразен и изменчив.

Одни звуки возникают в результате взаимодействия различных сил природы (движения воды, воздуха, атмосферного электричества), другие—как своеобразное проявление жизнедеятельности живых существ. В отличие от растений, видимо «равнодушных» к акустическому фону окружающей среды, для живых существ, обладающих нервной системой, звуковая картина внешнего мира является одним из важнейших источников информации обо всем, что происходит вокруг. Даже тишина несет в себе информацию о том, что вблизи нет ни хищников, ни добычи. Иными словами, в процессе эволюционного развития у животных выработана способность воспринимать звуки как сигналы о процессах, происходящих в окружающей среде, как средство ориентации и приспособления к ее изменениям, как необходимое условие жизнедеятельности.

Живые существа активны по отношению к среде. Эта активность обеспечивается в первую очередь их подвижностью, открывающей возможность смены (квазипреобразования) среды менее благоприятной на более

==111

благоприятную, что предполагает оценку ситуаций и «исследование» объектов, важных для обеспечения жизнедеятельности особи, популяции и вида в целом. Кроме того, передвижение вызывает необходимость координации и регуляции действий особей одного вида, особенно в пределах стаи или стада. В силу этой потребности звук не только становится сигналом внешней среды, но и выполняет коммуникативно-регулятивную функцию. Исследования последних лет показали, что даже рыбы, «немота» которых вошла в поговорку, не только слышат, но и достаточно содержательно «беседуют» друг с другом. У птиц и высших животных звуковая сигнализация достигает значительного развития, оттесняя на задний план общение с помощью запахов, поз, движений и т. п. Причем отдельные звуки, обозначающие тревогу, опасность и приближение хищника, подчас «понятны» птицам и животным не только данной популяции, но и других видов, живущих в условиях одного и того же биоценоза.

Хотя скорость распространения звука в тысячу раз меньше, чем света, тем не менее как средство восприятия и особенно передачи информации он обладает рядом несравненных преимуществ. Звук хорошо распространяется в темноте, в тумане, в лесу, в горах, в воде, в земле, способен преодолевать преграды, недоступные свету. Герои Ф. Купера, подобно всем охотничьим племенам, по треску хрустнувшей ветки издали узнавали о приближении человека или зверя. Австралийские аборигены, прикладывая ухо к земле, получали довольно точную информацию о передвижении в округе людей и стад животных. А «язык» тамтамов задолго до изобретения радио и телевидения играл роль средства массовой информации в джунглях Тропической Африки.

Голос как источник звука и способ дистантной передачи информации в пространстве использовался в животном мире достаточно широко. Биологические «орудия» воспроизведения, восприятия и «декодирования» звука, являясь результатом процесса длительной эволюции вида, были у живых существ при себе. Кроме чрезвычайной компактности эти «орудия» требовали для своего функционирования мизерное (по сравнению с передвижением или действиями, связанными с обеспечением пищи) количество мышечной энергии.

Активно-информативная роль звука как средства ориентации в окружающем пространстве «проявлялась» в

==112

процессе эволюции живых существ по мере формирования и развития нервной системы, обусловленных подвижным образом жизни и генерализованным, в примитивной форме обобщенным восприятием типичных объектов, либо необходимых для удовлетворения видовых потребностей, либо представляющих опасность для осуществления ими нормальной жизнедеятельности. Если растения в условиях острого дефицита необходимых для существования средств максимально замедляют темп своей жизнедеятельности — замирают на этот период или погибают, когда он затягивается (скажем, холод в умеренном поясе либо засуха—в жарком),—то животные переходят к активным поискам того, что им необходимо и чего в данный момент в непосредственной близости нет.

«Подвижность становится условием существования, но она принципиально меняет характер жизненных ситуаций. Это изменение заключается в том, что возникает непостоянство отношений между животными и теми объектами, за которыми оно охотится (или которые на него охотятся и от которых оно вынуждено обороняться или убегать). Это непостоянство отношений между животным и объектами, в которых оно так или иначе заинтересовано, получает более точное и ближайшее выражение в непостоянстве отношений между органами действия животного и объектами, на которые оно воздействует. А если этот объект еще и подвижен, как это бывает в отношениях между животным-охотником и его добычей, то непостоянство этого соотношения возрастает в чрезвычайной степени»,— пишет П. Я. Гальперин. При этом он поясняет, что «объект, с которым взаимодействует животное, должен выступать генерализованно: если это «враг», то это должен быть не индивидуальный враг, а по крайней мере враг этого рода; если это добыча, то она тоже должна выступать, так сказать, обобщенно; если бы волк набрасывался только на такую овцу, которая была бы в точности похожа на съеденную им раньше, и отказывался от всякой другой овцы, то подобный «волк-педант» скоро стал бы жертвой естественного отбора. Овца для волка должна выступать «обобщенно»; может быть, эта обобщенность заключается просто в том, что от овцы исходит определенный запах (и звук.—И. А.), характерный для всех овец, и волк узнает свою добычу по этому генерализованному признаку... Парадоксальность ситуации заключается в том, что раздражитель вы-

⁰ П. Л. Андреев

==113

ступает генерализованно, а действие должно быть точно подогнано к частным особенностям объекта и данной ситуации»¹⁵.

Свойственные животным зачатки обобщения в ситуациях неотложного однократного действия приобретали чрезвычайную важность, закреплялись и «шлифовались» естественным отбором. «Отрабатывался» автоматизм реакций и в то же время увеличивалась их адекватность, совершенствовался механизм их мгновенной «подгонки» и корректировки под каждый неповторимый конкретный случай. Это обуславливало зарождение опережающего физическое действие перцептивного, «мысленного» выбора оптимального варианта поведения в той или иной обстановке. «Ориентировка в плане образа,—подчеркивает П. Я. Гальперин,—позволяет не создавать новые формы поведения для крайне изменчивых индивидуальных ситуаций, а использовать общие схемы поведения, каждый раз приспособлявая их к индивидуальным вариантам ситуаций»¹⁶.

Тонкие наблюдения психолога позволяют увидеть глубинные эволюционные взаимосвязи формирования психики как перцептивного механизма индивидуального приспособления действий к чрезвычайно изменчивым ситуациям и сигнально-акустического взаимодействия как качественно новой формы ориентации и согласования поведения животных. Психика изначально «озвучена», т. е. эволюционно ориентирована на звук как один из важнейших факторов окружающей действительности. В свою очередь звук опосредуется и «обрабатывается» психикой, превращаясь из пассивного,

«внешнего» проявления среды в активное, «внутреннее» средство отражения окружающего мира и ориентации в нем.

Подвижный образ жизни в сильно **расчлененной**, динамичной, подверженной постоянным **изменениям** среде, обобщенная «образность» восприятия ее жизненно важных для данного вида компонентов и факторов, **а также** озвученность самих «образов» и внутривидовых взаимодействий индивидов—таким был, можно полагать, эволюционный фундамент становления **сигнально-знаковой** функции голоса как необходимой **предпосылки** и гибкого «инструмента» развивающейся **психической** деятельности. Именно эти черты **зоологического** предка человека получили сильнейший стимул, **а главное**, каче-

==114

ственно новое русло развития в процессе антропосоциогенеза.

Разумеется, человек не просто заимствовал у своих животных предков восприимчивость к звуковым сигналам, идущим от среды и других индивидов. В процессе антропосоциогенеза получила колоссальное развитие заключенная в звуке возможность чрезвычайно емкого и **потому** экономного кодирования информации, «излучаемой» средой или посланной другими существами. **Иными** словами, в отличие от животных человек использует звук **как** средство не только отражения, но и активного индивидуального и коллективного преобразования окружающего мира. Звук, превратившись в слово, становится великой общественной силой: им обозначают предметы и ситуации, он служит средством согласования и регулятором поведения людей.

Имея в виду опосредующую функцию знака в процессах социального общения с природой и себе подобными, один из основателей советской психологии, Л. С. Выготский, называл слово психологическим орудием. Слово не только сообщает, но и обобщает. Оно выступает средством общения людей и абстрактного, теоретического мышления, неизменным атрибутом общественного сознания. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «На «духе» с самого начала лежит проклятие— быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков—словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹⁷.

Речь — идеальное средство взаимодействия людей, на[^]ленных сознанием и волей. Язык—используемая в речевой деятельности система знаков: слов и процедур (правил) их организации. Речь выполняет цементирующую общество функцию социального общения: сообщения, внушения, убеждения и т. п.—словом, важнейшую функцию взаимосвязи людей. Ни один из типов собственно человеческой деятельности невозможен без общения с помощью языка и речи, выступающих ядром любой исторически сложившейся культуры.

Труд как социальный феномен предполагает опреде-

==115

ленное речевое взаимодействие участвующих в нем индивидов и групп, координацию их действий, кооперацию физических и духовных сил. Язык — необходимое условие конструктивного мышления и целеполагания как важнейшей особенности, отличающей воздействие человека на природу от инстинктивно-рефлекторной жизнедеятельности животных.

В основе познания также лежит речевое общение. Слова создают ту понятийную сеть, с помощью которой человек выявляет в окружающем его мире объективные закономерности и взаимосвязи, фиксируемые средствами языка. И наконец, оценочно-ориентационная деятельность общества, выявляющая значение тех или иных объектов в жизни человека, их роль в труде и познании, также представляет собой прежде всего речевое общение с помощью языка. Именно речь выступает основой системы социального наследования, составляющей специфику человечества в отличие от животного мира.

Речь не передается генетически, наследуется лишь биопсихическая предрасположенность к ней. Когда-то в средневековье один из восточных монархов поставил жестокий эксперимент. Он заключил в тюрьму новорожденного младенца, запретив под страхом смертной казни произносить в его присутствии хоть слово, чтобы выяснить, заговорит ли мальчик на языке своих предков. Юноша, естественно, остался немым и умственно совершенно неразвитым.

Об общественной природе процесса становления речи в индивидуальном развитии свидетельствуют факты. Более 30 детей, воспитанных дикими зверями (волками, медведями, обезьянами и даже самкой леопарда) и попавших к людям, с большим трудом выучивали несколько слов. Они обычно не усваивали прямой походки и, как правило, скоро погибали. Действительность оказалась весьма далекой от того вымышленного Маугли, образ которого создало пылкое воображение Р. Киплинга. Этот легендарный лесной Робинзон знал «языки» животных, но поначалу не понимал ни речи, ни действий людей.

Что касается попыток американских психологов «пробудить» ум и сознание шимпанзе с помощью «ручной» речи, то они вызывают скептическое отношение. В исходной теоретической установке Х. Террас явно гипертрофирует роль языка жестов в общении, разрывает его

==116

форму и общественное содержание, оставляя в тени то обстоятельство, что язык жестов глухонемых опирается **на** их бытие как членов общества, на письменную речь и чтение, на специальное обучение им как средствам приобщения к труду и другим видам социальной деятельности.

Механическое обучение обезьяны азбуке глухонемых не очеловечит ее. Усвоение ею жестов — это внешнее, условно-рефлекторное приспособление к специфическим ситуациям, что подтверждают, в частности, и опыты зоопсихологов супругов А. и Б. Гарднеров из Невадского университета в США. Их подопечная самка шимпанзе по кличке Уошо после пятилетнего обучения обладала «словарным запасом» в 132 знака-жеста. Постепенно она стала использовать комбинации из двух «понятий». В возрасте двух лет она составила первую «фразу», соединив жесты, обозначающие «дай-сладкое» и «придиоткрой».

За исключением «я» и «ты», Уошо употребляла главным образом знаки, обозначающие просьбу, место и действие. Характерно, что в течение четырех последующих лет обучения обезьяна не продвинулась дальше двусложных жестов, не составив ни одного сочетания хотя бы из трех знаков.

Отдавая должное мастерству и искусству дрессировки, проявленным американскими зоопсихологами, все-таки приходится сделать «прозаический» вывод о том, что жесты животных остаются формой

манипуляций передними конечностями, ибо общественный смысл используемых понятий и вещей обезьяна не улавливает и не может уловить. Поэтому у нее нет и не может быть иного, кроме условно-рефлекторного, отношения к чужим и собственным жестам, которым ее обучили. Язык жестов, отражающий социальные реалии и социальную среду, созданный в процессе общественной истории, является компонентом культуры, знаковой системы общества и, следовательно, вне общества функционировать, как таковой, не может.

Рассматривая этот вопрос с точки зрения представлений И. П. Павлова о языке как функции второй сигнальной системы, В. З. Панфилов специально подчеркивает, что «сигналами сигналов у нормальных людей являются не только звуковые раздражения, возникающие при воздействии на органы слуха человека слов,

==117

произносимых другим человеком, но и кинестезические раздражения, идущие в кору головного мозга от функционирующих органов речи говорящего, а также зрительные раздражения, возникающие при чтении написанных или напечатанных слов. Очевидно, что с точки зрения характера механизма второй сигнальной системы в качестве сигнала сигналов могут функционировать и другого рода раздражители. Именно с этим мы имеем дело у глухонемых, у которых сигналами сигналов являются кинестезические раздражения, идущие от мускулатуры рук, и прежде всего—пальцев, функционирующих при общении глухонемых друг с другом зрительные раздражения, возникающие при восприятии ручных жестов, а также при чтении, если они обучены этому»¹⁸.

В несложном зоопсихологическом эксперименте обезьяна, манипулируя с помощью передних конечностей двумя короткими палками, составляет на них одну длинную, которой может достать пищу. Напротив, в опытах Гарднеров и Х. Терраса шимпанзе приучали составлять вместе не палки, а жесты. Но результат и «цель» («мотив») деятельности животных в принципе оставались теми же. Иными словами, поведение шимпанзе является условно-рефлекторным, по сути своей животным. К тому же «мотивация» жестикуляции шимпанзе даже в кругу людей остается индивидуально-зоологической, направленной на удовлетворение непосредственных потребностей, «эгоистических» желаний. Поскольку в основе концепции американских зоопсихологов лежит идея научить шимпанзе «думать» с помощью жестов, обойдя не только речевой барьер, но и труд, сознание, общение, т. е. весь долгий и трудный, полный противоречий путь от животной к общественной жизни, который проделало человечество на заре своей истории, то маловероятно, что их опыты увенчаются успехом.

[00.htm - глава27](#)

Общение, обобщение, сообщение

Одним из необходимых компонентов процесса возникновения человека и явилось формирование языка (глуттогенез) и речи (глоттогенез). Как формы функционирования пробуждающегося сознания язык и речь выступали наряду с изготовлением орудий труда и добыванием огня существенным признаком, отличающим человека от животных, своего рода идеальным средством отражения и преобразования окружающего мира, неразрывно связанным с трудом как обществен-

==118

ным феноменом. «Производство обособленного одиночки вне общества...—такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»¹⁹, — подчеркивал К. Маркс.

Говоря о гигантском скачке от акустического взаимодействия зоологических предков современных гоминидов к членораздельной, связанной речи человека, необходимо выделить два чрезвычайно важных момента. Во-первых, этот переход нельзя правильно понять вне целостного объективного процесса возникновения человека и общества, если не видеть, что это был по существу переход от форм жизни с преимущественно естественной детерминацией к формам жизни с преобладанием социально-исторической детерминации²⁰. Его неправомерно вырывать из контекста становления труда, сознания, складывания социальных закономерностей и изменения морфологической организации эпохи формирования человека современного типа, как это делает Х. Террас.

Во-вторых, представляется важным подчеркнуть постепенность, длительность и противоречивость процесса возникновения языка и речи, наличие нескольких направлений движения, а также эволюционных «находок», взлетов наряду с тупиками, «срывами», попятными движениями. Он мало напоминает восходящую прямую и вообще линию. Скорее его можно представить в виде спирали, отражающей диалектику отрицания и преемственности (повторяемости).

Есть разные теории происхождения языка и речи. Однако Ф. Энгельс подчеркивал, что «объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным»²¹. Данный методологический принцип предполагает учет тех форм ориентации в окружающей среде и звуковой сигнализации у высших животных, которые, будучи вовлеченными в процесс антропосоциогенеза, могли в специфических условиях дать ростки качественно новому для животного мира явлению—сознанию и членораздельной речи. «Развитие труда,—считал Ф. Энгельс,—по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко гово-

==119

ря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»²².

Но что это были за звуки? Откуда они брались, будучи фиксируемы развивающимся мозгом как сигналы определенных ситуаций, регуляторы тех или иных действий, обозначения либо характеристики качества окружающих предметов?

Среди ученых до сих пор нет единого мнения по этим вопросам. В качестве акустических источников зарождавшейся речи обычно называют инстинктивные крики, аффектированные звуки, выражавшие непосредственные эмоции обезьян (страх, испуг, тревогу, радость и т. п.)²³, или так называемые жизненные шумы, издаваемые животными в спокойном состоянии²⁴, представляющие собой массу одиночных звуков и выражающие отношение индивида к ситуации. Первой точкой зрения в известной мере близка теория междометий как начала речи, второй — родившаяся в античную эпоху концепция звукоподражательных процессов. Недавно высказано мнение, что акустическим материалом зарождавшейся речи были, напротив, особые, эмоционально нейтральные звуки, отличные от инстинктивных криков²⁵. Вероятно, каждая из высказанных точек зрения отражает какую-то сторону реально протекавшего в течение сотен тысяч лет процесса.

Но есть гипотезы, стоящие несколько особняком от названных выше. Так, исследуя психические механизмы суггестии (внушения) и интердикции (сознательной сопротивляемости внушению, стремления его отринуть, «оттолкнуть»), Б. Ф. Поршневу пришел к выводу, что одним из источников возникновения речи и стимулом развития полифоничности голоса предков человека было подражание «запретительным сигналам» крупных животных ввиду отсутствия эффективных средств защиты от них. У прирученных животных это звуковое, «психическое оружие» изменило, а затем утратило свое значение, но, видимо, сыграло существенную роль в эволюции человеческого голоса и становлении речи²⁶. Иными словами, одним из источников речи (не только акустических, но

==120

и функциональных) могло быть обращение к животным, первоначально односложное, охватывающее ситуацию в целом и синтаксически аналогичное междометиям. Во всяком случае многие авторы согласны с тем, что у истоков членораздельной речи лежали призывы, просьбы, требования, первоначально обращенные к животным (так считают, например, А. П. Поцелуевский, Б. Ф. Поршневу) либо адресованные мужчиной мужчине (как полагает А. А. Ветров).

Однако процесс возникновения языка и речи не сводился ни к его вокальной, ни даже к понятийной стороне. Речь как универсальное средство социального общения и язык как система словесных символов и процедур их употребления, применяемых для вычленения и обобщения каких-то черт действительности, а также сообщения о них кому-то, являются продуктами антропосоциогенеза.

В разработку данного аспекта антропосоциогенеза значительный вклад внесли советские ученые. В частности, место речи как эпицентра собственно социального общения отчетливо выявил Л. С. Выготский: «... общение, не опосредованное речью или другой какой-либо системой знаков или средств общения, как оно наблюдается в животном мире, делает возможным только общение самого примитивного типа и в самых ограниченных размерах. В сущности, это общение, с помощью выразительных движений, не заслуживает даже названия общения, а скорее должно быть названо заражением. Испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимающий всю стаю, не столько сообщает ей о том, что он видел, сколько заражает ее своим испугом. Общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний, непременно требует известной системы средств... Так же, как невозможно общение без знаков, оно невозможно и без значения. Для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это... непременно требует обобщения. ... Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность»²⁷.

Диалектику взаимосвязи общения и обобщения

==121

вскрыл П. Я. Гальперин. Он пришел к выводу, что переход от материального, предметного действия к идеальному, речевому в значительной степени способствовал формированию нового, специфически

человеческого абстрактного мышления как способа идеального отражения многообразия и единства материального мира. Причем первые абстракции формировались уже в процессе материальных действий. «Обобщение, — подчеркивает П. Я. Гальперин, — означает, что из конкретного содержания предметов выделяются черты и свойства, которые существенны для действия и являются его специфическим объектом. Выделяются, но не отделяются! Когда же действие переносится в речевой план, эти средства закрепляются за отдельными словами, превращаются в значения слов, отрываются от конкретных вещей и таким путем становятся абстракциями... Перенесение действия в речевой план означает не только выражение действия в речи, но прежде всего речевое выполнение предметного действия — не только сообщение о действии, но действие в новой, речевой форме»²⁸.

Опираясь на мнение П. Я. Гальперина и соглашаясь при этом с гипотезой Л. Нуаре относительно того, что первослова были обозначением действий, а не предметов, А. А. Леонтьев полагал, что на каком-то (промежуточном, «среднем») этапе эволюции речевое действие было нерасторжимо слито с предметным действием, а «мозговое» мышление еще не отделилось от «ручного». Стимулом для последующего разделения предметного (физического) и речевого (умственного) преобразования окружающей среды была объективная тенденция формирования субъективной стороны складывающегося труда и общественной жизнедеятельности в целом. К тому же речевые действия обладали определенной спецификой по сравнению с предметными, в частности большей динамичностью, известной независимостью от конкретно наблюдаемых в данный момент ситуаций, экономичностью с точки зрения затрачиваемой энергии. Они выступали в роли эффективного средства общения, обобщения, переноса информации. Это обеспечило возможность колоссального качественного сдвига от биологических средств «стадной стимуляции» (Н. Ю. Войтонис), присущих «общественным» высшим приматам, в направлении собственно человеческого информационно-обобщающего общения, «Приобретя функцию обобщения, — отмечал А. А. Ле-

==122

онтьев, — сигнальные средства не могли уже оставаться средствами простой стимуляции поведения, как это было раньше у животных. Во-первых, само поведение — во всяком случае, в сфере трудовой деятельности — существенно изменило свой характер: из ситуативно связанного, непосредственно рефлекторного оно стало контролируемым, «удвоенным». Во-вторых, и сигнальные (речевые) средства из «естественных», биологических стимулов стали системой искусственных сигналов, хотя еще и не «сигнальной системой» в том смысле, в каком об этом говорит И. П. Павлов, так как они не могли замещать первосигнальных раздражителей, а лишь совмещались с ними. На этой ступени можно, по-видимому, говорить о присущей речевым средствам функции регуляции поведения»²⁹.

Данная проблема получила дальнейшую разработку в трудах Б. Ф. Поршнева, который выдвинул и обосновал тезис о том, что «речь возникла прежде всего как проявление и средство формирующихся общественных отношений: средство людей воздействовать на поведение в отношении друг друга. Чтобы было понятие, должно быть налицо не только отношение индивида к среде, но и отношение между индивидами, причем такое, какого нет ни у каких животных даже в зародыше, ибо оно противоположно отношениям животных»³⁰. Понимание слова не только как звука, сигнала и знака, но и как фактора управления поведением людей, как важнейшего средства регулирования человеческих действий привело Б. Ф. Поршнева к твердому убеждению, что «у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т. е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения»³¹.

Формирование даже самых смутных, нечетких представлений о внешнем мире неразрывно связано с генезисом его внутреннего «экрана» на базе психического отражения, присущего высшим животным. Вполне допустимо предположить, что слова зарождаются для того, чтобы человек мог с их помощью

обратиться «вовне», т. е. к внешним объектам (к другим племенам, к различным природным явлениям и процессам реальной действительности). Но эта «внешняя» функция могла развернуться лишь при наличии противоположной функции—обра-

==123

щенности слов «вовнутрь», на складывающиеся внутриколлективные отношения, принципиально отличные от животно-стадных связей, имевших индивидуально-видовой и инстинктивно-сохранительный характер. Названиями племенных групп, которые Н. Я. Марр считал первыми «словами», были звуковые комплексы, служившие одновременно негативным обозначением соседей (т. е. были обращены «вовне») и магическим средством сплочения соплеменников (т. е. обращены «вовнутрь» — к формирующемуся коллективу). К сказанному следует добавить, что определенные звуки вычленились зарождавшимся сознанием из акустического фона среды и процесса жизнедеятельности и нередко воспринимались в качестве «слышимых» аналогов вещей, процессов и действий.

Не в этом ли причина функционального сходства амулетов и заклинаний, запретительных и, наоборот, снимающих запреты «двойников» вещей и звуков? «Вещная» (предметная) и «звуковая» (акустическая) картины окружающего мира постепенно совмещались силой формирующегося труда и пробуждающегося сознания. Это был длительный и противоречивый процесс, у истоков которого лежал, согласно Б. Ф. Поршневу, период, когда «слова еще не обозначали вещей, когда вещи были привлечены для обозначения слов, а именно для их дифференцирования» и потому «вещи стали обозначением звуков раньше, чем звуки — обозначениями вещей, вернее, представлений и мыслей о вещах»³².

Однако только ли «социоразличительную» роль (В. И. Абаев) выполняли первые звуковые комплексы в процессе глоттогенеза?

В частности, лингвисты давно обратили внимание, что в обращениях к животным, содержащихся в языках скотоводческих народов и меньше всего трансформировавшихся в течение тысячелетий, наиболее выпукло представлены именно те признаки, которые, видимо, были присущи древнейшим пластам (по крайней мере как мы их себе представляем) членораздельной речи. К ним относятся, например, произнесение звуков «на вдохе», подобно животным, а также преобладание императивных междометий, содержащих требование приблизиться (наиболее древний слой) или удалиться и как производное от последнего—ускорить движение в данном направлении. В обращениях к животным можно видеть и следы бывшего подражания их «голосам», и зачаточное проявление не-

==124

кой «психической власти» формирующихся людей над индивидами боковых линий и тупиковых популяций, обреченных отбором на вымирание, над «недочеловеками», не понимавшими речи, пугавшимися ее, бессильными перед магической силой рождающегося слова.

[00.htm - glava28](#)

Формирование речевой деятельности

И хотя проблема соотношения «внешней» и «внутренней» функций первичных «слов» еще недостаточно исследована, важно подчеркнуть, что наука установила наличие диалектической взаимосвязи важнейших компонентов речевой деятельности: общения, обобщения и сообщения. Важным аспектом изучения процесса возникновения языка и речи является установление его объективных тенденций и основных ступеней, а также их органической связи с другими моментами, составлявшими реальную историческую ткань антропосоциогенеза. В частности, палеофизиология и палеопсихология все отчетливее выявляют связь формирования языка и речи с этапами развертывания гоминидной триады и изменениями типа жизнедеятельности предков человека.

Уже выпрямление походки способствовало не только освобождению передних конечностей от функции передвижения, но и грациализации (утоношению) скелета, облегчению костей черепа, и особенно нижней челюсти. Увеличивался объем грудной клетки и легких, развивались мышцы гортани. Звукообразование у наших ископаемых предков в отличие от обезьян осуществлялось не на вдохе, а на выдохе, что позволяло им контролировать движение воздуха, «несущего» звук, в процессе зарождающейся вокально-речевой деятельности. Необходимой предпосылкой и условием успешного формирования речи был процесс «прояснения» сознания, обусловленный развитием совместного труда. Биологический по природе механизм использования и «производства» звуков, в частности звукоподражания, становился социальным средством координации деятельности группы и повседневной информации индивидов об окружающей среде с целью ее направленного изменения; Таким образом, «акустическое взаимодействие» зоологических предков гоминидов по мере радикального изменения типа жизнедеятельности принимало специализированный сигнальный характер, стимулируя закрепление тех или иных стадных реакций в стереотипных жизненных ситуациях с помощью

==125

звуков, отличных и от аффектированных криков, и от «нейтральных» жизненных шумов.

речь—необходимым компонент любой социальной деятельности, независимо от того, выступает ли последняя в форме говорения и письма, размышления, восприятия и понимания, конструирования и сохранения в памяти различной информации и т. д. Она выступает как определенный способ ориентации людей в окружающем мире. «Речевой акт,—писал А. А. Леонтьев,—есть всегда акт установления соответствия между двумя деятельностями, точнее, акт включения речевой деятельности в более широкую систему деятельности в качестве одного из необходимых и взаимообусловленных компонентов этой последней»³³.

Такой подход позволил А. А. Леонтьеву выделить три основных аспекта речевой деятельности, связанные с пониманием языка как способности (модели речевого механизма), как процесса (модели речи в узком смысле, т. е. процесса говорения) и как предмета (языкового стандарта, системы символов-слов и процедур их использования).

Что касается непосредственного механизма «удвоения» действия в мысли, вещи в слове, то сформулированная П. Я. Гальпериным гипотеза поэтапного формирования умственных действий, вероятно, может быть развернута и в историко-генетическом аспекте. Как известно, согласно этой гипотезе, существуют три типа действий: действия с материальными предметами, действия как громкая речь («проговаривание» вслух без непосредственной опоры на предмет, как бы параллельно с ним) и действия в уме (собственно мысль)³⁴. Видимо, этому в филогенезе языкового мышления в той или иной мере соответствует кинестетическое, предметное «мышление», затем зарождающаяся в недрах «ручного мышления» речевая форма отражения окружающего мира, их исходный синтез, и, наконец, «удваивающее» реальную действительность собственно человеческое «мозговое» мышление, вероятно

опиравшееся в морфофизиологическом плане на углубление функциональной дифференциации больших полушарий головного мозга.

В качестве одного из стержней генезиса мышления служило, согласно гипотезе П. Я. Гальперина, действие по заданному образцу, которое принципиально недоступно высшим животным, ибо по самой сути своей является

==126

социальным, поскольку «выражает общественную природу человеческого обучения, а контроль за этим действием—характерное общественное отношение к своему действию: как бы со стороны других людей и с помощью ими данного критерия»³⁵. Данное положение полностью относится к генезису языкового мышления и речевой деятельности.

По мнению специалистов в области семиотики, у истоков членораздельной речи лежал звуковой безмонемный и безморфемный язык, «высказывания» которого состояли всего из одного звука и не содержали ни значащих (монем), ни смысловых различимых (фонем) единиц. Первым гласным звуком, судя по всему, был звук *a*, который проще всего было произносить в сочетании с так называемыми взрывными согласными—*m, n, p, b, t, d, k, g*. Палеолингвисты приходят к выводу, что в первичном языке было максимум 9 значащих единиц, а потому он содержал не более 9 высказываний, с его помощью нельзя было различать более 9 ситуаций. Первые членораздельные звуки (*ба, ма, на, да, па, та* и др.) имели комплексный смысл, как возгласы детей, обозначая характеристику ситуации в целом с помощью высказываний типа междометий (*да, на, ну, но, ура* и т. п.)³⁶.

А. П. Поцелуевский, исследовавший с целью реконструкции древнейшей звуковой речи обращения людей к домашним животным (в основном на материалах туркменского языка), сформулировал концепцию слова-монолита как исходной формы членораздельной речи. «Употребление предками человека нерасчлененных слов-монолитов,—отмечает он,—не было связано с необходимостью сообщения тех или иных умозаключений или суждений. Слово-монолит являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего, и само высказывание слова-монолита диктовалось лишь конкретными потребностями текущего момента. Поэтому во внутреннем содержании слов-монолитов нельзя вскрыть никаких элементов логического суждения. Номинально-номинативная функция слова-монолита явилась позднейшей надстройкой над его первоначальной вербально-императивной функцией. Слова-монолиты стали употребляться для обозначения отдельных элементов действительности... Из знаков воли они превратились в знаки представлений, в знаки предметов мысли»³⁷. Если отбросить тенденции последующего развития, своего рода «мост» к современ-

==127

ной речи, можно, хотя и смутно, представить себе первичную ступень глоттогенеза.

Словом, изложенные выше гипотезы проливают свет на то, какой была первоначально человеческая речь, еще близкая по звучанию к акустическим сигналам высших животных и лепету грудных младенцев, и в то же время содержащая в себе потенцию стать принципиально новым типом общения и отражения окружающей среды.

Не менее, если не более сложными представляются попытки мысленной реконструкции «среднего», промежуточного между «языком» животных и речью человека звена. Будучи еще чрезвычайно неустойчивым, оно, вероятно, довольно часто вытеснялось такими формами общения, которые более надежно и эффективно обеспечивали жизнедеятельность переходных существ и перволюдей. Эта ступень невозстановима в эксперименте. Лишь какие-то ее следы и реликты могут быть с трудом и риском распознаны на самых нижних «этажах» традиционных семантических, синтаксических и фонетических языковых структур.

В своеобразной художественной форме о трудностях восприятия, а тем более глубокого научного анализа рубежа между «последним» животным криком и «первым» человеческим словом, рассказал в романе «Люди или животные?» французский художник и писатель Ж. Брюллер [^](литературный псевдоним—Веркор). Герои романа, столкнувшись в джунглях Новой Гвинеи с загадочными существами, напоминающими одновременно человекообразную обезьяну и раннего человека, которым они дали название «тропи», размышляют о характере акустической сигнализации и звукового общения последних.

«.. Дилиген негромко крикнул два раза — и скалы тотчас же погрузились в странное молчание. Он опять крикнул — и сотни тропи одновременно выглянули из своих жилищ. Снова и снова прозвучал его крик—и тропи насторожились, словно в ожидании чего-то, а потом с лопотанием скрылись в пещерах.

— Что вы им сказали? — воскликнул Крепе.

— Ничего особенного, — ответил Дилиген. — Сначала я крикнул так, как обычно они кричат, предупреждая об опасности, потом попытался повторить их крики удивления и, наконец, решил окончательно поразить их воображение: известил их криком о приближении стаи перелетных птиц. Во всяком случае я был в этом убежден, и я

==128

надеялся, что они хотя бы поднимут головы. Но или я плохо их понял, или неправильно воспроизвел этот звук.

— Как бы то ни было,—отозвался Дуглас,—профессор Крепе прав: эти крики нельзя назвать речью.

— А собственно говоря, что вы называете речью? — спросил отец Дилиген.—Если вы удостоиваете этого наименования грамматику, то многие первобытные племена, с вашей точки зрения, вообще не умеют говорить. Ведды Цейлона располагают всего лишь одной-двумя сотнями слов, которые они выкладывают при разговоре одно за другим. Когда различные сочетания членораздельных звуков обозначают предметы или выражают ощущения и чувства, по-моему, их можно уже считать речью.

— Но тогда, по-вашему, птицы тоже говорят?

— Да, если угодно, но их песни слишком бедны модуляциями, чтобы считаться речью.

— А разве крики тропи достаточно разнообразны? В общем мы попали в знаменитую историю с грудой камней, — вздохнул Дуг. — Сколько требуется слов или членораздельных звуков, чтобы речь можно было назвать речью?

— В этом-то вся загвоздка!—ответил отец Дилиген» ³⁸.

Гипотетическая пограничная ступень между «языком» животных и речью человека до сих пор не получила в научной литературе общепринятого названия, хотя признаки, которыми наделяют ее различные авторы, в общем совпадают. А. Г. Спиркин использует для ее характеристики понятие «стадной речи», В. Ф. Генинг пишет о «стадных языках», А. А. Ветров—о языке типа II, о монемной стадии развития языка, сменившей фонемную (язык типа I)³⁹. Многие ученые подчеркивают, что количество акустически воспринимаемых и воспроизводимых звуков примерно одинаково у современных людей и у ближайших зоологических предков. Акустические элементы речи развивались в направлении не увеличения числа звуков, а их все более отчетливой дифференциации, чистоты произношения, комбинации, а главное — связи с образами ситуаций, действий, предметов.

Предлагая называть промежуточный этап артикулярно-слуховой сигнализации, содержащей в себе и рефлекторно-инстинктивные выкрики, и нечто напоминающее своим воздействием начальные слова-монолиты (тина междометий—повелительных *глаголэв*), *лилиями* (лепе-

==129

том), В. В. Бунак поясняет, что «на переходной стадии становится возможным произнесение нескольких связанных звуков, образующих неразрывный комплекс. Овладение способностью частично видоизменять этот комплекс, заменять один речевой звук другим, присоединять новые звуки означает переход от ланий к стадии начальных слов»⁴⁰.

Данная ступень характеризовалась наличием, с одной стороны, черт (реликтов) акустического взаимодействия приматов, с другой — контуров дискретно-связной, осмысленной человеческой речи. Скажем, речь неандертальцев ученые расценивают как еще нечленораздельную в том смысле, что целостные звуковые комплексы представляли собой одновременно слово и предложение. По-видимому, неандерталец, считает А. А. Леонтьев, «уже имел голосовой мускул, но его функции были ограничены; закругление краев голосовых связок еще не завершилось; проход между гортанью и полостью рта был узок; нёбная занавеска отстояла дальше от задней стенки гортани, чем у современного человека. Все это означает, что произношение любого звука вызывало гласный звук, что вместе с речевым звуком неандерталец производил массу негармоничных, высоких звуков— визгов, хрипов, писков и т. д.»⁴¹. Скорее всего развитие шло таким образом: однослоговые высказывания удваивались, а затем различные слоги комбинировались, своеобразно нанизывая новые звуковые сочетания на уже устоявшиеся (корневые). По мнению специалистов, это не столь трудное дело, ибо для него не требовалось перестройки голосового аппарата. Так рождались элементы синтаксиса, уточнялся семантический смысл звуковых сочетаний и т. д.

Ф. Энгельс ввел в науку понятие членораздельной речи, свойственной лишь человеку (для обезьян и других животных характерно нечленораздельное звукоиспускание). Относительно данного понятия П. К. Кузнецов пишет: «Членораздельность в применении к речи пред" полагает возможность расчленения высказывания на некоторые элементы, основанную на том, что вычлененные из некоторого высказывания элементы могут сочетаться с некоторыми другими элементами, вычлененными из другого или того же самого высказывания, причем такая комбинация следующих друг другу во времени элементов может образовывать новое высказывание. В этом

==130

коренное отличие любой человеческой речи от издаваемых животными криков. Животный крик на элементы неразложим»⁴². Членораздельность—признак уже сложившейся, «готовой» речи, она есть не предпосылки, а результат длительного и весьма сложного процесс становления последней.

Развитие облавной охоты на крупных зверей с помощью загона и ловушек, изобретение копьёметалки, лука со стрелами и других орудий объективно обуславливало обогащение представлений об окружающем мире, требовало все более емких и адекватных средств их закрепления в «проясняющемся» сознании. Реализация данной потребности осуществлялась путем перерастания фонемного (но безморфемного) языка типа II, насчитывающего, по данным А. А. Ветрова, всего два или три десятка звуковых единиц, означавших ситуацию в целом, в язык типа III с морфемно-фонемной структурой, в принципе аналогичной по своему строению современному языку⁴³.

Формирование связной речи происходило в период трансформации первобытных стад в родовые общины, а «стадных языков»—в родовые языки нового типа. На стыке различных родо-племенных и этнических групп складывались диалекты, наречия, общие слова и принципы грамматического строя языка. Рождался своеобразный феномен, который В.Ф. Генинг назвал *этлинг*⁴⁴ — этнолингвистической непрерывностью. Там, где естественно-географические преграды и социально-экономические противоречия надолго разъединяли соседние этноплеменные группы, пролегли рубежи основных языковых семей, сложившихся позднее.

Характерно, что строй языка долго хранит в себе элементы истории создавшего его народа. Например, термины, родившиеся для обозначения плетения растений и обработки шкур животных, встречаются в профессиональном лексиконе представителей текстильного производства и даже в обозначении более общих, жизненно важных явлений и процессов. В одном языке может быть детально разработана классификация растений (например, сто слов для различных сортов бананов), в другом — животных (языки малых народов Сибири и Дальнего Востока), но почти нет обобщенных и абстрактных понятий, передаваемых сложными метафорическими формулами.

==131

Однако абсолютизация этого момента неизбежно приводит к утверждению, что исторически сложившаяся структура языка, его лексика и синтаксис определяют характер восприятия внешнего мира, что они детерминируют смысловую сторону речи. Так, Б. Уорф исходит из приоритета лингвистической стороны языка над смысловой или логической, рассматриваемой в качестве вторичной, подсобной. Этим затушевывается то чрезвычайно важное обстоятельство, что язык как орудие трудовой и общественной деятельности, как универсальная форма социального общения не просто «накладывается» на действительность вроде своеобразной понятийной матрицы, а постоянно развивается в процессе преобразования человеком объективного мира. Информационно-логическое содержание языка связывает объективный мир с человеком как субъектом его преобразования, а лексико-синтаксическая сторона языка «обращена» к человеку как субъекту социального общения, предполагает и обуславливает взаимопонимание людей. И хотя для каждого из языков характерна своя специфика видения мира, все-таки все языки отражают один и тот же мир, одни и те же объективные закономерности развития природы и общества. Благодаря этому возможен перевод содержания речи с одного языка на другие и практически безграничное взаимопонимание людей.

Использование звука в качестве средства акустической сигнализации, общения с себе подобными в известной мере сходно в животном мире и человеческом обществе, однако это не дает оснований игнорировать их глубокое качественное различие. Общество коренным образом изменило характер и

роль звукового общения⁴⁵. Звук стал не только сигналом, не просто регулятором, но и знаком, фиксирующим (помимо конкретных предметов и процессов) обобщенные понятия. Слово стало орудием мышления, интеллектуальной деятельности, важным элементом субъективных производительных сил. Язык помог человеку мысленно «оторваться» от конкретной реальности, создать слова, отражающие не только классы предметов и процессов, но и абстракции, обозначающие те свойства и качества, которые непосредственно не воспринимаются, а потому их нельзя «потрогать».

Речь современного человека состоит из нескольких слоев. Существует гипотеза, согласно которой «правополушарная», конкретно-эмоциональная речь древнее

==132

абстрактно-логической, «левополушарной»⁴⁶. Некоторые черты процесса возникновения языка и речи выявлены сейчас с достаточной степенью достоверности. «Раньше,—писал А. А. Леонтьев,—звук был стимулятором. Потом он, кроме того, стал регулятором. А теперь звук стал еще и знаком. Знаковость человеческого языка — его основное, как говорят, «конституирующее» свойство. Одним словом, вместе со знаком возникла вторая сигнальная система. Человек стал реагировать и образовывать условные рефлексы не на звучание, а на значение первобытного «слова». А это, в свою очередь, должно было привести к распадению субъективного тождества «слова» и обозначаемого им действия или предмета и к осознанию человеком своего языка»⁴⁷.

Язык немислим вне общения. Он — важное средство взаимодействия индивидов. Социальная жизнь без языка и речи так же невозможна, как биологическая—без воздуха. К. Маркс писал: «В отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к *своему собственному* языку относится только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека—бессмыслица»⁴⁸.

Отвергая идеалистические постулаты буржуазных психологов и лингвистов о том, что сознание и язык выступают как сугубо индивидуальные, генетически присущие отдельным людям образования, ученые-марксисты убедительно доказали, что язык родился в процессе общественного труда, как коллективное средство социального общения.

Именно этот момент зачастую извращается буржуазными авторами. Так, американский биолог Э. Майр утверждает, что речь, а не труд стала «ключевым изобретением, которое сыграло роль пускового механизма при переходе от гоминид к человеку»⁴⁹. Противопоставление речи и труда встречается и у других буржуазных ученых — лингвистов, социологов, антропологов, историков. Например, канадский социолог М. Маклюэн в книге «Гутенбергова галактика» решающую роль в развитии общественных отношений отводит средствам и механизмам знаково-коммуникативной связи, которые он абсолютизирует и противопоставляет средствам производства. Именно общение, по его мнению, детерминирует развитие материального производства.

Однако уже К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, а совре-

==133

менные научные данные многократно подтвердили мысль о том, что именно труд порождает потребность в речевом общении. Коллективный труд на ранних этапах истории человечества обусловил появление коллективистских начал и в других сферах жизнедеятельности людей: потреблении, общении и т. п. К тому же общение не ограничивается словесно-письменной передачей сведений. В широком плане оно охватывает и многократно опосредуемый обмен деятельностью, объективными предпосылками и результатами материального производства. Только в диалектическом единстве этих компонентов возникновение языка и речи выступает как объективная закономерность процесса антропосоциогенеза.

¹ *Хаксли Дж., Кох Л.* Язык животных. М., 1968, с. 46.

² *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977, с. 64—65.

³ См. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Т. 3, с. 510, 512.

⁴ См. *Марр Н. Я.* Избранные работы, т. I. Л., 1936.

⁵ *Hewes G. W.* Primate Communication and the gestural Origin of Language.—Current Anthropology. Chicago, 1973, vol. 14, N 1—2, p. 5—24.

⁶ *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, с. 37.

⁷ О данных аспектах сознания см.: «Вопросы философии», 1977, № 4, с. 97—98.

⁸ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3, с. 515.

⁹ См. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968, с. 52.

¹⁰ См. *Уайт Э., Браун Дейл М.* Первые люди, с. 101. 106. " См. Америка, № 233, март 1976, с. 11.

¹² См. *Фичукина М.* Шимпанзе пишет символами... — Вокруг света, 1971, № 1, с. 78—79.

¹³ Цит. по: *Бор С.* Обойдя звуковой барьер.—Америка, № 233, март 1976, с. 14.

¹⁴ Цит. по: *Уайт Э., Браун Дейл М.* Первые люди, с. 97.

¹⁵ *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976, с. 112.

¹⁶ Там же, с. 117, 118.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29.

¹⁸ *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 61.

¹⁹ *Маркс К.; Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 710.

²⁰ См. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 127.

²¹ *Маркс К.; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 489.

²² Там же.

²³ См. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.

²⁴ См. Бунак В. В Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. — Ископаемые гоминиды и происхождение человека. ТИЭ, т. 92. М., 1966.

==134

25

См. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1963, с.220.

²⁶ См. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 358— 360 и др.

²⁷ Выготский Л. С. Мышление и речь.—Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 50—51.

²⁸ Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий.—Психологическая наука в СССР, т. I. М., 1959, с. 456.

²⁹ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность, с. 91—92.

³⁰ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 403.

³¹ Там же, с. 408.

³² Там же, с. 445, 446.

³³ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность, с. 19.

³⁴ См. Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий.— Психологическая наука в СССР, т. 1, с.442.

³⁵ Там же, с. 461.

³⁶ Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1963, с. 216-242.

³⁷ Поцелуевский А. П. К вопросу о древнейшем типе звуково-речи. Ашхабад, 1944, с. 48—50.

³⁸ Веркор. Люди или животные? М., 1957, с. 72.

³⁹ См. Спиркин А. Г. Происхождение сознания, с. 96—99; Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 51; Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы, с. 230—237.

⁴⁰ Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980, с. 128.

⁴¹ Леонтьев А. А. Эволюция звука.—Курьер ЮНЕСКО, 1976, № 12, с. 22.

⁴² Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3, с. 614.

⁴³ См. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы, с. 233, 237.

⁴⁴ См. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 51, 54—55.

⁴⁵ Некоторые первобытные племена верили в сверхъестественную силу звука, считая, что жертву поражает не удар копьём, а звук удара. Они также верили в магическую власть слова, заклинания и т. п.

⁴⁶ См. Деглин В. Л. Асимметрия мозга. — Курьер ЮНЕСКО, 1976, № 2, с. 16.

⁴⁷ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка, с. 78—79.

⁴⁸ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 479.

⁴⁹ Майр Э. Человек как биологический вид. — Природа, 1973, № 12, с. 37-38.

1 г ^ •

[==135](#)

[00.htm - glava29](#)

Глава шестая ДИАЛЕКТИКА Антропосоциогенеза

[00.htm - glava30](#)

Проблема скачка

Каково место человечества и процесса его становления в истории Земли, в общем прогрессивном развитии материи на нашей планете? Афористически ярко на этот вопрос ответил известный датский этнограф И. Бьерре: «Если бы мы могли увидеть, словно в волшебный бинокль, всю историю Земли, сжатую и втиснутую в рамки одного года, то получилось бы примерно следующее: в ноябре впервые появляется жизнь — амебы, ящеры, грибы; В середине декабря появляются гигантские животные, а за четверть часа до Нового года, то есть примерно в 23.45 в новогоднюю ночь, на сцену выходит первый человек. **Вся** наша эра занимает только самую последнюю минуту уходящего года. шестьдесят секунд...»'

Каковы временные, хронологические рамки процесса антропосоциогенеза? В работах современных антропологов, археологов, физиологов, психологов, этнографов, историков, которые, как правило, исходят из различных критериев отсчета, «дата» появления человека варьируется в очень широком диапазоне: от 20 млн. до 25—30 тыс. лет назад. Этот период охватывает по существу весь процесс антропосоциогенеза, а указанные сроки фиксируют лишь его границы.

Диалектико-материалистическое понимание перехода предполагает учет его противоречивости, соотношения моментов непрерывности и прерывности, наличия «скачков» в развитии живой материи, ибо, как писал Ф. Энгельс, «при всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом»².

Между тем временем, когда наш ископаемый обезьяноподобный предок «выпрямился» и взял в руки камень, и тем, когда сформировался человек современного типа, лежал громадный исторический период превращения

[==136](#)

первого во второго. Появление человека и общества — не единовременный акт, не прыжок через пропасть, отделяющую животный мир от общества, а длительный и противоречивый процесс. Поэтому абсолютную дату появления *Homo sapiens* установить нельзя. Можно лишь выявить хронологические рамки антропосоциогенеза, его основные ступени и присущие ему закономерности.

Сложность данного процесса и соответствующей гносеологической ситуации в науке обусловили поиски реальных переходных форм, промежуточных типов между обезьяной и человеком. Профессор антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Б. Кэмпбелл пишет о растянувшейся почти на 2 млн. лет пограничной полосе, по одну сторону которой находится человекообразная обезьяна, а по другую—человек³. Археолог В. Е. Ларичев предпочитает говорить о «недостающем звене», оторвавшемся от материнского мира обезьян и взявшем старт своего марафонского (в 2 млн. лет) бега к «человеку разумному»⁴. Но кто же все-таки составлял это «недостающее звено»? Что представляли собой те, кого Л. Лики назвал термином «окололюди» (*Near man*)?

Как известно, Ф. Энгельс писал о существовании в отдаленном прошлом «переходных существ». Этап «отрыва» от животного мира был связан, по его мнению, со становлением «наших обезьяноподобных предков» «общественными животными», а этап завершения антропосоциогенеза—с дальнейшей эволюцией «формировавшихся людей»⁵. В. И. Ленин в книге «Государство и революция» также отметил ряд последовательных этапов процесса становления человека и общества. Характеризуя «самодействующую вооруженную организацию населения» в условиях преодоления раскола общества на враждебные классы, он писал, что она существенно отличается от «примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества»⁶.

Таким образом, процесс перехода от биологического к социальному, к возникновению человека и общества представляет собой ряд переходных ступеней. Высказанная классиками марксизма-ленинизма мысль о двух этапах этого перехода и о существовании в далеком прошлом гипотетических «переходных существ» сыграла

==137

важную роль в становлении и развитии антропологической науки.

В течение первого периода антропосоциогенеза имел место постепенный отрыв обезьяноподобных предков человека от животного мира, выход за его «пределы». Этот процесс сопровождался формированием психоанатомической структуры «переходных существ» с присущим им специфическим типом орудийной деятельности, первобытного стада в качестве складывающейся формы внутренней самоорганизации, «проясняющихся» представлений как инструмента ориентации в окружающем мире и лалий как средства звуковой внутригрупповой коммуникации. Второй период характеризуется становлением человека, созданием специфически социальной общиннородовой организации жизнедеятельности непосредственных предков человека.

В науке сложились различные точки зрения по вопросу о сущности антропосоциогенеза. Многие ученые полагают, что весь период антропосоциогенеза можно представить в виде двух скачков. Наиболее подробно эту мысль, развернутую в целостную теорию, изложил Ю. И. Семенов, который опирался на теоретические положения классиков марксизма-ленинизма по вопросу о происхождении человека и общества, а также на данные науки о глубоком качественном различии психологической организации и закономерностей межиндивидуальных отношений у людей современного типа и их предшественников (питекантропов и неандертальцев). «Согласно этой теории, — пишет Ю. И. Семенов, — в эволюции человека необходимо выделить два узловых пункта, два переломных момента. Первый и наиболее важный из них—это отмеченный началом изготовления орудий переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми являются питекантропы (и

сходные с ними формы) и неандертальцы. Второй скачок—происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена неандертальца *Homo sapiens*, являющимся подлинным, готовым человеком»⁷. Ученый видит специфику этих скачков в следующем: «Первый скачок означает появление социальных закономерностей, второй—установление их полного и безраздельного господства в жизни людей. Коллектив питекантропов и неандертальцев — первобытное человеческое стадо, уже не являющееся чисто биологическим объединением,

==138

—в то же время не представлял собой и подлинно человеческого общества, в нем все еще действовали силы естественного отбора. Подлинно человеческое общество сложилось, причем в форме родового, лишь с появлением человека современного типа, неантропа. Нетрудно понять, что оба рассмотренных скачка представляют собой не что иное, как начальный и конечный моменты того грандиозного скачка, каким является вся эпоха становления человека и общества в целом, — скачка от биологического к социальному»⁸.

Диалектико-материалистический анализ научных данных о процессе антропосоциогенеза с точки зрения соотношения биологического и социального в нем в целом позволяет сделать вывод о наличии двух основных периодов антропосоциогенеза, но с различными вариантами поэтапного членения всего процесса в зависимости от конкретного понимания смысла указанного соотношения. Так, А. П. Портнягин считает, что важнейшими проявлениями противоречия между биологическим и социальным у «грядущих людей» были: а) противоречия морфофизиологической эволюции, заключавшиеся во все возрастающей сложности и лабильности орудийной деятельности предгоминид и консервативности их биологической природы; б) противоречия между биологическими механизмами поведения, обеспечивавшимися генетической наследственностью и условно-рефлекторной психикой, с одной стороны, и функциональной преемственностью, накоплением коллективного социального опыта становящегося человеческого коллектива—с другой; в) противоречия общения, выражавшие противоположность усложнившихся внутригрупповых отношений и узость информационно-коммуникативных связей стада предгоминид, основанных на сигнальном взаимодействии»⁹.

В. И. Плотников делит процесс антропосоциогенеза на три стадии соответственно трем этапам генезиса труда, выделяя их по принципу становления основных моментов человеческой жизнедеятельности. На первой стадии, полагает он, связь трудовых процессов с природными еще не разорвана во времени и пространстве, не опосредована искусственными орудиями труда. Это стадия, когда, по словам Маркса, «человек, является непосредственно *природным существом*», и, как таковое, «только потому творит или полагает предметы, что оно само полагается

==139

предметами и что оно с самого начала есть *природа*»¹⁰.

Для второй стадии характерна, по мнению В. И. Плотникова, «родовая форма направленности всякой человеческой жизнедеятельности на обязательное опосредование, условием результативности которого является групповой эффект. Некоторый природный предмет оказывается не просто средством к жизни, а именно таким, которое надо воспроизвести сообща и тем самым обеспечить самообновление рода». Следующий этап изменения направленности труда «начинается с рефлексии над основными условиями

эффективности совместного труда, а заканчивается созданием идеальной формы воспроизводства этой эффективности», созданием «орудия-образца или универсального эталона орудийной деятельности, через который открывается возможность взаимопревращения родового и индивидуального»¹². При этом, отмечает автор, «две рассмотренные ступени генезиса человеческой деятельности даже в снятом виде выступают лишь как начало и основание труда, его исходная предпосылка и субстрат. Реальное приращение принципиально нового в самой форме самодвижения происходит на третьей ступени»¹³.

Ю. И. Ефимов, подчеркивая закономерный характер формирования нового типа взаимосвязей становящегося человека и природы как отрицания предшествующего типа—биологически-адаптивного приспособления к среде, также выделяет три основные стадии антропосоциогенеза: предсоциальной «орудийной адаптации», составлявшей, по его мнению, необходимый элемент образа жизни австралопитековых; первично-человеческой трудовой адаптации (перехода к систематическому изготовлению элементарных орудий труда и спорадическому применению их в локальных масштабах), обнаружившей возможности саморазвертывания и саморазвития, и, наконец, стадию формирования «готовой» человеческой трудовой деятельности¹⁴.

Как видно, в деталях приведенные схемы членения процесса антропосоциогенеза отличаются друг от друга, тем не менее в их основе лежит гипотеза о наличии двух скачков или трех этапов в этом процессе.

По вопросу о поэтапном делении процесса антропосоциогенеза до сих пор ведутся бурные научные дискуссии, вспыхивающие с новой силой всякий раз, когда кропотливые

[00.htm - glava31](#)

Ускользящая грань

==140

энергичные исследования археологов и антропологов приводят к открытию неизвестных ранее фактов и закономерностей.

Ряд ученых отвергает идею двух скачков. Некоторые утверждают, что методологически неправомерно разрывать целостность, единство процесса антропосоциогенеза, что исторически и логически мыслим только один перерыв его постепенности. Они считают, что либо «второй скачок» был эволюционным продолжением, «развертыванием» первого (единственного!) скачка, либо, напротив, то, что называют «первым скачком», являлось эволюционной подготовкой «второго», подлинного скачка.

С критикой теории двух скачков выступил археолог Д. А. Крайнев. Он аргументировал свою точку зрения тем, что различные этапы процесса антропосоциогенеза связаны единой линией преемственности без резких граней и «перепадов». Он писал: «Открытиями последних лет в области нижнего, среднего и верхнего палеолита доказано, что резкого перерыва между мустьерской культурой и ранними культурами верхнего палеолита не было. Не было перерыва и в развитии от палеоантропов к неантропам. В раскопках ряда стоянок обнаружены переходные формы палеоантропов с сапиентными чертами, близкими к неантропам»¹⁵. Таким образом, по мнению Д. А. Крайнева, был один скачок—акт возникновения человека, а затем с первобытной коммунистической формации началась история развития человеческого общества¹⁶. Д. В. Гурьев, сопоставив неандертальцев с людьми современного типа, пришел к заключению, что «между концом процесса становления, в котором еще действуют

биологические законы развития, и началом ставшего общества, которое подчиняется только собственным законам, должно существовать качественное различие.

;; Весь вопрос заключается лишь в оценке последнего»¹⁷. Он считает, что это различие нельзя называть скачком, который означает, как правило, возникновение нового явления (или новой стадии в его развитии). Таким скачком, полагает автор, был весь переходный период. Переход от первобытного стада к производству целесообразнее, утверждает он, обозначить как завершение этого длительного и сложного скачка. По его мнению, многочисленные факты убедительно показывают, что сущность рассматриваемого перехода заклю-

==141

чалась отнюдь не в проявлении принципиально новых черт, а в дальнейшем усовершенствовании свойств, уже существовавших в первобытном стаде, а также в появлении новых свойств социального порядка¹⁸. В одной из более поздних работ Д. В. Гурьев сформулировал данный вывод в более категоричной форме, утверждая, что «переход от первобытного стада к первобытному обществу нельзя... трактовать как самостоятельный («второй») скачок: здесь нет возникновения чего-то принципиально нового, а есть лишь завершение формообразования социального и прекращение самостоятельного видообразующего действия биологических законов»¹⁹

Изложив мнение о существовании в процессе антропосоциогенеза одного скачка, Д. В. Гурьев для характеристики становления первобытной кооперации вводит понятие подскачков. «Процесс становления кооперации, — пишет он, — представляет собой единый, очень длительный и сложный скачок от животного состояния к социальному, скачок, который состоял из подскачков особого типа. Первый из них знаменовал собой начало процесса становления производства. Специфика его состояла в том, что он означал появление не просто нового явления (что характеризует обычный скачок), а лишь возникновение его зачатков (в нашем случае зачатков кооперации)». В самом процессе становления кооперации, подчеркивает ученый, подскачки выражали «стадии конкретизации ее зачатков, но не стадии ее развития как ставшего, готового явления. Наконец, завершающий подскачок представлял собой противоречивое единство окончательного формирования кооперации и прекращения самостоятельного действия биологических факторов развития. Последнее обстоятельство, по всей вероятности, и создало возможность резкого усиления кооперации, появления новых социальных свойств, наблюдаемых уже в самом начале верхнего палеолита (захоронения, искусство и пр.)»²⁰. Как видим, представляя антропосоциогенез в качестве одного скачка-процесса, Д. В. Гурьев тем не менее считает возможным выделить в этом процессе своеобразные подскачки соответственно этапам становления кооперации, т. е. формирования коллективистских начал в жизни наших далеких предков..

В концепции антропосоциогенеза, разработанной Б. Ф. Поршневым, в качестве промежуточного звена

==142

между ископаемыми антропоидами третичного перце и людьми современного физического типа фпгурп;" стадо троглодитов («не обезьян», но и «не людс.:.» в котором «аккумулируются известные бпологпческ предпосылки очеловечивания, но здесь еще нет очеловечивания»²¹. Этап предчеловечнвания включает в себя громадные пласты эволюции, начиная от австралопитеков и кончая формировавшимися людьми (кроме поздних неандертальцев). И лишь генетический «взрыв», связанный со стремительным (относительно темпов предшествующей эволюции) появлением кроманьонцев и сменой ими (вытеснением и, возможно, уничтожением) поздних неандертальцев, знаменует собой становление «готового» человека и «готового» общества. Именно последний процесс, согласно Б. Ф. Поршневу, и был собственно скачком на длительном и драматическом пути антропосоциогенеза. Таким образом, по мнению ученого, существовал лишь один скачок— превращение неандертальца в кроманьонца и первобытного стада троглодитов в родовую общину первобытных людей, а вся теряющаяся в глубине веков предыстория данного процесса была не более чем эволюционным предскачком, этапом накопления необходимых для подлинного скачка количественных изменений.

Антрополог Я. Я. Рогинский, с трудами которого связано зарождение рассматриваемой дискуссии, в последние годы выступает за признание одного «скачка» как процесса, который включает весь плейстоцен и в котором можно отметить два поворотных пункта. Отмечая определенную близость такого подхода к концепции двух скачков, Я. Я. Рогинский видит его преимущество в том, что он опирается на генетическую целостность, общую основу, логическую взаимодополняемость обоих скачковповоротов. Это в свою очередь позволяет отвергнуть претензии на поиски третьего, четвертого и т. д. скачков в антропосоциогенезе в духе «дурной бесконечности». «Именно при таком истолковании перерыва в постепенности развития гоминид делается очевидной необходимостью, с которой второй поворот должен последовать за первым, являясь его неизбежным следствием»²²,—резюмирует Я. Я. Рогинский.

Большой интерес представляют уточнения, которые внесли в понимание антропосоциогенеза, и в частности в концепцию двух скачков, Ю. В. Бромлей и А. И. Пер-

==143

щиц. Они считают, что время завершения первого скачка благодаря открытиям Л. Лики существенно отодвинулось в глубь тысячелетий и что его «продуктом» отныне следует считать не питекантропа, а презинджантропа (*Homo habilis*). Кроме того, ученые подчеркивают, что «наличие переходных, промежуточных форм в процессе развития, в данном случае наличие сапиентных черт у палеоантропов и зачатков позднепалеолитической культуры в ашеле и мустье, не является аргументом против скачкообразности перехода к новому качеству, так как понятие скачка не связано с какими-либо формами или темпами перехода. Поэтому... новые антропологические и археологические данные свидетельствуют не против концепции двух скачков, а против их упрощенного понимания как кратковременных взрывоподобных явлений»²³.

Расширение хронологических рамок процесса антро-

посоциогенеза еще более актуализировало проблему мысленной реконструкции не только общих контуров, но и масштаба, динамизма самой переходной эпохи, акцентировало внимание на промежуточной ступени. Получила толчок к развитию гипотеза первобытного стада, а с нею и периодизация антропосоциогенеза. «Концепция первобытного человеческого стада как особого социобиологического этапа первобытной истории, — пишут Ю. В. Бромлей и А. И. Першиц,— понимается, не означает отрицания исторической эволюции самого стада. Прогрессивное развитие орудий труда, изменение физической организации человека, наконец, то обстоятельство, что позднепалеолитическое общество не могло возникнуть сразу, в готовом виде,—все это свидетельствует,

что первобытное человеческое стадо не было единообразной, неизменной формой. Поэтому, по-видимому, можно различать ранние коллективы архантропов и поздние коллективы неандертальцев. Рубеж между ними... может быть выделен как еще один скачок в процессе становления человека и человеческого общества, но скачок, по своему значению существенно уступающий двум выделенным раньше»²⁴.

«Границей» между процессом «разобезьянивания» обезьяны и становлением собственно социальности как качественно новой, высшей ступени развития материального мира являлась эпоха первобытного стада. Если эпицентром первого этапа были морфологические изменения

==144

антропоидов, опережающие развитие коммуникативных связей между ними, то на втором этапе, наоборот, преобладают изменения структур, обеспечивающих общение и взаимодействие.

Ю. В. Бромлей выдвинул тезис о том, что в неандертальскую эпоху поворотный момент в социогенезе опережает поворот в антропогенезе²⁵. Конечно, совершенно очевидно, что социогенез отнюдь не был фатальным «логическим» завершением или своего рода «призом» за муки антропогенеза. Будучи диалектически взаимосвязанными, процессы возникновения человека и общества предполагали, взаимообуславливали, дополняли и в то же время исключали друг друга. Социогенез (особенно на заключительных этапах развития) мог не только опережать, но и «подгонять», выводить из эволюционных тупиков, «подталкивать» завершение антропогенеза. Это проявлялось, например, в усиленном развитии лобных долей коры головного мозга, регулирующих поведение индивида в зависимости не только от внешней, природной, но и от складывающейся вместе с формированием человека социальной среды.

Во всяком случае для каждой из указанных тенденций единого процесса антропосоциогенеза характерен принципиально различный «удельный вес» генетических и этологических, морфологических и культурных изменений. Как отмечает Я. Я. Рогинский, «до появления *Homo sapiens* относительно небольшие прогрессивные изменения в культуре сопровождались чрезвычайно значительными переменами морфологической структуры ее создателей. После появления *Homo sapiens*'a противоположная картина: бурный, гигантский по своим масштабам культурный прогресс при относительной устойчивости строения организма самих людей»²⁶.

Серьезные разногласия ученых по поводу интерпретации антропосоциогенеза как одного скачка или двух свидетельствуют о том, что методологический аспект анализа противоречивой целостности процессов антропогенеза и социогенеза еще недостаточно разработан. Нередко, рассуждая по существу об одном и том же, одни авторы употребляют термин «антропогенез»²⁷, другие—«генезис человека»²⁸, третьи—«социогенез»²⁹. Причем употребление данных терминов фактически как синонимов³⁰ обычно никак не оговаривается и ничем не аргументируется. Едва ли проясняет дело по существу

И. Л. Андреев

==145

произвольная перестановка основных компонентов процесса возникновения человека и общества и связанное с этим «переворачивание» принятого в науке термина «антропосоциогенез» на «социоантропогенез»³¹. Мало помогает решению рассматриваемой проблемы и искусственный разрыв

антропогенеза и социогенеза, отражающий, видимо, недостаточно четкое понимание диалектического характера взаимосвязи этих главных составляющих единого процесса антропосоциогенеза. Последний прием в форме различения биогенного и социогенного этапов эволюции используется, в частности, А. К. Астафьевым, который пишет: «Биогенный период охватывает время формирования биологического вида *Homo sapiens* (3,0— 3,2 млн. лет), а социогенный период—главным образом время образования общества (около 50 тыс. лет). Социогенный период связан с коренным преобразованием поведения человека, в результате чего оно (поведение) приобрело ярко выраженный общественный характер»³².

Таким образом, некоторые исследователи либо вовсе не дифференцируют процессы антропогенеза и социогенеза, либо отождествляют второй с первым, либо склонны разделять их чересчур жестко, невольно воскрешая идею Ж-Ж. Руссо о том, что «сначала» возник человек, а уж «потом» общество, и рассматривая данные процессы как неравнозначные, неравноценные для всемирной истории. Иначе говоря, мнения о структуре процесса антропосоциогенеза расходятся весьма значительно.

Существует еще одна гипотеза «скачков», принадлежащая советскому археологу П. И. Борисковскому. Он пишет, например: «Переход от первобытного стада к следующему этапу развития первобытнообщинного строя, к родовой общине... совпадает с трансформацией неандертальца в человека современного физического типа, в *Homo sapiens*. Этот переход тоже следует квалифицировать как перерыв постепенности, как скачок». И далее автор раскрывает суть этого скачка. «В результате исключительно длительного предшествующего развития,—отмечает он,—биологическая адаптация окончательно отошла в прошлое и наконец сформировался современный физический тип человека, строение которого остается в основном неизменным вплоть до наших дней. Но этот скачок разделял между собой два этапа развития одной и той же общественно-экономической формации— первобытнообщинного строя, и поэтому его

==146

нельзя сопоставлять с имевшим несравненно более крупное историческое значение скачком от животного к человеку, знаменовавшим появление человеческого общества. Речь идет, разумеется, не о мгновенном переходе, а о скачке в философском значении этого слова. Предпосылки для него постепенно вызревали в предшествующую эпоху»³³. Правда, автор отмечает, что многие сапиентные и даже социальные моменты появляются в истории первоначально как случайные, намного раньше зарождения и тем более складывания тех систем, необходимым компонентом которых они со временем становятся. Скажем, у павианов зафиксированы охота на мартышек, а также эпизодическое употребление мясной пищи, у неандертальцев предполагается наличие магических обрядов, некоторых навыков загонной охоты и т. п., что не означает, разумеется, ни «разобезьяннения» павианов, ни отождествления неандертальцев с «готовыми» людьми первобытного общества. Таким образом, П. И. Борисковский стремится отойти от первоначального преувеличения роли первого скачка.

Как видим, в приведенном отрывке «начало» общества идентифицировано с эпохой складывания первобытного стада. Но в таком случае выходит, что «переходные существа», о которых писал Ф. Энгельс, были людьми. Ведь Ф. Энгельс имел в виду именно формирующихся людей как представителей следующей ступени антропосоциогенеза, отнюдь не считая их «готовыми» людьми. Кроме того, возможна ли первобытнообщинная общественно-экономическая формация без... общины? И наконец, почему первый скачок несравненно важнее второго? Подобное эквивалентное истолкование первичного этапа развития как не только базового по отношению к последующим стадиям, но и определяющего представляется неправомерным. Ведь дальнейшее развитие отнюдь не представляло собой однозначного, фатального, форсированного «развертывания» процесса «разобезьяннения» обезьяны, напротив, в целом ряде случаев оно было его диалектическим отрицанием, и да/к? «возвратом» на исходные позиции эволюции.

Вопрос о том, какой из скачков (можно называть их этапами, ступенями и т. п.—это существа дела не мнгает) важнее, в методологическом плане представляете:) некорректным. Верно, что первый скачок открывал путь дальнейшему развитию. Однако эта возможность авто-

•
==147

магически не превращалась в действительность. Без второго скачка эволюция не «удержала» бы результатов первого. «Процесс перехода от животного к человеку, — подчеркивал Б. Ф. Поршнев, — разделяется на два последовательных процесса: первый—возникновение в нейрофизиологии предков людей механизма, прямо противоположного нейрофизиологической функции животных, второй—снова переход в свою противоположность, т. е. как бы возвращение к началу, но в то же время еще большее удаление от него... Переход от животного к человеку нельзя мыслить как борьбу двух начал. Должно мыслить еще это А (гипотетическое «самое» начало человеческой истории.—Я. А.), отсутствующее как у животного, так и у человека: отрицание зоологического, все более в свою очередь отрицаемое человеком». Но главное, подчеркивает автор, «увидеть в картине начала истории не только то, что тут обще с животным или человеком, а то, что противоположно и тому и другому, что обособляет ее от жизни и животного и человека. Человек же рождается в обособлении преимущественно от этого посредствующего, а вовсе не от «обезьяньего». Такое обособление почти не брезжит у истоков истории, но оно наполняет ее долгую первую часть, в известном смысле тянется сквозь всю историю. Однако начинается история именно с той бесконечно малой величины человеческого отрицания, которая затаена в темном массиве этого исходного субстрата»³⁴.

Как свидетельствуют новые данные, открытые наукой, на предшествующих этапах эволюции вызревали тенденции появления предгомидных форм биологической адаптации, но они не могли в тех условиях, как сказал бы Гегель, пробить скорлупу наличного (природного) бытия. Эти тенденции также служат косвенным доказательством того, что в однотипных природных условиях «срабатывали» идентичные генетические и этологические резервы эволюции, хотя результаты оказывались не всегда и не во всем тождественными. Даже передвижение на двух ногах «как проявление особой линии биологической адаптации могло иметь место,—считает Ю. И. Ефимов,—независимо в различных группах высших приматов, что, однако, не ставило их на гоминоидную линию эволюции (проконсул, ореопитек, пандопитек). Приобретение некоторыми видами ископаемых приматов различных гоминоидных черт, в том числе и

==148

таких существенных, как ортоградность, свидетельствует лишь о неоднократности возникновения и немалом числе парагомидных линий в процессе эволюционного развития высших обезьян»³⁵.

Зарождавшееся новое существовало наряду со старыми и переходными формами. Все они служили проявлением неравномерности и разнонаправленности общего развития. Переход на каждую более высокую ступень антропосоциогенеза не был ни повсеместным, ни одновременным. Прогресс тех или иных элементов, а также новые связи, «вспыхивавшие» в отдельных регионах, популяциях, стадах и т. д., охватывали прежде всего важнейшие (в конкретных условиях среды и естественного отбора) стороны их жизнедеятельности.

Завершая по необходимости краткий и, разумеется, весьма фрагментарный обзор некоторых точек зрения относительно структуры процесса антропосоциогенеза, подчеркнем, что методологическое значение диалектико-материалистического понимания скачка как собственно «перерыва» постепенности количественных, эволюционных изменений и одновременно «связующего звена» между тенденциями разложения биологических и складывания социальных систем жизнедеятельности особенно рельефно выступает на фоне чрезвычайно живучих обыденных представлений о процессе непосредственного превращения обезьяны в человека, порой проскальзывающих не только в художественной з⁶, но и в научной литературе.

[00.htm - glava32](#)

Отрицание и становление

Споры относительно структуры процесса возникновения человека и общества подчас имеют своей основой не столько различие подходов и исследовательских точек зрения на те или иные аспекты проблемы антропосоциогенеза, сколько объективную противоречивость самого предмета исследования, особенно вопроса о переходной ступени. Поэтому без выявления систем отсчета, места изучаемого явления в истории развития Земли едва ли можно выйти из порочного круга схоластических споров о количестве качественных скачков в эволюции человека и т. п.

Суть проблемы заключается в том, чтобы представить себе обобщенно-зримо «образ развития»³⁷, чтобы определить «масштаб измерения» антропосоциогенеза. Если речь идет о переходе от биологической формы движения

==149

материи к социальной, то процесс антропосоциогенеза представляется одним скачком, хотя и чрезвычайно растянутым во времени и пространстве и сопоставимым разве что со скачком, знаменовавшим возникновение в недрах неорганической материи органической жизни³⁸. С точки зрения основных типов противоречий процесса возникновения человека и общества правомерно, на наш взгляд, говорить о двух скачках. И наконец, в плане анализа внутренней структуры процесса антропогенеза, предполагающей выделение специфических, существенно отличающихся друг от друга этапов, речь может идти о трех скачках, каждый из которых в свою очередь обладает неоднородной структурой.

Иными словами, хотя природа не делает скачков, и в ее развитии нет абсолютных, разграничительных линий, тем не менее скачки как перерывы постепенности, как форма разрешения наиболее назревших противоречий процесса развития составляют его неотъемлемые моменты. Поэтому без учета дискретного, «скачкообразного» характера процесса развития невозможно понять случайные на первый взгляд зигзаги, попятные шаги, топтания на месте, правильно представить взаимосвязь различных ступеней эволюции жизни на Земле.

Характерно, что В. И. Ленин, размышляя над «Наукой логики» Гегеля, специально остановился на вопросе о диалектическом характере движения от одного качества к другому, на внутренней противоречивости этого процесса. Поэтому обращение к ленинскому философскому наследию помогает преодолеть затруднения и в решении дискуссионных проблем анализа противоречивой сущности процесса антропосоциогенеза.

Следуя гегелевской логике развертывания противоречивого процесса развития, В. И. Ленин отмечал, что движение от одного качества к другому включает в себя уничтожение, разрушение прежнего качества и возникновение, формирование, складывание, становление, генезис нового качества³⁹. Старое постепенно исчезает, уходит в небытие; в то же время нарождается новое, которое «направляется к бытию». Эти тенденции диалектически взаимосвязаны. «Исчезающие моменты» = бытие и небытие. Это—прекрасное определение диалектики!!»⁴⁰—отмечал В. И. Ленин. Отрицание исходного качества есть предпосылка и вместе с тем становление другого качества. Однако взаимопроникновение этих тенденций от-

==150

нюдь не исключает возможности выделения стадий развития с преобладанием той или иной тенденции.

«Путь» от одного качества к другому не совпадает с понятием скачка. Последний представляет собой переломный момент, поворот в развитии⁴¹. Понятие перехода от старого качества к новому шире: оно включает предшествующий скачку период отрицания старого и зарождения нового качества и следующий за ним этап утверждения нового качества и окончательного вытеснения старого.

Обобщая сказанное, правомерно выделить три основные стадии процесса развития. Сначала происходит разрушение старого качества, которое начинается как дифференциация элементов прежней системы и обострение противоречий между традиционными и новыми элементами. Объективно это ведет к ослаблению и крушению старой структуры отношений и связей, длительное время по инерции скреплявшей их. Для данной стадии характерно в целом опережающее изменение элементов исходной системы, снижение ее устойчивости относительно внешних воздействий. Такова суть скачка от старого качества к промежуточному, от исходной системы к переходной. Это как бы подготовка почвы для последующего становления нового качества, для зарождения и формирования иной системы.

На стадии становления нового качества преобладают структурные изменения. Процессы генезиса новых отношений и связей явно доминируют над процессами модификации, «доделки» элементов переходной ступени. Складывается система принципиально нового типа. По мере углубления этого процесса нарастает качественная определенность и внутренняя устойчивость объекта, соответственно снижается степень влияния внешних воздействий на его функционирование. Такова суть скачка от промежуточного качества к новому, от переходной системы к системе более высокого структурного уровня.

Эти стадии-скачки диалектически взаимосвязаны, взаимопроникают и обуславливают друг друга. Вместе с тем многоступенчатость и вариативность форм переходного этапа являются объективной основой выделения последнего как специфической ступени развития. Он выступает как промежуточное качество, как «перелом^ в движении системы»⁴² к новому уровню ее организа-

==151

ции, как своеобразный узел процессов крушения старого и становления нового качества, синтезирующий в себе черты и тенденции исходной и складывающейся систем. На данном этапе

эволюции система обладает максимальной динамичностью, неустойчивостью, пластичностью. Ее противоречивость обнажена, выступает как сосуществование реликтов прежних и зародышей новых элементов и связей. Такова суть переходной стадии как «сгустка противоречий», как перелома, сердцевины процесса смены качества, как специфического участка на «пути» от старого качества к новому, от исходной системы к системе иного, более высокого уровня организации.

• Недаром в литературе используются понятия промежуточного качества и промежуточных ступеней между старым и новым качеством⁴³. Поднимается вопрос и о структуре самого скачка посредством вычленения его сердцевины. «Центральным звеном, узловым моментом скачка как целостного качественного изменения, как перерыва постепенности,—считает М. А. Селезнев,— является как раз радикальное изменение структуры»⁴⁴. В целом стремление отразить с помощью понятия стадийную неоднородность перехода от одного качества к другому становится все более настоятельным. В общем плане можно назвать, например, монографию Ю. А. Харина «Диалектика социального отрицания» (Минск, 1972), а относительно антропосоциогенеза сослаться на книгу В. И. Плотникова, который подчеркивает, что «становлению социальных (групповых) связей должен был обязательно предшествовать распад биологических (групповых) связей»⁴⁵.

Дискуссия о двух скачках в процессе антропосоциогенеза вновь показала назревшую необходимость выделения и специального методологического анализа переходной ступени, где собственно происходит «прерыв постепенности» эволюции. Двойное название ее как переходной ступени и промежуточного качества соответствует двум основным аспектам исследования. Для периодизации, стадийной градации процесса смены старого качества новым правомерно и удобно пользоваться понятием переходной ступени, «пограничного» состояния. Но та же ступень может рассматриваться и с точки зрения характера взаимосвязи противоположных тенденций и закономерностей развития объекта. В таком случае она выступает как промежуточное качество и

==152

одновременно как своего рода скачок. Большинство исследователей принимают концепцию двух скачков и соответственно трех основных этапов антропосоциогенеза. Сейчас задача заключается в том, чтобы установить соотношение между различными компонентами данного процесса.

Так, в различных вариациях прогрессивной эволюции к гоминидам и *Homo sapiens* прослеживается своеобразная переходная ступень, характеризующаяся сосуществованием и противоборством взаимоисключающих тенденций развития и соответственно воплощающих эти тенденции популяций и групп. Рассмотрение дальнейшего развития как простого логического продолжения предыдущего, как конкретной реализации заложенных им предпосылок (а именно так рассуждают оппоненты концепции двух скачков) методологически уязвимо, ибо при этом сбрасывается со счета многонаправленность развития, которое однозначно отождествляется с прогрессом. Между тем переходная ступень предполагает и регресс, и эволюционные тупики, и дальнейшее прогрессивное движение.

Постепенно отходя от господствовавшей в прошлом плоско-эволюционистской точки зрения, согласно которой процесс развития представляет собой «выдвижение» все новых этажей, сегодня ученые предлагают иные представления, модели, аналогии. Так, исходя из предположения, что архантропы, палеоантропы и неоантропы существовали одновременно, В. В. Бунак приходит к выводу о более удачном моделировании процесса эволюции с помощью образа куста, а не дерева. «Дифференциация гоминидных групп происходила по схеме не кладогенеза—дерева с отходящими ветвями, а фамногенеза— куста с коротким общим корнем и многими отходящими от основания ветвями»⁴⁶. Б. Кэмпбелл уподобляет генеалогическое древо эволюции человека виноградной лозе, выпускающей много побегов, часть которых засохнет и погибнет, но большинство перевьется между собой и образует сложное сплетение вместо единого плотного ствола.

На роль «недостающего звена» эволюционной цепи может претендовать прежде всего «австралопитек, становящийся человеком»⁴⁷.

В. Е. Ларичев сравнивает общий процесс развития от обезьяны к человеку с бегом толпы, из которой ие-

==153

многие доберутся до финиша. «Если говорить о существенной особенности ситуации, которая сложилась сейчас в теории антропогенеза,—пишет он,—то она склоняет к идее не прямолинейного и однозначного, но сложного и многопланового процесса становления людей, что уже само по себе неизбежно порождает ожесточение дискуссии. Речь идет не только о потрясающем удревлении возраста обезьянообразного предка, к чему пока трудно привыкнуть, о неравномерности эволюции на ранних стадиях антропогенеза, но также о поисках приемлемого решения проблемы сосуществования особей конкурирующих ответвлений родословного древа человека. Герои-предки более не выстраиваются в строгую линейку, сменяя друг друга в отсчете тысячелетий. К финишу, черте, за которой открывается мир относительно совершенного разума и труда, они устремляются теперь, не вытянувшись в цепочку согласно субординации, а нестройной толпой, обгоняя друг друга и выталкивая с дорожки замешкавшихся и нерасторопных. Судьи, археологи и антропологи, оценивая достоинства конкурентов, теряются в догадках, кто окажется победителем. . .»⁴⁸

Действительно, адекватное понимание логики «прорыва» эволюции к высшей, социальной форме организации немислимо без анализа всего многообразия переходных форм. Ю. В. Бромлей и А. И. Першиц пишут, что, «видимо, следует говорить не о повсеместном возникновении родового строя в мустьерскую эпоху, а о его зарожении в отдельных коллективах, дальше других продвинувшихся в совершенствовании производства и культуры»⁴⁹.

Отвергая вульгаризаторские трактовки антропосоциогенеза, Б. М. Медников подчеркивал, что «стадии австралопитеков, архантропов, палеоантропов не сменяли друг друга, подобно тому как дети одного года рождения сменяют ясли на детсад и школу на вуз. Они продолжительное время могли существовать совместно, и сосуществование порой не было мирным. Одна «стадия», более прогрессивная, или поглощала, растворяла в себе предыдущую, или же вытесняла ее в бесплодные местности, обрекая на вымирание, или же попросту истребляла физически. Одновременно жили разные человекоподобные; нужно помнить, что в природе нет «стадий» (их устанавливаем мы сами), а лишь более

==154

или менее подвинутые филогенетические линии. Фактов, подтверждающих эту точку зрения, накопилось более чем достаточно... В целом это никак не напоминает стадиальную теорию, согласно которой человек современного типа не мог увидеть неандертальца, так же как мы не можем увидеть живого прапрадедушку»⁵⁰.

Итак, структура процесса антропосоциогенеза была, объективно неоднородной, гетерогенной, а потому рассмотрение его специфических этапов, закономерных стадий представляет значительный интерес не только в конкретно-научном, но и общеметодологическом плане.

¹ *Бьерре П.* Затерянный мир Калахари. М., 1963, с. 21. ² *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 66. ⁸ См. *Иди М.* Недостоящее звено, с. 142.

⁴ *Ларичев В. Е.* *Сав* Эдема, с. 396.

⁵ См. *Маркс К: Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 487—489; т. 19, с. 376—377; т. 42, с. 122.

⁶ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 33, с. 10.

⁷ *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966, с. 22.

⁸ Там же.

⁹ *Портнягин А. П.* Элементы логической структуры детерминации антропосоциогенеза. — Философские вопросы социального познания. Саратов, 1980, с. 98.

¹⁰ *Маркс К.. Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 162.

¹¹ *Плотников В. И.* Генезис труда, практики, творчества в структуре человеческой деятельности. — Ленинская теория отражения. Творческий характер практики. Свердловск, 1979, с. 21—23.

¹² Там же, с. 23.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981, с. 157—160.

¹⁵ *Крайнев Д. А.* Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма М., 1970 с. 92—93.

¹⁶ См. там же, с. 93.

¹⁷ *Гурьев Д. В.* Становление общественного производства. М, 1973, с. 254—255.

¹⁸ См. там же, с. 255.

¹⁹ *Гурьев Д. В.* К вопросу о становлении первобытного производства. — Философские науки, 1976, № 4, с. 52.

²⁰ *Гурьев Д. В.* Становление общественного производства, с. 256—257.

²¹ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории, с. 105.

²² *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза М., 1977 с 181—183.

²³ *Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф.* Энгельс и проблемы первобытной истории. — Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 12.

Там же, с. 12—13.

²⁵ См. *Бромлей Ю. В.* Новое в изучении истории первобытного общества.—Вестник Академии наук СССР. 1971, № 9.

²⁶ *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропосоциогенеза, с. 183— 184.

²⁷ *Зубов А. А.* О возможности «выведения» закономерностей антропогенеза из системы характерных особенностей эволюции живого мира. — Проблема человека в диалектическом материализме. Пермь, 1979, с. 117» и др.

²⁸ См. Труд и трудовые отношения. Ярославль, 1976, с. 33.

²⁹ См. *Миклин А. М., Подольский В. А.* Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980, с. 62.

³⁰ См. Принципы историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 225, 226.

³¹ *Сагатовский В. Н.* Деятельность как философская категория.—Философские науки, 1978, № 2, с. 51.

³² *Астафьев А. К.* О роли эволюционных и социально-исторических факторов в происхождении человека. — Человек и природа. М., 1980, с. 34.

³³ *Борисковский П. П.* Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. — Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 75.

³⁴ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории, с. 53—54, 59— 60.

³⁵ *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы антропосоциогенеза, с. 86.

³⁶ Психологический шок, произведенный некогда вульгарно-прямолинейным восприятием дарвинизма, прекрасно в комедийной форме выразил Бронислав Нушич. Герой его рассказа «Жертва науки» мелкий чиновник канцелярии уездного начальника в королевской Сербии г-н Пайя, «узнав о происхождении человека, был поражен, смущен и подавлен. Долго не мог уснуть. Лежа под одеялом, ощупывал свою спину, пытаясь отыскать недоразвитый остаток хвоста». Но главные неприятности были впереди. Как только господин Пайя поделился поразившей его новостью с коллегами по канцелярии, сразу встал вопрос: неужели писарь, господин Света, а тем более господин уездный начальник тоже произошли от обезьяны и «если не он, то его отец или дед был обезьяной, а он, значит, все равно обезьяньего происхождения! не так ли?» Попытка отстоять дарвинизм стоила любознательному практиканту места в канцелярии, ибо его генеалогические экскурсы господин уездный начальник осудил самым решительным образом — уволил незадачливого искателя (см. *Нушич Б.* Избранное. М., 1958, с. 87).

³⁷ См. *Карпинская Р. С.* Биологический эволюционизм и диалектика. — Вопросы философии, 1980, № 10, с. 79—80.

³⁸ См. *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека, с. 163.

³⁹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 86—96.

⁴⁰ Там же, с. 245.

⁴¹ См. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 36, с. 204—205.

⁴² Там же, с. 204.

⁴³ См., например: *Коеальчук А. С.* Становление нового качества в развитии общества. М., 1968, с. 159, 133.

⁴⁴ *Селезнев М. А.* Социальная революция, М., 1971, с. 83.

[==156](#)

[==157](#)

[00.htm - glava33](#)

Глава седьмая «РАЗОБЕЗЬЯНИВАНИЕ» обезьяны

[00.htm - glava34](#)

Палеолитическая версия концепции насилия

Высокопарно противопоставляя свой одноименный бестселлер классической книге великого **Ж.-Ж. Руссо** «Общественный договор», американский писатель Р. Ардри пишет: «Основное различие между моим общественным договором и созданным Руссо в том, что он думал о соглашении между падшими ангелами, а я—о соглашении между ^Испрямившимися обезьянами!». Десятая глава «Общественного договора», снабженного Р. Ардри характерным подзаголовком «Частное исследование эволюционных источников порядка и беспорядка», так и называется — «Распрямившаяся обезьяна».

Что это? Неудачная метафора или свидетельство биологизаторского подхода к анализу «границ» между социальным и биологическим, в той или иной мере свойственного подавляющему большинству буржуазных исследователей? Р. Ардри скептически отзывается о попытках объяснить «толчок» к резкому увеличению объема мозга и становлению человека необычайно повысившейся радиацией в результате падения на Землю космического тела. Тем не менее он соглашается с гипотезой С. Райта, согласно которой резкие скачкообразные мутации, определившие ускоренное развитие человека как вида, явились следствием перемещения в условиях плейстоцена разных, ранее изолированных популяций. Последние встречались, сталкивались, и гибридизация вызвала «генетический взрыв»².

Словом, не труд, связанный с изготовлением орудий и целенаправленным преобразованием природы, не собственно общественная «сторона» труда — коллективность, немислимая без речи и других механизмов общения, а лишь «генетический взрыв», сводящийся главным образом к ускоренному развитию мозга, малоуспешные попытки человечества обуздать собственную агрессивность,

[==158](#)

попытки «приручения» невидимого зверя, который живет внутри нас,—такими представляются с точки зрения указанной концепции движущие силы антропогенеза. Поэтому не удивительно, что, говоря о раздирающих буржуазное общество социальных антагонизмах, Р. Ардри ищет причину последних не в антигуманной природе капитализма, а в генетических «дебрях» антропогенеза, в фатальном наследовании человеком агрессивных качеств животного. Прошлое человечества он изображает в духе классического буржуазного индивидуализма, а само человечество как совокупность индивидов-

робинзонов. Он рассуждает о «животности», «чуждоподобности», «античеловечности» толпы, готовой растоптать, раздавить «хрупкого» индивида, пишет «о мерзостях неуправляемых индивидуальных разумов, об общественных рефлексгах, возбуждаемых подкорковыми древними источниками»³.

Таким образом, все беды буржуазного мира — от «обезьяноподобности» современного человека, «распрявившегося» больше внешне, физически, нежели внутренне, интеллектуально и эмоционально. Потому, утверждает Ардри, джунгли сердца оказываются подчас опаснее сердца джунглей. Впрочем, к иному выводу трудно прийти, если среди факторов скачка в развитии материи от биологического к социальному совершенно отвергнуть роль наиболее важного из них—труда как целенаправленного преобразования природы с помощью орудий, возможного только в сотрудничестве с себе подобными. Именно здесь «рубикон» материалистических и идеалистических концепций антропосоциогенеза. В этом пункте наиболее явно просматривается методологическая беспомощность «эволюционной философии» Р. Ардри, которая является по сути идеалистической.

Кстати говоря, взгляды Ардри шокируют и многих буржуазных ученых. В частности, известный антрополог и археолог-африканист Дж. Кларк иронизирует по поводу бездоказательных попыток Ардри⁴ представить австралопитеков патологически агрессивными «вооруженными убийцами»: «Для этих пророков первобытного насилия совместное расположение останков гоминид и костей животных является немим свидетельством «коварства и отваги», которые, как утверждается, уже два миллиона лет назад были неотъемлемой частью нашего наследия»⁵.

159

Основное различие между Ардри и Руссо вовсе не в противопоставлении «распрявившихся обезьян» «падшим ангелам», а в том, что Ардри, заимствуя название своей книги у Руссо, фактически излагает в ней со ссылками на современный антропологический материал изошренную версию неустранимой «борьбы всех против всех». При этом он пользуется аргументацией социалдарвинизма и мальтузианства.

Взгляды Ардри не являются исключением. Так, в книге «Голая обезьяна: зоологическое наследование человека-животного» Д. Моррис пишет о животнo-агрессивных истоках антропогенеза, поскольку-де этот процесс включал в себя прежде всего охоту стаями и поедание мяса; поэтому человек сформировался как биологический вид «обезьяны-убийцы»⁶.

Хотя отдельные представители буржуазной науки все чаще пытаются эклектически использовать те или иные положения, сформулированные основоположниками марксизма-ленинизма, однако над ними довлеет основное методологическое табу буржуазной антропологии—запрет на признание социально-образующей роли труда как системы изначально коллективной, совместной деятельности людей. Труд либо совсем исключается из арсенала аргументов, либо рассматривается только как технологическое отношение человека к природе, чаще всего сводящееся к зачаткам использования орудий, в лучшем случае—их локально-ситуативного изготовления.

Провозглашение агрессивности чуть ли не основным признаком Homo sapiens, ее трактовка в духе неустранимого «генетического императива», «зова генов», смягчаемого цивилизацией и все-таки пробивающегося сквозь «толщу» культуры, служат реакционным буржуазным идеологам, апеллирующим к социал-дарвинистским, социобиологическим, эколого-этологическим и иным эволюционно-генетическим концепциям в качестве «объяснения» истоков бедности, расизма, милитаризма, социальных антагонизмов, свойственных империализму.

В частности, К. Лоренц считает общество уздой, призванной ввести хоть в какие-то рамки и регулировать спонтанную, генетически детерминированную агрессивность людей. По его мнению,

сделать это тем более необходимо, что атомная бомба и прочие виды оружия массового уничтожения оказались «игрушкой» в руках

==160

еще далеко недоочеловеченных людей, в центральной нервной системе которых прочно «засели» эндогенные агрессивные инстинкты вспыльчивой обезьяны, некогда во гневе крушившей все вокруг огромной дубиной. К. Дарлингтон отождествляет классовую борьбу и обусловленные ею расовые противоречия (в книгах «Генетика и человек» и «Эволюция человека и общества») с внутривидовой конкуренцией в животном мире, уверяя, что классовые и расовые различия внутри рода человеческого носят столь же генетический характер, сколь и различия между «родами животных». В монографии Э. Фромма «Анатомия разрушительного в человеке» поведение индивидов и вся общественная жизнь предстают как противоборство страстей, сгруппированных вокруг «синдромов» разрушения и поддержания жизни⁷.

Вместе с тем в истории общественной мысли встречается немало попыток выдать чисто внешнее сходство некоторых форм поведения животных и классово антагонистических отношений за их внутреннее генетическое единство. Основоположники марксизма-ленинизма резко разоблачали подобные попытки. Например, когда немецкий философ и социолог Ф. А. Ланге взялся «объяснить» историю общества с позиций дарвиновской «борьбы за существование», мальтусовской теории перенаселения, К. Маркс гневно отверг такой, с позволения сказать, «марксизм». Он писал, что г-ну Ланге «вместо того чтобы анализировать эту «борьбу за существование», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «борьба за существование», а эту фразу—в мальтусовскую «фантазию о народонаселении»! Нельзя не согласиться, что это очень убедительный метод—убедительный для напыщенного, псевдонаучного, высокопарного невежества и лени мысли⁸.

Не случайно и В. И. Ленин обратился к критике К. Марксом Ф. А. Ланге, когда субъективный идеалист А. Богданов вознамерился «дополнить» марксизм тезисом о том, что различные общественные (в частности, «общественный подбор») механизмы якобы принадлежат к числу чисто биологических приспособлений. «Перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук, — писал В. И. Ленин, — есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение

==161

или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»⁹.

Положение К. Маркса и В. И. Ленина о недопустимости биологизации зрелых общественных форм применимо и к различным аспектам проблемы антропосоциогнеза, хотя в этом случае дело зачастую обстоит намного сложнее, ибо предметом исследования и оценок выступают близкие, почти соприкасающиеся и даже пограничные, переходные явления, лежащие на грани биологической и социальной форм движения материи.

Генетическая развилка

В марксистской науке исходным моментом анализа процесса возникновения человека и общества выступает положение об универсальном, имманентно присущем материи свойстве «самодвижения», «саморазвития». Это объективное свойство в принципе реализуется всюду, где складывается благоприятное сочетание необходимых внутренних предпосылок и внешних условий для его проявления. Такая постановка вопроса ориентирует, во-первых, на исследование в качестве источника изменений внутренних противоречий биологической формы движения и, во-вторых, на изучение динамики ее «добиологического» фона, прежде всего состояния биосферы.

Тенденция перехода на более высокую ступень организации вызревала в популяциях наиболее развитых, перспективных в эволюционном смысле млекопитающих—наземных антропоидов конца третичного периода. Именно они, согласно современным научным представлениям, открыли длительный путь эволюции от обезьяны к человеку, являясь общими предками человека и современных человекоподобных приматов.

Успехи молекулярной биологии в расшифровке структур ДНК и исследовании с помощью иммунологических реакций эволюционного возраста ряда белков крови (прежде всего альбумина и гемоглобина) позволили заглянуть едва ли не в самую глубь тех биологических процессов, которые дали «толчок» эволюции животного мира в направлении человеческого общества. Сравнительный анализ «половинок», открытых Д. Уотсоном и Ф. Криком, «двойной спирали» ДНК (одной из нуклеиновых кислот клетки, определяющей деятельность генов), принадлежащих человеку и современным человекообразным обезьянам, показал, что человек отличается по этому признаку от шимпанзе только на 2,5%, а от

==162

гориллы—немногом больше. Метод «молекулярных часов» В. Сарича и А. Уилсона из Калифорнийского университета позволил назвать «дату» разделения тупиковых ветвей обезьян Нового Света и продолжавших прогрессировать обезьян Старого Света, а также время «расхождения» гипотетического общего предка на гоминидов и шимпанзе. Эти «вехи» эволюции отстоят от нас соответственно на 36 и около 4 млн. лет¹⁰. Некоторые исследователи насчитывают до 30 видов антропоидов, из которых только один дал «начало» антропосоциогнезу". Общее число исходных и особенно пограничных форм могло быть, конечно, значительно большим.

В свете современных представлений узловые точки эволюции являются не столько «местом» преемственности и разрыва, своего рода «стыковки» старого и нового, сколько генетической «развилкой», на которой новое отделяется от старого, оставаясь все же связанным с ним. Одна из таких «развилочек» около 4 млн. лет назад стала началом «разобезьянивания» обезьяны — длительного процесса отклонения, а затем «отрыва» одной из ветвей третичных наземных антропоидов от остального животного мира.

Внешний вид нашего ископаемого предка, жившего на рубеже третичного и четвертичного периодов, носящего название рамапитека и, вероятно, еще незначительно уклонившегося от пути эволюции оставшегося «живым ископаемым» шимпанзе, описывают по-разному. Ю. Г. Решетов, например, пишет: «Грациальные, тонкие челюсти, маленькие, едва выдающиеся или совсем не выдающиеся над зубным рядом клыки, далеко не столь мощная (по сравнению с «гориллоидным» и «собакоголовым» павианом.—И. А.) жевательная мускулатура— все это свидетельствует о том, что эти животные преимущественно употребляли «деликатную» пищу. Такой пищей могли быть фрукты, ягоды, грибы,

клубеньковые и луковичные растения, мед диких пчел, насекомые, яйца птиц, птенцы и взрослые птицы, лягушки, ящерицы, змеи, черепахи, мелкие грызуны и кролики, иногда рыбы, которых рамапитековые могли ловить руками в заводях, как это иногда делают медведи лапами»¹².

Что «нарушило» природную гармонию и почему это «нарушение» стало началом качественно новой ступени развития животного мира на Земле?

Начало нового типа эволюции было, видимо, связано

==163

с кризисом прежней, чисто животной жизнедеятельности высших антропоидов третичного периода, с ее «расшатыванием» под влиянием каких-то мощных внешних процессов. Этот кризис мог быть преодолен лишь на «неживотном» пути развития, опирающемся на биологические резервы видов, их органический «запас прочности», которые в экстремальных ситуациях, грозящих популяции вымиранием, неизменно включаются в борьбу за выживание. Словом, ступень «разобезьянивания» обезьяны можно рассматривать как биологически обусловленный «отрыв» от животного мира его наиболее развитой (и вместе с тем свободной от тупиково-жесткой биологической специализации) ветви. Эта ветвь дошла до «пика» эволюции и переживала сильнейший кризис, поставивший ее перед альтернативой: либо вымереть, либо найти «неживотные» средства, чтобы выжить.

Как в недрах животного мира зарождается «начало» общественной жизни? Какие противоречия в условиях обитания и жизнедеятельности ископаемых антропоидов обусловили предпосылки поворота развития материи в качественно новое русло? «Установлено, — пишет Ю. И. Ефимов, — что в середине третичного периода существовали человекообразные обезьяны, развитие которых шло двумя эволюционными ветвями: одна из них через несколько миллионов лет привела к человеку, а другая — к современным антропоидам. Гоминоидная ветвь развивалась в направлении приспособления к наземному образу жизни, прямохождению и использованию свободных рук для употребления, а затем и изготовления орудий, антропоидная — в направлении все большего приспособления к древесному образу жизни»¹³.

В зависимости от типа этологической адаптации к изменившимся экологическим условиям происходили дифференциация предметов природы (непосредственно либо опосредованно противостоящих индивидам) и эволюционных траекторий каждой из все более отдалявшихся друг от друга ветвей развития, разрывы в темпах эволюции высших форм животного мира и остальной биосферы. Именно резкие экологические катаклизмы дали толчок качественному изменению режима жизнедеятельности каких-то популяций наших общих с человекообразными приматами ископаемых предков, а также стимулировали существенную перестройку их генетической и

==164

психоанатомической организации, поведенческих стереотипов.

Биогенетический механизм начавшегося «отрыва» данной ветви ископаемых антропоидов от животного **мира** в какой-то мере помогает понять концепция «ретардации», которая основана на сходстве строения человека с детенышем, даже эмбрионом обезьяны. «Ретардация», или специфическое

«омоложение», ископаемого предка человека в процессе эволюции по сравнению с исходной, общей с человекоподобными приматами формой означает, что человек рождается как бы «преждевременно», т. е. до наступления этапа «узкой» биологической специализации, свойственной детенышу любого животного, включая высших обезьян.

Более раннее, чем у животных, рождение детей увеличивает роль их прижизненного опыта и характера межиндивидуальных отношений. Независимо от логики объяснения, данный феномен свидетельствует о происхождении человека от гораздо более ранних и эволюционно пластичных по сравнению с современными человекоподобными обезьянами ископаемых антропоидов третичного периода.

[00.htm - glava36](#)

Австралопитеки: проблема выживания

Стадию «разобезьянивания» обезьяны, по данным современной палеоантропологической науки, вероятнее всего представляют австралопитеки. Их животными предшественниками были дриопитеки, рамапитеки и аналогичные им формы, развившие в специфических экологических условиях способность к передвижению на двух **ногах**, которая стала у австралопитеков важнейшей предпосылкой коренного изменения типа жизнедеятельности и образа жизни. Генетической «вершиной» данного этапа можно, видимо, считать ископаемых существ типа *Homo habilis*, регулярно использовавших предметы природы в качестве орудий, хотя, возможно, их еще только подправлявших, а не изготавливавших, и, судя по имеющимся данным, не знакомых с огнем.

Вопрос о месте австралопитеков в процессе антропосоциогенеза является дискуссионным. Одни ученые считают их обычными человекообразными обезьянами, другие—«почти людьми»¹⁴. Высказывается мнение о том, что австралопитеки были непосредственно предшественниками человека в животном мире¹⁵.

.Правда, совсем недавно была высказана точка зрс-

[==165](#)

пня, согласно которой среди обезьяноподобных австралопитеков жил... почти настоящий человек. Исходя из того что «австралопитеки составляли единую группу, возможно, один вид...» и усматривая в этом «повод для признания трудовой деятельности как основы существования всех перечисленных гоминид» (включая *Hom habilis*'a, а также человека 1470.—*И. А.*), археолог Г. П. Григорьев, специалист по африканскому палеолиту, пишет: «Если 10 лет назад общей тенденцией было допускать возможность употребления орудий австралопитеками, сближать их с человеком и смотреть на антропологический материал плиоплейстоценового возраста как на нечто целое, единое на уровне рода, то теперь намечается уже противоположная тенденция—в массе накопленного, но пока мало изученного материала выделять отдельные находки, видеть в них настоящего человека и ему, а отнюдь не всей массе австралопитековых приписывать орудийную деятельность»¹⁶. Однако такие взгляды, развиваемые, в частности, американским исследователем С. Оксардом, основываются на изучении посткраниальных скелетов и, поскольку изготовление орудий австралопитеками ничем не подтверждено (хотя с легкостью допускается многими авторами, особенно зарубежными), весьма гипотетичны¹⁷.

Спорными остаются многие детали образа жизни австралопитеков, включая основной вопрос: изготавливали ли они каменные орудия?

Южноафриканский антрополог Р. Дарт, изучавший проблемы, связанные с жизнью австралопитеков, считал, что им была присуща специфическая «остеодонтно-кератическая культура» (культура кости, зубов и рогов), что они охотились на достаточно крупных животных с помощью естественных режущих и ударных орудий — челюстей гиен, леопардов, саблезубых тигров, павианов и т. п., плечевых, лучевых и берцовых костей антилоп и т. п. Дарту удалось выделить девять обломков костей, края которых, по его мнению, имели следы дополнительной подправки—ретуширования. Кроме того, на одной из стоянок австралопитеков была обнаружена нижняя половина бедренной кости крупной антилопы, в которой прочно застрял тонкий рог газели. Дарт расценил это как свидетельство добывания мозга из кости с помощью рога либо куска лавы. Он определил австралопитеков как формирующихся обезьянолюдей¹⁸.

==166

Некоторые ученые полагают, что австралопитек уже производил орудия из камня. Причина разногласий заключается скорее всего в том, что исследователи, недооценивая динамизм данной ступени, формируют свое мнение, обращаясь подчас к полярно противоположным генетическим «концам» австралопитекового этапа эволюции. Поскольку морфологически австралопитек ближе всего к современным человекоподобным приматам, и прежде всего к шимпанзе, велик соблазн реконструкции жизнедеятельности первого по «образу и подобию» вторых. Будучи в принципе возможным и при определенных условиях плодотворным, такой подход все-таки нуждается в ряде оговорок. Во-первых, его использование не должно сопровождаться прямой экстраполяцией этологических стереотипов шимпанзе на модели поведения первобытного человека (не так давно на страницах журнала «Бильд дер виссеншафт» (ФРГ) при описании охоты и собирательства с помощью естественных предметов, наблюдавшихся у стаи шимпанзе в одном из национальных парков Сенегала, проводилась мысль о тождественности их жизнедеятельности труду палеолитических людей¹⁹).

Во-вторых, очень сомнительной представляется гипотеза, согласно которой шимпанзе как биологически законсервированный «ископаемый предок» человека в естественных условиях, изменяющихся соответствующим образом, может через громадный промежуток времени развиться в существо, переходное между человекообразным приматом и человеком²⁰. Используя аналогию с шимпанзе, необходимо иметь в виду, что речь может идти о сопоставлении протоавстралопитека и протошимпанзе (М. Иди). При этом нужно учесть, что «большие размеры мозга и характерные особенности скелета свидетельствуют о том, что те операции, которые делает шимпанзе, австралопитековые должны были выполнять намного лучше, более того, сам объем их операций был шире, чем у шимпанзе»²¹.

Велико не только морфологическое, но и генетическое сходство человека с высшими обезьянами, и особенно с шимпанзе. По данным, которые приводит Э. П. Фри!ман, различия в структуре ДНК человека и шимпанзе составляют не 2,5%, как полагают американские ученые!, а только 1,1%. Состав белков крови и тканей у них не совпадает лишь на 1%. Кровь шимпанзе подразделяется

==167

на те же группы, что и кровь человека. Поэтому возможно (и практически осуществлено) переливание крови человека шимпанзе и крови шимпанзе человеку. Ученые пришли к выводу, что виды лягушек и белок в пределах одного рода различаются в 20—30 раз больше, чем человек и шимпанзе²².

Очень незначительное изменение генофонда человека в процессе антропосоциогенеза может служить косвенным подтверждением гипотезы о более быстрой эволюции механизмов, регулирующих проявление генов, нежели изменение самого генетического материала у высших приматов²³, а также свидетельством особой роли поведенческо-этологических новаций в образе жизни австралопитековых.

[00.htm - glava37](#)

Экзосоматическое орудие

Как уже отмечалось, было бы чрезмерным упрощением пытаться искать причины развития биологической эволюции в направлении социальной жизни только в исключительно благоприятных либо, наоборот, в экстремально неблагоприятных природных условиях, в которых оказались третичные антропоиды, перейдя к наземному образу жизни. Помимо экологического фактора важную роль в процессе складывания предпосылок последующего «отрыва» от животного мира играл связанный с ним этологический, «поведенческий» момент развития, обусловленный формированием качественно нового типа жизнедеятельности.

Точнее говоря, «поворот» развития животного мира в новое русло, который привел в конце концов к «отрыву» его наиболее перспективной в эволюционном смысле ветви, был подготовлен всей предшествующей историей жизни на Земле. Разрыв в темпах изменения природной среды и соответствующих морфологических преобразований организма задолго до появления приматов «смягчался» повышением экологической пластичности популяций и видов. Изменения среды все больше компенсировались перестройкой поведения, жизнедеятельности, нежели телесной организации. «Стержнем» эволюции становилось развитие психики.

Сравнительное исследование изменений общей структуры тела и нервной системы животных приводит к интересным результатам. Ученые отмечают противоречие между многообразием физических типов организмов и относительной однотипностью нервной системы у низших

==168

животных (беспозвоночных), в то время как у позвоночных, наоборот, наблюдается однотипность строения скелета при большом разнообразии организации их нервной системы, особенно головного мозга. Эта тенденция, по мнению академика В. И. Вернадского, берет начало от ракообразных и от моллюсков, причем «достигнутый уровень развития мозга (центральной нервной системы) не идет уже вспять, только вперед»²⁴.

Короче говоря, активно-избирательное отношение к среде, «исследовательский» рефлекс и некоторые другие присущие высшим животным черты поведения вовсе не представляют собой зачатков человеческого поведения и отнюдь не связаны с ними непосредственно. Их вызвала к жизни не столько изменившаяся (или изменявшаяся) среда, сколько длительный путь эволюции животного мира. «Млекопитающие, — писал создатель типологии эволюционных процессов академик А. Н. Северцов, — очень редко приспособляются к быстро наступающим переменам в окружающей среде (новые враги, новая добыча и т. п.) путем медленного изменения своих органов и функций; гораздо чаще это происходит путем быстрого изменения прежних привычек и навыков и образования новых, приспособленных к новым условиям среды. Здесь впервые выступает на сцену новый и весьма важный фактор адаптивной эволюции позвоночных животных, именно их психика»²⁵.

Эти «резервы» эволюции, обеспечивавшие жизнеустойчивость высших млекопитающих, формировались не какими-либо определенными типами природной среды, а их динамичной и в то же время достаточно постепенной (с точки зрения сохранения видов) сменой. Во всяком случае многие

авторы специально указывают на нестабильность, частые колебания (от похолоданий к потеплениям, от засушливости к влажности, и наоборот) в жизненно важных природных компонентах биосферы как на фактор, способствовавший сохранению ископаемыми антропоидами значительных резервов эволюционной пластичности, возраставшей «готовности» их психики к существенной перестройке поведения в связи с изменениями окружающей среды. (Заметим, что последние могли быть связаны и с миграциями стад древнейших предгоминидов.) Сохранению состояния «деспециализации» способствовало и наличие в том или ином ареале разных ландшафтов, растительных зон и животных со-

==169

обществ. Поэтому, заранее оговорив излишнюю категоричность Ю. Г. Решетова, можно согласиться с его выводом о том, что «разнообразие природных условий и сравнительно быстрая их смена во времени и пространстве исключали какую бы то ни было возможность специализации и в то же время способствовали прогрессивной эволюции»²⁶.

Вообще приспособленность к будущим изменениям — это тоже специализация, но особого, более высокого типа. «Наши отдаленные предки, — пишет Т. Ярошевский, — оказались в условиях постоянных (а главное, намного опережающих темпы их собственной эволюции.—И. А.) изменений окружающей среды, что вынуждало их к частым изменениям образа жизни. Это ослабило... нормальные гомеостатические механизмы организма, благоприятствующие его стабилизации, инстинктивную регуляцию деятельности и т. п., создавая тем самым благоприятные возможности как для «универсальности» деятельности, так и большой эволюционной «пластичности». В результате естественного механизма отбора особи, оказавшиеся в противоречии с изменяющимися свойствами среды, погибали, а превосходство получали индивиды хотя и физически неприспособленные, однако с более четко функционирующей нервной системой. ...»²⁷

Беззащитность, биологическая неприспособленность к определенному типу ландшафтов, климата, биоценозов, растительной и мясной пищи толкали наших ископаемых предков на интенсивный поиск возможных вариантов активной адаптации и форм жизнедеятельности, на искусственную компенсацию (с помощью различных предметов природы) своей естественной уязвимости.

В современной теоретической биологии эволюция рассматривается как процесс прогрессивного развития жизни, совершаемый в ходе филогенеза в результате освоения новых экологических ниш²⁸. Отличительной чертой поведенческих адаптации животных предков человека являлась их большая изменчивость за счет пластичности нервной системы и мультифункциональности физиологических органов²⁹.

Накопление, закрепление и развитие в ходе прогрессивной эволюции способности к целенаправленному манипулированию неорганическими предметами для использования продуктов природы дало в экстремальных

==170

экологических и демографических ситуациях начало качественно новой стадии развития животного мира, открывшей возможность выхода на более высокие рубежи. Это в свою очередь стимулировало тенденцию все более частого «дополнения» различными предметами (экзосоматическими средствами) естественных органов для обеспечения непосредственно биологических потребностей. «Возникновение шаблонов поведения, связанных с систематическим использованием экзосоматических средств, способствовало превращению последних в экзосоматические органы»³⁰,—констатирует А. К. Астафьев.

В процессе эволюции центр тяжести воздействия на природу с целью обеспечения непосредственных биологических потребностей индивидов все больше перемещался на совокупность неодушевленных природных «посредников», на переход от ситуативно-эпизодического использования поднятых с земли предметов к целенаправленному их употреблению при закреплении соответствующих навыков.

Видимо, это был один из вариантов специфически биологического приспособления к окружающей среде, перераставшего в свою противоположность—зародышевые, инстинктивные, животноеобразные формы предтрудовой деятельности, который мог открыть путь к более высокой ступени развития животного мира. Таков возможный этологический механизм зарождения предтрудовых форм взаимодействия прогрессивных раннечетвертичных антропоидов с внешней природой, использования ими абиологических действий и средств для удовлетворения биологических потребностей.

В методологическом плане важно выяснить диалектику объективных потребностей каждого из этапов развития, свойственных им типов противоречий, средств и способов их разрешения. Каждая новая ступень на этом пути, естественно, порождала специфические варианты вновь складывавшихся типов жизнедеятельности. Например, прямохождение, как уже отмечалось, в принципе открывало различные пути использования освобождавшихся от функций передвижения передних конечностей — от замены неорганических орудий гипертрофированно развитыми естественными органами труда (гигантопитеки, мегантропы, парантропы, поздние неандертальцы и, возможно, гориллы)³¹ до прогрессивной эволюции в направлении создания искусственных орудий и дальнейшей

[=171](#)

сапнентизации (хабилисы, питекантропы, ранние неандертальцы, кроманьонцы).

[00.htm - glava38](#)

Стадность как этологический фактор

По мере «расшатывания» животной нервно-соматической организации ископаемых гоминидных форм и развертывания процесса антропосоциогенеза все больший удельный вес в эволюции стал занимать не естественный отбор, а своеобразная межгрупповая конкуренция с лучшими шансами на выживание у наиболее прочных стад и прогрессивных антропоидных популяций. Последние находились на различных ступенях эволюционного развития, не только следовавших друг за другом, но и нередко соприкасавшихся и взаимодействующих (от метисизации до взаимоуничтожения).

Один из аспектов диалектики процесса отпочкования от животного мира его наиболее прогрессирующей ветви заключается в том, что перестройка биологической системы жизнедеятельности высших приматов сочеталась с интенсивной мобилизацией всех эволюционных резервов, необходимых для «прорыва» в направлении высшей ступени развития.

«Отрыв» от животного мира означал вместе с тем складывание нового, более сложного, но в эволюционном плане перспективного отношения к окружающей среде благодаря использованию в качестве средств достижения биологически значимых целей неорганических (несъедобных) предметов

и друг друга (гиперстадность). В процессе углубления дифференциации непосредственного (типично животного) и опосредованного (в принципе неживотного, выходящего за его пределы) взаимодействия с природой изменялось само живое существо: закрепление прямой походки сопровождалось развитием конструктивных функций руки, вытеснением зубов и когтей из разряда преобладавших ранее естественных орудий, развитием нервной системы и мозга, интенсивным стимулированием «запасного ума», свойственного высшим приматам.

Жизнедеятельность австралопитеков заключала в себе глубокое противоречие. С одной стороны, они были еще неразрывно связаны с животным миром, принадлежали ему, с другой — они уже постепенно выходили за его рамки благодаря формированию зародышевых форм нового, качественно иного типа жизнедеятельности— собирательства с элементами охоты, использования, до-

==172

иска и подправки естественных орудий как органического (дерево, кости, рога), так и неорганического (камень) происхождения. Прямая связь с внешней природой хотя и оставалась доминирующей, но была существенно ослаблена закреплением и развитием нового, неживотного отношения живого существа к предметам природы, не используемым для непосредственного удовлетворения биологических потребностей.

Механизм «протосоциализации» едва ли не менее всех других аспектов антропосоциогенеза раскрыт современной наукой. В процессе зарождения труда как фундамента социального бытия и мира культуры изготовление искусственных орудий было невозможно без совместной деятельности, без кооперации, т. е. технологическая сторона труда была немыслима без социальной. Человеку, чтобы стать человеком, мало обладать искусственными орудиями. Ему «нужные—и это неременная предпосылка труда — другие люди.

Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал этот чрезвычайно важный момент процесса происхождения человека. В «Диалектике природы», отвергая индивидуалистские иллюзии «робинзонады» в трактовке истоков истории человечества, он утверждал, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»³². В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс объяснял социоморфную роль животной стадности, претерпевавшей существенную трансформацию в процессе антропосоциогенеза. «Для того, чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только известен в природе, — отмечал он, — требовался еще один элемент: недостаток способности отдельной особи к самозащите надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями стада»³³. «По моему мнению,—писал Ф. Энгельс П. Л. Лаврову,—общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны»³⁴.

Стадность как проявление первого «общественного инстинкта», несомненно, выступала одной из важнейших предпосылок и линий развития, объективно способствовавших компенсации биологической «слабости» эволюционирующего в новом направлении ископаемого вида высокоразвитых неспециализированных антропоидов.

==173

Кризис этого вида на рубеже третичного и четвертичного периодов, разумеется, не мог не затронуть и животную систему иерархии по принципу соотношения звериной силы. Впрочем, в стаях обезьян последняя сочеталась со своей противоположностью — специфическим «коллективизмом», особенно отчетливо проявлявшимся при обороне и совместном нападении. Р. Ардри, склонный к гиперболам, уподобляет самца бабуина, с риском для жизни бросающегося на опасного для самок и детенышей врага, средневековому рыцарю «без страха и упрека».

Совершенно ясно, что далеко не все присущее животной стадности ископаемых предков человека служило в качестве исходного материала для зарождения и формирования первичного коллективизма. Какие же из их психических особенностей и черт поведения могли выделиться из комплекса животных инстинктов и, активизируясь, выступить на первый план в структуре видового поведения? Данные исследований зоопсихологов и приматологов позволяют высказать некоторые соображения по этим вопросам.

В частности, В. А. Вагнер установил прямую зависимость приспособительных форм стадного поведения от уровня организации животных, а критерием последнего предложил считать степень индивидуальной активности особей в стаде. Возрастание последней предполагает преодоление внутренних противоречий вида и индивида путем усиления активной независимости второго, расширения его функций в стаде и обогащения общего содержания жизнедеятельности³⁵. В таком подходе, как представляется, просматривается глубокая внутренняя диалектика: возрастание в прогрессирующем стаде (например, австралопитеков) фактора индивидуализации, связанное с усилением роли прижизненных локально-ситуативных адаптации, служило стимулом его укрепления как микропопуляции и в то же время требовало для своей реализации все более высокого уровня развития самой стадности, уплотнения внутростадных связей наряду с расширением возможности и необходимости локально-ситуативного обособления особи в рамках жизнедеятельности стада. Видимо, так могло зародиться разделение инстинктивного труда. К. Маркс писал, что человек «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»³⁶.

==174

Далее. Расширение функций стада и обогащение содержания стадной жизнедеятельности объективно сопровождалось у австралопитеков прогрессом рассудочной деятельности и развитием эмоциональной стороны психики, которые были прямо связаны с преобразованием групповой организации животных. Стадо, складываясь как своеобразная внутренняя среда в рамках внешней, окружавшей его природы, брало на себя некоторые функции «посредника» между последней и индивидами, что также повышало роль и значение прижизненных этологических адаптации, способствовавших формированию рассудочного и эмоционального восприятия окружающего мира. У австралопитеков эта тенденция оказалась более продуктивной в связи с освоением прямохождения, освобождением рук и увеличением объема зрительной информации.

Наконец, можно предположить, что семейно-стадный способ групповой организации³⁷, который помимо всего прочего зависел и от времени, необходимого для роста и взросления детенышей (этот период существенно удлинился у австралопитеков по сравнению с другими животными), видимо, порождал большую биологическую в своих истоках потребность в эмоциональной окраске отношения к детям, а затем (или в этой связи) и друг к другу, в эмоциональном подстегивании рассудочной деятельности, все более связанной с необходимостью выбора в окружающей среде предметов-посредников для утоления голода и защиты от врагов.

Усиление роли стадности как фактора естественного отбора означало также возрастание степени подчинения поведения особей «общим» задачам, ориентации все большей части актов их

инстинктивного поведения на некоторый интегрированный «результат», могущий не совпадать и даже противоречить индивидуальным биологическим запросам. У насекомых, как полагает Р. Шовен, это вылилось в полнейшую интеграцию особей в единый «сверхорганизм», причину чего он видит в слишком миниатюрных размерах их тела, нервной системы и мозга³⁸. Ископаемые предки типа австралопитеков должны были и могли удовлетворять разнообразные потребности стада, ориентированные на выживание, за счет разворачивания принципиально новых форм поведения, способствовавших выходу за пределы животного мира.

Итак, в условиях характерного для обезьян собира-

==175

тельства зарождались первичные формы целевого употребления естественных предметов природы и охоты, животный тип стадности размывался, ослабевал. Вместо него (стая как чисто животная общность, видимо, дробилась) складывалась стадность нового, уже не чисто животного, а переходного типа. Интенсивно развивавшееся общение при помощи жестов дополнялось семантическими элементами вокальной сигнализации (языком типа I, по А. А. Ветро&у), все больше приобретающей координирующее совместную деятельность группы значение. Одновременно возрастала ее роль как качественно нового средства ориентации в окружающем мире.

Формировавшиеся у ископаемых предков человека (австралопитеков) этологические стереотипы, связанные с занятием свободной экологической ниши в африканской саванне третичного периода, опирались на генезис не только орудийной деятельности, но и общественных навыков стадного поведения. Двойственная этологическая детерминанта их жизнедеятельности предполагала глубокую взаимосвязь процессов складывания как предметно-орудийной, так и стадно-коммуникативной деятельности в качестве ее условия и объективно необходимого дополнения. Сама по себе предметно-орудийная деятельность, не подкрепленная определенным уровнем стадных отношений, могла привести к гибели популяций не только в результате агрессивности и необузданности зоологических инстинктов, но и по причине, скажем, увлечения изготовлением орудий или заготовок для них в ущерб непосредственному обеспечению жизнеспособности. В то же время стадность без орудийной деятельности не порождала потребности в разделении функций между индивидами и их группами во времени и пространстве, мешала развитию индивидуальных форм поведения и т. п.

Первые проявления неживотного отношения к окружающей среде лишь в тенденции означали выход за пределы собственного биологического развития. Исследование механизма перевода такой возможности в действительность связано с анализом переходной степени.

¹ Ardrey R. The social contract. A personal inquiry into the evolutionary sources of order and disorder. N. Y., 1970, p. 101. ² Там же, с. 352. ⁸ Там же, с. 359.

==176

⁴ Ardrey R. African Genesis. London—New York, 1961.

⁵ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977, с. 60.

⁶ О взглядах современных буржуазных ученых и идеологов см : *Федосеев П. Н.*, Социальное и биологическое в философии исоцио;огии.—Вопросы философии, 1976, № 3.

⁷ См. там же, с. 68.

⁸ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 571.

⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 349. ¹⁰, *Иди М.* Недостающее звено, с. 13'4. ¹¹ См. *Кукушкина Е. И.* Мышление и язык (статья первая).— философские науки, 1976, № 4, с. 130.

¹² ***Решетов Ю. Г.* Природа Земли и происхождения человека, с.164.**

¹³ *Ефимов Ю. И.* Природное и общественное в человеческой предыстории.—Природа и общество. М., 1980, с. 18—19.

¹⁴ Анализ взглядов различных авторов по этому вопросу см.: *Гурьев Д. В.* К вопросу о становлении первобытного производства.—Философские науки, 1976, № 4.

¹⁵ *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциотенеза, с. 56, 155.

i ¹⁶ *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки. — Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977, с. 93, 208.

¹⁷ Там же, с. 208—209.

¹⁸ См. *Ларичев В. Е.* Сад Эдема, с. 188, 197—198.

¹⁹ См. Азия и Африка сегодня, 1981, № 6, с. 59.

²⁰ *Решетов Ю. Г.* Природа Земли и происхождение человека, с. 130.

²¹ *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка, с. 58.

²² *Фридман Э. П.* Приматы. М., 1979, с. 203—204.

²³ Там же, с. 204.

²⁴ *Вернадский В. И.* Биосфера. М., 1968, с. 354.

²⁵ *Северное А. Н.* Морфологические закономерности эволюции. М., 1939, с. 290.

²⁶ *Решетов Ю. Г.* Природа Земли и происхождение человека, •с. 265.

²⁷ *Ярошевский М.* Размышления о практике, с. 159—160.

²⁸ См. *Шварц С. С.* Экологические закономерности эволюции. М., 1980.

²⁹ См. *Мантейфель Б. П.* Экология поведения животных. М., 1980.

³⁰ Человек и природа, с. 29.

⁸¹ Рост гигантопитеков, существовавших одновременно с австралопитеками и питекантропами, достигал, по некоторым данным, 4 м, а вес—примерно 300—500 кг (см. *Решетов Ю. Г.* Природа Земли и происхождение человека, с 198; см. также с. 192, 196—197, 199,208).

• ³² *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 488—489.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 39—40.

³⁴ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 138.

³⁵ См. Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза, с. 40.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 710.

³⁷ Подробнее об этом см.: Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза, с. 62—63.

³⁸ См. Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965, с. 21.

И. Л. Андреев

[==177](#)

[00.htm - glava39](#)

Глава восьмая. «ЛЮДИ ИЛИ ЖИВОТНЫЕ?»

[00.htm - glava40](#)

Ископаемые гоминоиды факты и предположения

Герой романа Веркора — прогрессивный журналист, не видя иных способов привлечь внимание общественности к спасению чудом сохранившейся популяции переходных существ (тропи), убивает детеныша, родившегося в результате искусственного оплодотворения самки. Врачи, приехавшие к нему на квартиру по указанию полицейского управления, дают заключение о смерти новорожденного ребенка, хотя поражены сходством последнего с обезьяной. Возбуждено судебное дело. Если журналист будет признан виновным в убийстве, значит, тропи—примитивные, но все-таки люди и на них распространяются законы, оберегающие их от безнаказанного уничтожения. Если же тропи — животные, то преступления нет. Юриспруденция, принцип которой — четкость, определенность критериев классификации субъектов и их поступков, оказывается перед сложной дилеммой...

Итак, люди или животные? Где та едва уловимая грань, которая отличает человека от обезьяночеловека? Автор романа увлекательно ведет речь о живых реликтах гипотетической переходной ступени, о представителях таинственного «недостающего звена», без которого генеалогическое древо человечества остается неполным.

Но вернемся от научно-фантастического романа к истории науки о происхождении человека и общества. Еще в период между выходом в свет книг Ч. Дарвина «Происхождение видов» и «Происхождение человека, и половой отбор» сторонники его учения известные естествоиспытатели Фохт, Гексли и Геккель, анализируя генетическую связь человека с высшими приматами, выдвинули идею происхождения человека не непосредственно от обезьяны, а от обезьяночеловека, «неговорящего питекантропуса», гипотетической самостоятельной зоологической формы, не являющейся ни обезьяной, ни человеком.

[==178](#)

Эта дерзкая идея окрылила энтузиастов, открыв до сих пор продолжающуюся одиссею неустанных поисков «пропавшего» переходного звена среди ныне живущих реликтовых форм (от микроцефалов, которых начал изучать Фохт, до реликтовых гоминоидов, в частности овечьего легендами «снежного человека»). Эти поиски ведутся в сибирской тундре и на ледниках Гималаев, на плоскогорьях Памира и в ущельях Тянь-Шаня, в лесах севера США и Канады.

Что касается подобных экспедиций, то едва ли они могут быть успешными, так как теоретическая биология пришла к выводу об эволюционной неустойчивости переходных форм, об их вымирании ко времени доминирования зрелых, генетически устойчивых видов. И тем не менее недавняя находка живой «ископаемой» рыбы латиметрии (переходной формы), эволюционный возраст которой превышает 300 млн. лет, и другие аналогичные открытия продолжают вдохновлять энтузиастов на такие поиски.

Однако можно ли воочию увидеть живого неандертальца сегодня, в век космических полетов и лазерной технологии? Притом не в психиатрической клинике², а в естественной среде обитания? Ведь когда-то «готовые» люди сосуществовали и как-то вынуждены были взаимодействовать с представителями побочных и тупиковых в эволюционном смысле популяций... Впрочем, если открыть журнал «Азия и Африка сегодня» за 1977 г. (№ 2), то можно прочитать сообщение о том, что в бассейне реки Конго американской экспедицией поймано загадочное существо, являющееся, по предположению исследователей (или журналистов?), живым неандертальцем. Далее идут подробности: ему семь лет, его рост 126 см и т. п.

Впечатления участников самостоятельной экспедиции «Клуба любознательных» о личных встречах с «современным неандертальцем» (в тексте упоминается именно этот термин) были опубликованы в «Комсомольской правде» (17 мая 1981 г.). Постоянно держит своих читателей в курсе дела относительно наблюдений за реликтовыми гоминоидами в нашей стране (в частности, «снежным человеком») и за рубежом журнал «Техника — молодежи»³. Не ясно, однако, почему реликтовых гоминоидов так уверенно отождествляют с неандертальцами, а не с питекантропами, на которых они, судя по описаниям «очевидцев», гораздо больше «похожи»? Но оставим

==179

в стороне живых «ископаемых». Тем более что науке значительно больше повезло в обнаружении останков и других материальных следов жизнедеятельности представителей различных стадий и ветвей, включая гипотетическую «середицу» процесса антропосоциогенеза.

В конце прошлого века молодой голландский врач Е. Дюбуа отправился в Индонезию в надежде найти там подтверждение гипотезы Геккеля о наибольшем «родстве» человека с гиббоном. (Как известно, Гексли полагал, что ископаемый предок человека был ближе к горилле.) Современная наука сближает протоавстралопитека с протошимпанзе, что подтверждает взгляды Дарвина. И тем не менее Дюбуа оказался необычайно удачливым. Такое везение сопутствовало разве что исследователю легендарной Трои—Шлиману, не являвшемуся поначалу, как и Дюбуа, археологом-профессионалом. Во всяком случае за год поисков (в 1891 и 1892 гг.) он нашел в четвертичных слоях близ Тринилиа на острове Ява черепную крышку, два коренных зуба и бедренную кость обезьяночеловека. Бедро свидетельствовало о прямохождении при немного согнутых коленях, а объем и рельеф внутренней полости черепа позволяли поставить найденный вид в эволюционном смысле на полпути между обезьяной и человеком.

Примерно полвека спустя раскопки на Яве в тех же местах возобновил Г. Кенигсвальд, а с 1951 г. там стала работать группа индонезийских ученых. В общей сложности на Яве открыты костные останки нескольких десятков питекантропов, в том числе не менее девяти черепов. Современные методы исследования позволили определить, что на эндокранах яванских питекантропов выражена значительная асимметрия борозд и извилин головного мозга. В левом полушарии нижняя лобная извилина имеет более гоминидный характер, чем в правом, возможно в связи с развитием праворукости вследствие работы по преимуществу правой рукой. Как известно, эта особенность отличает человека от всех животных. Значительное прогрессивное развитие нижнетеменной области у яванских питекантропов свидетельствует об усилении познавательной и целенаправленной их деятельности по сравнению с австралопитековыми и с *Homo habilis*⁴. Кроме того, калий-аргоновая датировка черепа ребенка из Моджокерто и черепа «питекантропа IV» определила их возраст в пределах 1,5—1,9 млн. лет. Это

==180

наиболее древние из яванских находок. К сожалению, **на Яве** вместе с костями питекантропов не было найдено каменных орудий.

Тем не менее морфологический анализ находок позволяет сделать выводы о динамизме переходной ступени, о наличии нескольких ареалов обитания переходных существ, а также о том, что одновременно с ними жили представители иных, близких им форм, в частности австралопитековых. Последнее обстоятельство отмечает П. И. Борисковский. «Подобно тому, как в Восточной Африке *Homo habilis* и олдувайский питекантроп сосуществовал с австралопитековыми обезьянами,—пишет он,—на Яве моджокертский питекантроп сосуществовал с мегантропами, которые представляли собой форму, близкую к австралопитековым»⁵.

«Начало» переходной ступени генетически стыкуется с завершением этапа «разобезьянивания» обезьяны, а ее «конец»—с процессом развития «формирующихся людей». Судя по современным научным данным, оба эволюционных полюса переходной ступени существенно различаются независимо от интерпретации их содержания теми или иными исследователями с помощью морфологического, орудийного и иных критериев. Во всяком случае ископаемый предок «вырос» за этот период примерно на 30 см, а объем его мозга увеличился почти в полтора раза. Можно полагать, что именно тогда произошел переход от использования и подправки естественных орудий к созданию искусственных орудий труда, в частности орудия орудий — резца.

«Начало» переходной ступени сегодня в наибольшей мере ассоциируется с находками Л. и М. Лики в Олдувае. «Морфологически *Homo habilis* занимал промежуточное положение между австралопитековыми обезьянами и питекантропами; этому соответствуют его стратиграфическое место и абсолютные даты»⁶,—отмечает Ц., И. Борисковский, хотя более убедительной представляется точка зрения В. П. Якимова и В. И. Кочетковой, высказавших сомнение в намеренной обработке каменных изделий из находок Олдувайского ущелья. Они полагают, что последние еще не представляли собой настоящих человеческих орудий и что *Homo habilis* еще не был человеком в собственном смысле слова, а лишь стоял на пороге очеловечивания.

«Конец» переходной ступени (с точки зрения морфо-

==181

логического критерия) представлен синантропом, иногда называемым «питекантропом пекинским», который, судя по имеющимся останкам сорока особей, был более развит, нежели яванский питекантроп и тем более олдувайский *Homo habilis*, но уступал неандертальцу, хотя создавал каменные орудия, использовал огонь, строил охотничьи лагеря и т. п.

Таким образом, многочисленные ископаемые останки переходных существ и различные варианты их интерпретации (с точки зрения их морфологии, генеалогии, развития орудийной деятельности) позволяют уверенно говорить о реальном существовании переходной ступени от обезьяны к человеку. Это служит основой для критики разного рода идеалистических, метафизических идей катастрофизма и плоского эволюционизма, а также различных эклектических моделей «переходного состояния». Не чудо творения и не количественное накопление человеческих черт за счет вытеснения обезьяньих, а диалектическая взаимосвязь количественных и качественных, случайных и необходимых, внешних и внутренних, мутационных и наследственных изменений является причиной развития жизни на Земле в направлении антропосоциогенеза.

Акцент на данное обстоятельство имеет и теперь' немалое значение для науки, ибо теологи и сегодня, когда «библейская версия» антропосоциогенеза отброшена успехами знания, ссылаются на то, что нарочитая примитивность этой версии была вызвана популяризаторскими целями, что «часть» процесса возникновения человека и общества (например, до стадии питекантропа либо, наоборот, начиная с этой ступени) есть результат естественной, стихийно-импульсивной эволюции, а другая (предшествующая либо, наоборот, следующая за ней) — следствие «мудрого» вмешательства творца.

[00.htm - глава41](#)

«парадокс» переходной ступени.

Современный уровень исследований позволяет детализировать процесс перехода ступени к новому качеству, в частности расчленив его на ряд стадий. Общая схема процесса смены одного качества другим такова, что, считая новое качество (в данном случае социальное) отрицанием исходного (т. е. природного, в особенности биологического), правомерно зафиксировать вместе с тем некую «границу», переходную ступень их сосуществования, взаимного проникновения.

[==182](#)

Если исходное качество обозначить *A*, а новое *B*, то переходная грань, «пик» процесса смены нового качества старым—это уже не *A* и еще не *B*, хотя и не нечто, абсолютно отличное от них, его точнее можно представить как некое противоречивое *A3*. Это промежуточное качество (переходная ступень) обременено происходящим в нем «переворачиванием» системообразующих тенденций развития, крайним обострением борьбы нового и старого как двух противоположностей. Усиление той или иной противоположности означает соответствующее ослабление другой. Складывающаяся противоположность, еще весьма слабая в статистическом, реальном отношении, должна (чтобы удержаться в русле эволюционного процесса) быть более сильной в плане динамическом, потенциальном.

В определенный момент наступает равенство противоположностей и создается ситуация их равновесия. В рамках переходной ступени эти противоположности существуют одновременно, затем одна из них «поглощает» другую путем «снятия» и исторически приходит ей на смену. Некоторые ученые высказывают мнение, что наступающее «равнодействие противоположностей представляет собой взаимоотношение объективно неравных друг другу не только качественно, но при определенных условиях также и количественно сторон противоречия» и может быть расценено как «некоторое фундаментальное свойство окружающего нас мира»⁷.

В условиях равновесия особенно отчетливо проявляется тот универсальный момент единства и борьбы противоположностей, суть которого Гегель видел в том, что «каждое качество вступает внутри каждой стороны в соотношение с другим качеством». Наступает состояние, которое он характеризовал понятием индифференции, рассматривая его одновременно и как «различие двух качеств», и как «единство обоих качеств», как «всестороннее противоречие» и как «снимающее само себя противоречие»⁸. В итоге «равновесие... есть ближайшим образом само становление»⁹.

Диалектико-материалистическое понимание переходной ступени позволяет теоретически доказать практическую бесплодность многочисленных попыток найти некую эмпирически фиксируемую границу между «последней» обезьяной и «первым» человеком.

Возвращаясь к проблеме антропосоциогенеза, отме

==183

тим также, что явления и процессы, характерные для переходной ступени от биологического к социальному, обладают признаками, присущими тому и другому и в тенденции взаимоисключающими. «Переходные существа» уже нельзя причислить к обезьянам, как нельзя признать их «готовыми» людьми. Первобытное стадо не было животной стаей, однако еще и не являлось собственно социальной ячейкой, до которой ему предстояло пройти громадный эволюционный путь.

Разумеется, неправомерно представлять переходных существ в виде злобных волосатых монстров, погрязших в сексуальных оргиях и бесконечных драках с применением дубин и камней из-за самок и пищи. Черты обезьяны и человека, стаи и рода вовсе не сочетались механически вроде «комбинации» уже человеческих рук с еще обезьяньим мозгом, животной агрессивности с использованием орудий труда, как полагают некоторые буржуазные авторы. Данной ступени не свойственно просто сосуществование старого и нового, «переходное» существо не есть эклектическая смесь суперживотного и субсоциального. Оно воплощало в себе сложное диалектическое переплетение противоречивых тенденций развития. С появлением этих существ зарождались принципиально новые отношения индивидов к природе и друг к другу.

Именно здесь произошло «переключение» процесса развития в новое русло. Видимо, типичная биологически неустойчивая система естественной адаптации дополнялась (первоначально под действием необходимости выживания) новой эволюционно пластичной системой предельно высокого (в рамках животного мира) уровня развития. Такая специфическая двуединая система стала основой зарождения в рамках животной стадности принципиально новых, уже не животных внутригрупповых отношений индивидов друг к другу и к стаду как некой целостности.

Итак, ростки нового качества — социальности — складывались именно в недрах переходной ступени при столкновении и взаимодействии противоположных тенденций, стихийного процесса комбинации элементов, сбросивших с себя прежние связи.

К. Маркс писал, что неизвестные явления, знаменующие собой новую ступень развития, не возникают «из *ничего*, из воздуха или из лона самой себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся

==184

налицо развитием... и с унаследованными, традиционными отношениями...»¹⁰. Законченная «органическая система, — подчеркивал он, — как совокупное целое имеет свои предпосылки». В ходе исторического развития она превращается в устойчивую целостность. Складывающаяся на основе закономерных тенденции система «ориентирует на себя» весь процесс дальнейшего эволюционного развития. Роль специфического механизма «сцепления» в данном процессе играют внутренние взаимодействия элементов (как оставшихся от фундамента прежней системы, так и складывающихся вновь) в рамках переходной ступени.

К. Маркс неоднократно указывал на двойственность общественной жизни, социального, каждое из проявлений которого реализуется на определенной природной основе, ибо социальное никогда не сможет «оторваться» от природного, поскольку оно возникло в его недрах. Даже «самое социальное» — производство — зародилось именно как «природное» производство, присваивающее потребительское хозяйство, в рамках которого не только будущий продукт, но и предмет, средства, цели первоначально были обусловлены необходимостью непосредственного обеспечения биологического выживания индивидов, их первичных коллективов.

К. Маркс, как известно, специально подчеркивал чрезвычайно важное значение анализа «посредствующих звеньев»¹² в процессах перехода противоположностей друг в друга, от одного качества к другому. Переход качественной определенности в свою противоположность труден для анализа именно в связи с «ускользанием» его граней, из-за опосредованности массой переходных состояний.

В современной философской литературе проблема переходного состояния все больше привлекает внимание исследователей. Многие авторы склонны считать, что «нереходное состояние представляет собой посредствующее звено в цепи развития предмета или явления, где контуры нового качества выражены еще не отчетливо. Его можно рассматривать как этап развития, на котором существенные признаки нового еще не обнаружили себя как стороны противоречия, как противоположности по отношению к старому содержанию, старому качеству. Однако именно здесь берет начало сложный процесс реализации потенциального специфического содержания

==185

предшествующих стадий, организованных в особую систему, составленную из фундаментальных элементов старого, обуславливающих и в известной мере даже программирующих дальнейшее развитие некоторых его сторон»¹³. Однако едва ли правомерно на этом основании делать заключение о наличии «особых промежуточных закономерностей переходного периода как специфических закономерностей антропосоциогенеза»¹⁴.

[00.htm - glava42](#)

Эволюция и детерминизм

Сформулированное К. Марксом положение о двойственности общественной жизни вполне применимо к анализу процесса возникновения человека и общества. В. П. Кузьмин пишет, что становление социальной формы движения (в системном плане) характеризуется прежде всего как бы «уходом природной материи в основание», становлением ее, говоря словами К. Маркса, «носителем высшего качества». «При этом,—подчеркивает автор,—возникает явление двойственности качественной определенности социальных образований, устанавливаются отношения субординации, низшая форма движения «подчиняется» высшей... но в то же время каждая из них опирается на свои специфические закономерности и обладает известной автономией. Этот сложный симбиоз имеет две линии развития, две линии жизни—природную и социальную. Такая двойственность прослеживается как на самом человеке, так и на любом продукте его деятельности»¹⁵.

Однако автономность природного, «включенного в социальное», весьма своеобразна и существенно отличается от его свободного развития, происходящего вне влияния социального. Исследуя закономерности обратного воздействия социального (высшего) на природное (низшее) в рамках их нового единства, В. В. Орлов пришел к выводу, что только в рамках высшего полностью раскрываются мощные эволюционные резервы предшествующих ступеней развития. «Своеобразная универсализация содержания форм материи на основе обобщения признаков предшествующих ступеней развития»¹⁶, происходящая в процессе перехода от низшего к высшему, уходит корнями, как полагает автор, «в глубь» развития материи, будучи, видимо, одной из форм реализации ее самодвижения. «Развитие основных форм материи — физической, химической и биологической — характеризуется,— утверждает В. В. Орлов, — своеобразной противоречивостью: они достигают наивысшей степени сложности не «в сво-

==186

бодном состоянии», а лишь в составе высшего. Это противоречие имеет глубокое диалектическое содержание. физическая, химическая и биологическая ступени развития материи, какими бы законченными они ни были, несут в себе элемент существенной незавершенности, ибо являются лишь моментами развития материя. Если бы они были абсолютно завершенными и не содержали в себе способности дальнейшего усложнения в структуре последующих ступеней развития, то переход к высшей ступени был бы принципиально невозможным, поскольку появление высшего должно быть связано с дальнейшим усложнением низшего, так как высшее не может оторваться от своей основы, на которую оно постоянно опирается и от которой «отталкивается»¹⁷.

Итак, «начало» нового не есть «конец» старого, оно связано с его достаточно зрелыми и в то же время пластичными, нетупиковыми, сохранившими высокую степень адаптивной варибельности формами, которыми «насыщена» переходная ступень. Тенденция «надстраивания» нового в процессе отрицания старого объективно обуславливает появление некоторых принципиально иных качеств системы, ее базовых элементов. Это происходит за счет действия специфических законов и типов детерминации.

Вместе с тем возникновение принципиально отличающихся от прежних взаимосвязей нового с порождающей его «основой» не удастся объяснить лишь с точки зрения причинно-следственных отношений. Данный тип связи гораздо более сложен, нежели направление детерминации в устоявшихся материальных системах.

Сложность эта двоякого рода. Во-первых, зародыш нового появляется не просто в лоне прежней системы, а именно из ее «материального субстрата». К тому же это происходит не вдруг и не сразу, а постепенно, в рамках переходной ступени. Тем не менее едва сформировавшееся новое опирается на породившую его систему как на основание своего дальнейшего развития.

Во-вторых, «сотканная» из объективных, но пока не оформившихся в нечто целостное, системное элементов будущего качества, зародившаяся более высокая ступень организации, еще не сложившись окончательно, уже с переходной ступени определяет процесс своего собственного формирования. Новый тип детерминации, зарождающаяся в недрах переходной ступени на базе протипо-

==187

речий старого и нового качеств и находя достаточную опору в функциональном взаимодействии с внешней средой, не просто дополняет механизм прежних причинноследственных отношений, а постепенно порывает со старым, дистанцируется от него.

Сыгравшие роль «эволюционного моста» переходные формы, обремененные зародышевыми элементами более высокой ступени, сначала неустойчивы по сравнению с будущими классическими образцами/Они еще в массе своей подвержены разрушению и не выдерживают «конкуренции» с более приспособленными старыми и хотя еще немногочисленными, но уже зрелыми новыми системами. Остатки старых форм, чудом сохранившиеся в зрелых формах, с большим трудом удается различить в ныне сохранившихся «соседних», или «пограничных», в эволюционном смысле системах. Это ограничивает эвристические возможности метода актуализации реликтов прошлого как способа его мысленной реконструкции.

Взаимодействие противоречивых тенденций в рамках переходной ступени В. И. Плотников представляет в виде гипотетической модели уникального сочетания элементов старого, «необычного» способа сцепления «обычных» элементов. Хотя подобного рода методы всегда несколько упрощают суть дела, тем не менее с помощью предложенной модели удается зафиксировать ту специфическую сторону процесса становления, так называемую генетическую связь, которая объективно отличается от причинно-следственной обусловленности (детерминизма).

В. И. Плотников пишет: «Поскольку необычным является лишь сцепление обычных биологических явлений, а само сцепление происходит в соответствии с биологическими законами, постольку элементарная социальная связь в акте своего возникновения сохраняет тождественность с биологическими связями. Но поскольку уникальными являются не сами элементы целого, а способ (форма) их сцепления, не встречающийся в рамках биологического мира, и поскольку этот способ сцепления, будучи проверен жизнью, оказался устойчивым, постольку элементарная социальная связь (т. е. обусловленная языком совместная трудовая деятельность людей) становится первичной клеточкой, из которой в дальнейшем вырастает вся сложнейшая система социального»¹⁸.

Логика и структура причинной обусловленности на-

==188

чальных и последующих этапов антропосоциогенеза, уникальное сплетение, соотношение биологических процессов, открывшее возможность «эволюции эволюции» в гоминоидно-сапиентном направлении, различные аспекты детерминации данного процесса привлекают все более пристальное внимание ученых. В частности, А. П. Портнягин предложил свою классификацию условий, детерминирующих антропосоциогенез: 1) условия существования (в целом индифферентные по отношению к ходу и результату развития); 2) существенные условия (основа действия детерминации) и

3) сопутствующие условия (ускоряющие либо модифицирующие форму реализации данного «русла» детерминации)¹⁹. Такая «градация» условий позволяет избежать абсолютизации отдельных факторов эволюции—преобразований головного мозга, зубной системы, установления прямой походки и т. д.; избавляет от упрощенных трактовки связи биологической стадности с социальностью и т. п., хотя не дает четкой аргументации разрыва различных признаков гоминидной триады, не объясняет, какова была непосредственная связь между условиями существования (прямохождением) и существенными условиями (эволюцией руки и мозга).

А. И. Ракитов выдвинул точку зрения, согласно которой главным отличием генетически следующих друг за другом в процессе развития систем выступает смена субстанциального регулятора наследственности, выполняющего функции стандарта подобия (конгруэнтности) и аккумулятора информации. Вместо генетических, морфологических и психических стереотипов таким регулятором в процессе антропосоциогенеза стали находящиеся вне организма орудия труда, способы деятельности по их изготовлению и использованию, а также складывающиеся независимо от индивидов их отношения друг к другу и к общности в целом²⁰.

Итак, механизм смены типов жизнедеятельности на различных этапах процесса возникновения человека и Общества не поддается исключительно причинно-следственному объяснению. Здесь имеет место специфическая система взаимодействия как элементов и связей, так и самих стадий антропосоциогенеза. Ведь только что зародившаяся «неживотность» ископаемых предков не могла детерминировать их последующее «очеловечивание». Наука все более полно выявляет спектр различных иа-

==189

правлений развития популяций переходных существ, неоднозначно-конструктивную роль существенных изменений элементов исходно-биологической системы, а также специфику поворота дальнейшего развития в новое русло на стадии переходной ступени.

Естественный отбор по критерию индивидуальной адаптации к среде сначала дополнялся, а затем начал все более оттесняться комплексно-групповым отбором, фиксировавшим реальную и потенциальную жизнеспособность тех стад, где имелись наиболее благоприятные внутренние условия для складывания и развития новых отношений индивидов к среде и друг к другу, инстинктивных, животноеобразных форм труда, столь же инстинктивных, животноеобразных форм социальности.

Поворот развития, происшедшего в русле переходной ступени, можно представить с точки зрения диалектики общего, особенного и единичного следующим образом. «Разобезьяннение» наших ископаемых предков-понгид (т. е. затухание «чисто» животных проявлений жизни) происходило путем зарождения в недрах общих закономерностей животного мира того особенного, биоэволюционного направления развития, которое характеризовалось не свойственным предшествующим ступеням типом адаптации к окружающей среде, связанным с прямохождением, освобождением передних конечностей от функций локомоции, формированием хватательных (хватабельных) способностей и т. п.

В экстремальных условиях обедненной среды это порождало элементы абиологической предметно-орудийной деятельности, которые можно рассматривать как единичное по отношению к законам развития животного мира. Проявления единичного—манипулирование предметами внешней среды, их направленное изменение, использование в качестве орудий и т. п. — приматологи находят как в естественных условиях (особенно у шимпанзе), так и в специально поставленных экспериментах.

Логика процесса «очеловечивания» переходных существ имеет обратную направленность. Здесь единичное в виде разрозненных, импульсивных, эпизодических проявлений предсоциальных

тенденций, зародившихся на стадии «разобезьянивания» обезьяны, в рамках переходной ступени может превращаться—при наличии соответствующих внешних условий—в особенное как признак социальности, как по сути своей небиологический

==190

фактор, необходимый для биологического выживания переходных существ. Завершение антропосоциогнеза означает кристаллизацию того общего (труд, речь, коллективность), что составляет ядро общественного бытия, необходимые признаки любой ступени и формы общественной жизни. В результате «то, что в системе природных связей и отношений выступало как новое качество (возникновение человека и его общественной жизни),—подчеркивает В. И. Шинкарук,—в системе общественно-исторических связей и отношений выступает как *определенность сущности*—определенность того общего, что свойственно всем людям всех исторических эпох»²¹.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что гносеологические трудности объяснения противоречивого, двойственного характера переходной ступени можно преодолеть, если к ее анализу подходить с диалектико-материалистических позиций, если сам переход представлять как противоречивое единство процессов «разобезьянивания» обезьян (т. е. постепенного угасания чисто животных проявлений жизни) и «очеловечивания» переходных существ (т. е. накопления и усиления социальных элементов в совместно-орудийном способе деятельности).

«Ускользание» граней переходной ступени подчас приводит в отчаяние крупнейших ученых. Один из исследователей первобытного строя, профессор Сорбонны А. Леруа-Гуран, стоящий в целом на позициях естественнонаучного материализма, считает, что мысль о «неудобном» для анализа недостающем звене между обезьяной и человеком должна быть решительно отброшена как зловерный миф, как «психопатический многовековой комплекс», лежащий в сфере подсознания, болезненных фантазий, которым в одинаковой степени могут быть подвержены и невежды, и талантливые ученые. Аргументация этой точки зрения такова: всякий прямоходящий примат—человек, а полусогнутого человека быть не может. Что же касается наличия черт явного анатомического сходства обезьяны и человека, то они, по его мнению, всего лишь продукт однотипных внешних условий. Схема прогрессивной эволюции живой материи на Земле выглядит в концепции А. Леруа-Гурана, изложенной им в двухтомной книге «Жест и речь» (Париж, 1964—1965), следующим образом: «Ситуация, созданная вертикальным положением у людей, представляет воистину этап на пути от рыбы к гомо сапиенс, но она ни-

==191

коим образом не предполагает, чтобы обезьяна при этом играла роль промежуточного реле. Общность истоков и обезьяны и человека мыслима, но с того момента, как установилось вертикальное положение, нет больше обезьяны, а тем самым и получеловека»²².

Ясно, что автор этих строк не видит сложной диалектики процесса зарождения нового в недрах предельно развитого, достаточно пластичного, сохраняющего значительный запас адаптационных

возможностей старого (разумеется, при активно коррелирующем данный процесс плавном и динамичном воздействии окружающей среды).

Словом, «середины» процесса антропосоциогенеза невозможно адекватно понять с помощью чисто биологических или только социологических, а тем более неких аморфных биосоциальных законов, поскольку они не позволяют раскрыть глубинные противоречия и движущие силы этого процесса.

Некоторые ученые, окрыленные успехами науки последних лет, еще надеются реконструировать облик переходного существа (уже не обезьяны, но еще и не человека). Так, В. Е. Ларичев пишет: «Открытия последних лет подтверждают этот факт: как и сто лет назад, во времена Геккеля и Дюбуа, «недостающее звено»— объект желанный, но, увы, неуловимый. Можно удовлетворяться лишь тем, что кольцо поисков неумолимо сжимается и, пожалуй, теперь, как никогда ранее, видится день, когда загадочное, вечно ускользающее звено окажется наконец в человеческих руках»²³.

Однако подобные надежды едва ли оправданны. Диалектически понимая суть всего процесса и самого «пика» перехода от обезьяны к человеку, ученые могут лишь создать идеальный образ этого загадочного существа, мысленно «собрать» его из множества гипотетических и известных науке «деталей».

¹ Авторское название книги *Les animaux denatures*. Paris, 1952.

² Одна из наиболее распространенных концепций эволюционногенетической природы психических заболеваний исходит из предположения о недоразвитости в донатальном периоде или о развитии «вспять» в результате ранения, опухоли и т. п. тех или иных отделов и функций коры головного мозга.

³ См., например. Техника—молодежи, 1978, № 6, с. 48—56.

⁴ См. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979, с. 45, 36.

==192

⁵ Там же, с. 36.

⁶ *Борисковский П. И.* Возникновение человеческого общества. — Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки, с. 30

⁷ Вопросы философии, 1977, № 5, с. 54, 65.

⁸ *Гегель.* Соч., т. V. М., 1937, с. 441, 445.

⁹ Там же, с. 98.

¹⁰ *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 229 " Там же.

¹² **См.** *Маркс К: Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. II, с. 187—188; т. 26, ч. III, с. 85-86.

¹³ *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциогенеза, с. 64.

¹⁴ Там же, с. 71, 144.

¹⁵ *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса, с. 118—119.

¹⁶ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 235.

¹⁷ Там же, с. 152—153.

¹⁸ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема, с. 134.

¹⁹ См. Философские вопросы социального познания. Саратов, 1980, с. 95—97.

²⁰ См. Вопросы философии, 1974, № 10.

²¹ Вопросы философии, 1963, № 9, с. 139.

²² Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории, с. 60, 101.

²³ Ларичев В. Е. Сад Эдема, с. 396.

[==193](#)

[00.htm - glava43](#)

Глава девятая УТРО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[00.htm - glava44](#)

Заря нового

В рамках переходной ступени произошла смена определяющих тенденций развития, которое направились затем в новое русло. Момент «перелома», качественного скачка практически неуловим. Когда хотят выразить суть подобных скачков, как правило, прибегают к аналогиям с различными явлениями реальной жизни. Гегель для характеристики качественного скачка привел пример рождения ребенка. «... У младенца при рождении после длительного спокойного питания, — писал он, — первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, — совершается качественный скачок, — и ребенок появился на свет...»¹ Везде, где есть развитие, движение вперед, на определенном этапе «постепенное измельчание, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира»². Таков долго вызревавший в недрах наличного бытия и вместе с тем неожиданный по силе своего проявления скачок как взрывообразный выход за ставшие тесными пределы, резко ускоряющий переход от одного качества к другому, открывающий перспективы развития на иных эволюционных орбитах.

Однако скачок—явление чрезвычайно сложное. Новое содержание стремится «сообщить устойчивое существование своим исчезающим фирмам»³, а это предполагает одновременно освобождение от элементов переходной эпохи либо приспособление их к изменившимся условиям (к преобразованному содержанию).

Со временем становящееся оказывается ставшим. Едва зародившаяся условность подчиняет себе тенденцию развернувшегося процесса становления, постепенно отторгая те из переходных форм, которые препятствуют ее дальнейшему развитию, и удерживая лишь более или менее перспективные ростки нового, ибо, как отметил Гегель, «не результат есть действительное целое, а ре-

зультат вместе со своим становлением: цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший после себя тенденцию»⁴.

Формирующаяся «органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов»⁵, подчиняет и преобразует собственные предпосылки. Одни из них она превращает в структурные компоненты, органы своего «тела» и «каналы» их внутреннего взаимодействия, выступающие в процессе становления фактором ее закрепления, функционирования и развития в новом качестве; другие непосредственно в формирующуюся целостность не входят, напротив, из нее выталкиваются, но играют роль условий, без которых она не может ни сформироваться, ни функционировать. Предпосылки второго рода выступают, по словам Маркса, «как условия осуществления всего процесса, а не как факторы, действующие внутри него»⁶. Предпосылки же первого рода, как полагал Гегель, следует рассматривать в качестве исходного материала для нового предмета⁷.

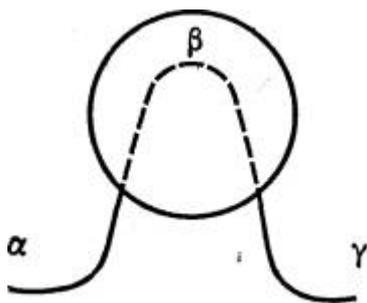
Изложенное позволяет яснее очертить теоретически возможные границы и представить суть этапа становления как «взрыва» старого качества и вступления процесса развития в стадию созидания новой системы. Эта стадия также представляет собой двуединый процесс. Противоречивая, неустойчивая предсистема переходного типа вновь «раздваивается». Эволюционно более молодая и перспективная, «дочерняя» структура (как продукт предшествующего отрицания) становится системообразующей основой того нового качества, вокруг которой отныне группируются, преобразуясь по ее «образу и подобию», заводившиеся в переходный период предпосылки генезиса новой системы и присущих ей закономерностей.

⁴ Итак, необходимо различать процессы возникновения (начала) и становления, поскольку «возникновение предполагает становление как свое продолжение, а становление предполагает возникновение как свое начало»^а и, следовательно, правомерно говорить о начале становления.

Представляется возможным выделить следующие характерные черты этапа становления: 1) преобладающее формирование связей нового типа

в складывающейся системе, а также «подгонка» к ее закономерностям, «доделка» именно в данном направлении элементов переходной ступени, развивающихся в процессе отрицания старого качества, а потому эволюционно податливых и пластичных; 2) зарождение и развертывание «завязи» новых отношений, которые представляют собой диалектическое единство внутренних, межэлементных связей и внешних отношений к окружающей природе. Это обеспечивает возрастание и внутренней целостности, способности сохранять стабильность, развиваться на собственной основе, и автономности органической системы по отношению к окружающей среде. Данные процессы связаны как с ускорением развертывания (либо вытеснением на периферию) нового качества, так и с устранением неустойчивых переходных форм, т. е. с преобладанием внутренних процессов развития (структурных) над внешними (функциональными) и известным «освобождением» первых от давления со стороны вторых⁸.

Динамику взаимодействия внутренних и внешних факторов в процессе перехода от одного качества к другому схематически можно представить следующим образом: *Схема 1*

Абстрагируясь от внешних связей объекта, можно сказать, что смена старого качества новым есть переход от одного, исходного стабильного, устойчивого состояния объекта (системы) к другому, тоже зрелому системному целому. Причем на стадии отрицания (α) устойчивость объекта падает, он становится максимально подверженным внешним воздействиям и эволюционной пластичности в рамках промежуточного качества, особенно в мо-

==196

мент скачка (ρ), а затем опять нарастает (уже на иной основе) по мере реализации тенденции становления нового качества (f).

[00.htm - glava45](#)

Две структуры в одном субстрате

В процессе антропосоциогенеза «посредником» между новым и старым, биологическим и социальным выступает развивающаяся трудовая деятельность. Как социальный феномен она выступает отрицанием «чисто» биологических способов жизнеобеспечения ископаемых животных предков конца третичного—начала четвертичного периода. И в этом смысле, видимо, вполне правомерно «говорить не только о самоотрицании биологического, но и об его отрицании формирующимся социальным», ибо «чтобы труд мог вытеснить чисто биологические приспособления к внешней среде, он должен стать более эффективным, чем реакции животного, средством существования, что в свою очередь невозможно, пока он целиком подчинен биологическим потребностям... развивается на чуждой ему основе»⁹.

Однако природное бытие (т. е. биологическое) не отбрасывается полностью. Оно «уходит в основание» общественного бытия, нередко проявляясь в экстремальных ситуациях. Ф. Энгельс подчеркивал, что «шлейф» животности легко обнаруживался на ранних этапах исторического развития: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹⁰. Проявление «чисто» биологических (или, как иногда говорят, зоологических) форм поведения зафиксировано в медицинской (психические заболевания) и социальной (например, фашизм) патологии.

В экстремальных экологических условиях ископаемые австралопитековые, опираясь на развитый (благодаря наличию центральной нервной системы) поисковоисследовательский рефлекс и навыки

манипулирования биологически-нейтральными предметами, в дополнение к органам тела использовали отдельные предметы природы для добывания пищи или для устранения непосредственной угрозы их существованию (например, в случае обороны). На рубеже животного и социального миров,

==197

видимо, проявлялась и общебиологическая тенденция морфологического закрепления в структуре организма прогрессирующих гоминидов эволюционно-перспективных функций органов, осуществляющих одновременно и такие функции, которые прежде выполнялись путем непосредственного взаимодействия со средой. В частности, в рамках переходной ступени прослеживается «расщепление», а затем и смена исходной биологической функции прямого жизнеобеспечения ископаемых гоминидов (путем использования органов собственного тела) во многом сходной с ней функцией манипуляции неорганическими естественными предметами с целью изменения внешней среды, а не физиологического самоизменения, приспособления к ней.

Столь закономерная ориентация экзосоматической активности на биологически нейтральные предметы внешней среды, видимо, основана «на уникальном свойстве организации живых систем — мультифункциональности, т. е. способности структуры обладать несколькими функциями и быть преадаптированной к выполнению новой функции». Это связано прежде всего с усилением роли и значения функций координации и регуляции (и соответственно роли и значения самого регулятора: в индивидуальном развитии—мозга, в коллективном—традиций) отношений с внешней средой и внутрисистемных взаимодействий. Г. Н. Настевич, например, видит проявление во многом сходной тенденции в возникновении новых внешних функций стада формирующихся людей (гоминидов) как системного целого, в образовании новых локальных структур элементов и их функций и т. д. Иначе говоря, в рамках биологической формы движения материи происходит повышение организационного уровня в стаде предгоминидов как суммативном образовании, возникают интеграционные связи 'более высокого порядка систем, в которых элемент начинает определяться через новое, уже системное целое, а сама система составляется из функционально иных элементов, обуславливая тем самым становление органического целого из систем^ ного¹².

Многообразные изменения элементов и связей в процессе антропосоциогенеза можно представить в виде следующей схемы (2).

На этой схеме представлена гипотетическая (но подтверждаемая в экспериментах с человекоподобными

==198

поведения переходных существ, соотношение которых могло существенно варьировать в зависимости от конкретных экологических условий и демографических предпосылок.

Ослабление старых и зарождение новых связей между индивидами и различными предметами природы создавали в рамках первобытного стада возможность комбинирования и закрепления эволюционно-перспективных сочетаний различных элементов процесса жизнедеятельности «переходных существ». Так, предпосылкой интеграции элемента А с элементом С, т. е. «сращенности» ископаемого антропоида с предметом природы, выполняющим роль биологически-нейтрального посредника, естественного орудия, является предварительное обособление, отделение и известное дистанцирование их обоих от элемента в (внешней природной среды обитания), которое осуществлялось специфическими путями.

Элемент а, видимо, освобождался от исходной «сращенности» с элементом в в рамках биологической формы жизнедеятельности, по мере того, как антропоиды постепенно разрывали непосредственную зависимость от природного биотопа и тем самым открывалась возмож-

==200

ность подчиненно-подчиняющего воздействия на некие объекты окружающей природы.

Несколько иначе, как можно предположить, происходило постепенное отпочкование от исходной структурной целостности (внешней природной среды) ее биологически-нейтральной, выполняющей функции посредника части (элемент с).

Внутреннюю логику процесса интеграции, «сращенности» ископаемых антропоидов с предметами природы, преобразуемыми в орудия, и друг с другом можно представить следующим образом.

Оставляя в стороне складывающиеся формы общения по поводу добычи пищи, взаимоотношения полов, сохранения огня, организации охоты, собирательства, «пещерного» быта и т. п., а также различные виды протокооперации, следует особо отметить ведущий, системообразующий момент— зарождение и развитие орудийной деятельности, в процессе которой осуществлялась трансформация «чужой», внешней природы в «свою», внутристадную. От присущего животным усвоения предметов природы в процессе их жизнедеятельности отделялось присвоение естественных объектов: поиск, изъятие из внешней среды, а также использование предметов-посредников с целью добывания (убийство животных), доставания (диких плодов, корневищ), преобразования (разделка трупов животных) средств удовлетворения биологических потребностей, а затем создание орудий труда вначале с помощью других предметов природы и естественных органов и позже посредством искусственных орудий.

Связь индивид — орудие постепенно выкристаллизовывалась в процессе эволюции на переходной ступени и закреплялась в качестве все более надежного и необходимого средства поддержания равновесия с внешней средой. Этот компонент жизнедеятельности ископаемых гоминидов, передававшийся по внегенетическим каналам складывающейся социальной наследственности, открывал путь универсальному отношению индивидов к природе и друг к другу. Можно предположить, что данный небιологический компонент у некоторых микропопуляций становился необходимым условием выживания. Расширились функции и усложнялась структура процессов производства и использования орудий труда. Будучи ядром нового образа жизни, эти процессы неизбежно влияли

на пластичную биопсихологическую природу ископаемых предков, создавали необходимые условия для формирования способности к совместной трудовой деятельности. Становящийся человек все более осознавал невозможность обеспечить вне и без труда свое биологическое существование. Способность к труду и необходимость трудиться все теснее увязывались в его психике с возможностью применять «неодушевленные» предметы природы в качестве вещественных элементов процесса труда. Использование ископаемым антропоидом биологически-нейтральных предметов природы в процессе развития орудийно-трудовой деятельности привело к формированию макроэлемента нового качества (*ac*). Он умел делать и использовать орудия и эволюционировал в направлении *Homo sapiens*, становился субъектом труда и общественных отношений.

Кроме того, в ходе эволюционного развития «переходных существ» происходило структурирование (за счет устранения противоположности между вовлеченной в процесс труда и оставшейся вне его пределов природой) новой функциональной связи между разорванными таким образом элементами внешней природы. Это означало разделение орудия и предмета труда и отделение их от естественных предметов потребления, которые предки человека употребляли необработанными. В главе третьей рассказывалось об опытах Г. Ф. Хрустова и К. Э. Фабри, показавших, что человекообразные обезьяны в актах квазитрудовой деятельности фиксируют внимание не на преобразовании «обрабатываемого» предмета, а на метаморфозах предмета-посредника как «самоцели» их манипуляционной активности. Поэтому «проясняющееся» сознание формирующихся людей благодаря уяснению полезного эффекта воздействия биологически-нейтрального предмета на биологически-необходимый сосредоточивается на функциональных свойствах орудия, все более отделявшегося (в результате подработки, изготовления, применения, ремонта и т. д.) от остальной внешней природы и служившего основным объектом приложения усилий по обеспечению жизнедеятельности. Орудие труда «поглощает» вещество, из которого оно изготовлено или состоит, т. е. свою субстратную, природную основу, и становится носителем опредмеченного, овеществленного труда как предпосылки и условия функционирования и развития способности формирующихся людей к труду.

Итак, если условием развития инстинктивно-животных форм труда был «разрыв» элементов внешней среды на биологически-полезные и биологически-нейтральные, то предпосылкой завершения антропосоциогенеза выступает специализация функций изменения девственной и использование для этой цели уже обработанной природы, а также сохранение и воспроизводство их органической связи в искусственных орудиях труда. Здесь истоки генезиса «второй» (искусственной) природы, создаваемой человеком. Внешняя природная среда тоже как бы раздваивается: частично, в качестве предметов труда она входит в основания жизнедеятельности людей, отчасти же вытесняется за пределы последней как объективное внешнее условие существования и дальнейшего развития общества. В результате складываются новые взаимосвязи общества и природы. «Практически универсальность человека,— подчеркивал К. Маркс,—проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно—природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живёт* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть»¹³.

Становление целостности

Такое понимание роли природы в жизни человека помогает приоткрыть завесу над скрытыми временем тайнами становления человека и общества, выяснить, как и почему животный тип связи ископаемого антропоида с палеолитическими флорой, фауной, климатом, ландшафтами, геологическими процессами и т. п., его непосредственно потребительское отношение к ним трансформируются в качественно новую форму отношений человека и природы. В ходе антропосоциогенеза природа постепенно становится не просто естественным источником удовлетворения производственных и иных потребностей людей, но она несет на себе все более значительный «отпечаток» их деятельности, культуры, отношения друг к другу.

На заключительных стадиях антропосоциогенеза процесс концентрации предпосылок формирования нового

==203

качества завершается их динамичной трансформацией в целостность более высокого уровня самоорганизации — в органическую систему — общество. Этот «самостоятельный организм»¹⁴ в процессе формирования на фундаменте достаточно зрелых предпосылок вырабатывает определенный критерий отбора элементов переходного типа, отвечающих надындивидуальным, интегративным, системным характеристикам органического целого, которое находится в процессе становления. Иначе говоря, тенденции динамичного формирования системы социальных связей и отношений, развития до их уровня элементов переходного типа обуславливали друг друга, действуя в рамках единого интеграционного процесса становления органической целостности — социума, первобытнообщинной общественно-экономической формации.

Общественный человек как носитель субъективной способности к труду (*A*) с помощью искусственных орудий и средств труда (*C*) преобразует «по меркам любого вида» (К. Маркс) противостоящую ему внешнюю природу (*B*).

Нижний ярус схемы по существу воспроизводит Марксову формулу простых моментов процесса труда:

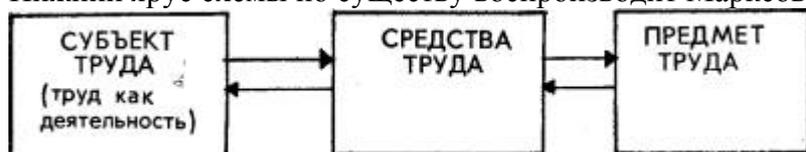

Схема 3

Его конечным пунктом выступает продукт, результат труда, в котором в «снятом» виде представлены характер и степень реализации субъективных намерений и возможностей совокупного и конкретного производителя. В нем отражены форма, интенсивность и эффективность воздействия на природный материал, а также специфические свойства природного субстрата, подвергшегося изменению посредством обработки орудиями труда.

Впрочем, даже на заре человеческой истории большая часть продуктов не выходила за границы сферы производства, продолжая свое существование в качестве новых орудий труда или сырья. «Лук охотника, невод рыбака... уже предполагают, — подчеркивал

==204

К. Маркс,—такой продукт, который перестает считаться продуктом и становится *сырьем* или, в особенности, *орудием производства*, ибо это есть собственно первая специфическая форма, в которой продукт выступает в качестве средства воспроизводства»¹⁵.

Завершая размышления о специфике и роли в структуре антропосоциогенеза его заключительного этапа, подчеркнем, что в процессе становления элиминируются переходные формы, не адекватные сущности складывающейся системы социальных связей и отношении; постепенно сокращается сфера безорудийного либо осуществляемого с помощью подручных естественных орудий, а также непосредственного использования предметов природы (сбор диких плодов, грибов, ягод, орехов и т. п.).

На завершающей стадии антропосоциогенеза происходит стабилизация новой органической системы—общества, развитие которого затем развертывается на новом уровне. Основоположники марксизма, говоря о «детстве человеческого рода», подчеркивали, что первобытность «образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства»¹⁶.

Сущность и историческое предназначение первобытнообщинной общественно-экономической формации составляет закрепление возникших в процессе антропосоциогенеза социальных отношений. «Первобытный коммунизм,—писал А. В. Дроздов,—был лишь средством, условием и формой утверждения социальной жизни. В этом заключались его историческое назначение и роль, а вместе с тем и историческая ограниченность.

Выполнив свое историческое назначение, он в ходе развития с неизбежностью был сменен новыми формами общественной жизни»¹⁷.

¹⁵ Гегель. Феноменология духа. Соч., т. IV. М., 1959, с. 6.

² Там же.⁸ Там же, с. 370.

⁴ Там же, с. 2.

⁵ Гегель. Соч., т. IX, с. 32.

⁶ Маркс К... Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 57.

⁷ См. Гегель. Энциклопедия философских наук, т. I, с. 326⁷» Кохановский В. П. Историзм как принцип диалектической л.) гики. Ростов-иа-Дону, 1978, с. 85, 89.

⁸ Подробнее об этом см.: Андреев И. Л. Диалектика пергхода к новому качеству в историческом развитии.—Проблемы М;іТеріі;і'ііі-

стической диалектики. Тюмень, 1969, с. 64—77; его же. Соотношение формы и содержания, структуры и функции, элемента и системы. — Ленин и диалектика. Свердловск, 1970, с. 75—83.

⁹ Григорьев Г. С. Характер и движущие силы перехода от биологического к социальному. — Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1968, с. 135, 126.

¹⁰ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 183. " Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980, с. 63, 144—145.

¹² См. Настевич Г. Н. Социальное качество. — Категории социальной диалектики. Минск, 1978, с. 31.

¹³ Маркс К; Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 565.

¹⁴ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

¹⁵ Там же, с. 251.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 118.

¹⁷ Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 99.

==206

[00.htm - glava47](#)

Глава десятая НИ МАУГЛИ, НИ РОБИНЗОН

[00.htm - glava48](#)

Индивид, коллектив общество

В буржуазной науке нередко встречается вопрос: что возникло раньше—индивид или общество? Уже Гегель и Фейербах сделали значительный шаг в его решении по сравнению со своими предшественниками. Гегель подчеркивал диалектическую взаимосвязь сознания индивида и сознания человечества, хотя его абстрактно-бестелесный индивид был лишь бесплотным творением абсолютной идеи. Фейербах не мыслил индивида вне непосредственного взаимодействия со своим «другим». «Отдельный человек, как нечто обособленное, — писал он, — не заключает человеческой сущности в себе ни как а существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальности различия Я и Ты»¹.

К. Маркс выявил ограниченность взглядов Фейербаха, рассматривавшего человека в отрыве от предметной деятельности, от системы общественных связей. «... Сущность человека,—указывал он,—не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Л. Фейербах предпочитает, по словам Маркса, «1) абстрагироваться от хода истории... и предположить абстрактного—*изолированного*—человеческого индивида; 2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными узами*»². Акцент на природные, биологические аспекты социального поведения и общественной жизни присущ авторам модных современных буржуазных доктрин—Э. Уилсону (концепция «социобиологии»), Р. Докинсу (теория «эгоистичного гена»), Р. Триверсу (идея взаимного альтруизма)³ и т. п.

Сознание индивида отражает систему общественных взаимосвязей, элементом которой он является. «Чело-

век,—подчеркивал К. Маркс,—есть в самом буквальном смысле общественное животное, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»⁴.

Вместе с тем, отвергая трактовку общества как простой совокупности людей, К. Маркс отмечал, что общество—«продукт взаимодействия людей»⁵, оно не состоит из индивидов, а выражает сумму связей и отношений, сложившихся между ними. В обществе действуют «свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам»⁶. При этом он указывал: «Как само общество производит человека как человека, так и он производит общество»⁷. К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что «уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди.. »⁸.

Исторически наиболее ранней формой общественной связи, по Ф. Энгельсу, выступает зарождающаяся путем отрицания животной стадности «родовая связь». Соответственно складывается и основанная на родовых связях структура общества⁹. Поскольку «общественная жизнь является по существу практической», деятельностной, постольку сферой взаимодействия общества и индивида объективно выступает коллектив, в первую очередь производственный, «производящий и воспроизводящий себя в живом труде»¹⁰. С изменением экономических, социальных, демографических и экологических условий он также претерпевает определенные изменения. В основе первобытного коллектива лежит «естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы...»¹¹.

Первоначально индивид еще непосредственно взаимодействует с природой и не связан с другими людьми¹ за пределами кровнородственных групп. На ранних ступенях развития индивид «выступает как родовое существо, племенное существо, стадное животное»¹² и включается во «внешнее» общение «только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива»¹³. Лишь исходя из этого можно понять специфику существования перво-

бытного человека как субъекта формирующихся социальных отношений. Новые отношения между индивидами вырастали на естественной основе, поскольку именно «их потребности, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда)...»¹⁴

Приведенные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса свидетельствуют о том, что методологические основания разработанной ими общей теории исторического процесса наряду с диалектико-материалистическим подходом и/ классовым анализом включали в себя признание органического единства принципов системной целостности общественной жизни и деятельности как реального способа ее воспроизводства.

Понятие деятельности занимает при этом особое место в марксистском анализе человеческой истории. Человеческая деятельность вообще невозможна вне коллектива, без совместных усилий многих индивидов, вступающих для этого в определенные отношения. Ядром, фундаментальным основанием, источником разветвления всего многообразия форм человеческой деятельности является труд. «Он выступает как своеобразная «клеточка» и в этом смысле прототип любой деятельности, прежде всего трудовой деятельности, всего процесса материального преобразования природной среды»¹⁵.

Деятельность по преобразованию природных условий человеческой жизни как субъект-объектное отношение детерминирована двояко: во-первых, объективными свойствами используемых предметов природы, изменяемых в процессе деятельности, и, во-вторых, свойствами самих индивидов, их физическими и духовными силами, характером их связей и отношений, уровнем развития индивидуального и коллективного (общественного) сознания.

[00.htm - glava49](#)

Деятельность и коллективность

Важнейшим моментом исследования заключительной стадии антропосоциогенеза является анализ процесса формирования из инстинктивно-животнообразных трудовых операций наших далеких предков коллективной деятельности как системообразующего начала, зерна и прообраза будущей зрелой социальности. Задача такого анализа заключается в том, чтобы показать, как подчеркивает В. П. Кузьмин, что «именно...совместность, коллективность жизни, труда, производства, знания и сознания, языка и человеческого мышления представляет собой *сверхбиологиче-*

≡209

сков основание человеческого бытия, такое качество, которое не вытекает прямо и непосредственно из биологических потребностей», ибо еродовая субстанция человека заключена *вне его*, в обществе»¹⁶. Коллективная деятельность является тем зерном, из которого вырастает все богатство социальных отношений индивидов.

Стать субъектом деятельности индивид может, только «вырвавшись» из чисто природного бытия и таким образом получив возможность увидеть природные процессы, себя и свое место в мире как бы со стороны. Конечно, это нельзя понимать как абсолютный отрыв человека от его природных основ. Но «это, — подчеркивает В. П. Иванов, — тот фундаментальнейший поворот, на котором свойство *самоорганизации* живых систем уступает место механизму самоконтроля, что означает возникновение «отношения» к самому себе, становление «самости», субъективности с ее имманентной способностью быть «для себя». Этот поворот теоретически можно мыслить как возникновение нового типа активности, который определяется уже не видовым способом существования, закрепленным в инстинкте, а коллективным, опосредующим биологическую связь предметно-деятельным отношением»¹⁷. Выход человека из царства животных означает вместе с тем становление его деятельного отношения к миру, самоопределение его как родового существа и субъекта. Общественная, деятельная сущность человека имеет своей объективной основой предметно-рефлексивную деятельность индивидов по преобразованию как внешней, так и собственной — внутренней — природы.

Тезис о деятельностной (по терминологии некоторых авторов, «практической») природе антропосоциогенеза предполагает, что складывающийся труд есть не только совместная предметно-преобразующая орудийная деятельность, выступающая условием биологического выживания, но и тот «стержень», вокруг которого кристаллизуются предпосылки будущего многообразия социальных связей индивидов. Стадность высших животных — это лишь отдаленная биологическая предпосылка

социальности. Именно зародившаяся в рамках переходной ступени коллективность как наиболее ранний общественный способ деятельности формирующегося человека оказывается своеобразным средством, «орудием» внебиологического «наследования» навыков и достижений развивающейся трудовой деятельности, аккумуляции **их** в совокупный

==210

опыт. В силу этого коллективность выступает не только формой сообщества, но и объективной предпосылкой и формой организации деятельности. «Первоначальные формы социальности,—пишет И. Н. Молчанов,—реализуются как *непосредственно коллективный способ жизнедеятельности индивидов*^-. Он выражается прежде всего в объективной зависимости индивидов друг от друга, их сотрудничестве и тем самым обмене деятельностью. «Именно коллективность выступает *интегрирующим* фактором всех необходимых моментов социальности. Она обеспечивает целостность всех моментов социального бытия, ту целостность, которая как раз и делает чисто природные факторы моментами уже другого, внебиологического развития»¹⁸.

Важное эвристическое значение понятия коллективной деятельности в анализе процесса антропосоциогенеза проявляется на разных уровнях его изучения. Рассматривая генетическую связь в развитии биологической и социальной форм жизни на Земле, В. И. Плотников отмечает, что «группа индивидов, взаимозависимых друг от друга в процессе трудовой деятельности (даже если таковая лишь зарождается), в складывающейся социальной системе выполняет качественно другую функцию, чем сообщество (стадо) в биологической. В последнем случае группа особей является прежде всего носителем функции временной непрерывности вида. В социальной системе такая группа является носителем функции обмена веществ с окружающей природной средой»¹⁹.

Существует точка зрения, что именно изготовление орудий труда характеризует перерыв постепенности в развитии животногообразных форм труда и знаменует собой начало формирования системы коллективной деятельности и собственно социальных отношений. Так, Ю. К. Плетников считает, что выражавшее сущность двойственной природы формировавшегося человека противоречие между биологическим и социальным выступало прежде всего как противоречие между стадом и зарождавшимся внутри стада производственным коллективом. Отсутствие биологической специализации у формировавшихся людей не позволяло им противостоять природе. Поэтому они объединялись и сплачивались в трудовой коллектив, составляющий главную производительную силу. При этом, отмечает он, «присвоение продуктов совместного труда постепенно перестает быть естественной

•

==211

связью организма с окружающей средой. Оно начинает выражать отношение первобытных людей друг к другу»^{зд}.

И. В. Бычко также подчеркивает, что формирующаяся коллективная деятельность в огромной степени зависит от накопления трудового опыта (умения пользоваться орудиями, навыков обработки материала и т. п.) в созданном человеком орудии. Это обусловило одновременно и складывание социальных

отношений. «Неудивительно,—пишет автор,—что социальные связи появляются с переходом от австралопитеков к питекантропам, то есть к тому типу предчеловека, который систематически изготавливает орудия. Вместе с этим появляется и первый коллектив, существенно отличающийся от сугубо животных объединений, — предчеловеческое стадо. В нем складываются уже первые производственные связи. Однако биологические закономерности здесь далеко еще не утрачивают свою силу»²¹.

Н. А. Тих специально посвятила заключительную главу монографии «Предыстория общества» попытке реконструировать процесс смены биологического сообщества обезьян переходными к собственно социальным формам стадной организации предгоминидов. Она отметила связь генезиса труда с изменением основного связующего звена при формировании новых «коллективных» объединений. Если раньше в качестве такового выступала половая потребность, «то в новом сообществе ее постепенно стала вытеснять необходимость в коллективной деятельности, связанной с удовлетворением пищевой потребности. Другими словами, в сообществе предгоминид в соответствии со сменой ведущей функции ясно наметилась смена главной доминанты в поведении индивидов. Первым следствием новой формы пищедобывательной деятельности в стаде предгоминид должно было быть систематическое нарушение пространственно-временного единства полов, и объединение самец—самка уступило первое место однополым по преимуществу группам охотников и собирателей»²².

С позиций системно-деятельностного и системно-генетического подходов рельефно выступает методологическая уязвимость стремления некоторых исследователей найти истоки таких социальных явлений, как экзогамия, матриархат и даже коллективные интересы в мире животных. В этом плане представляется недостаточно обоснованной предпринимаемая Л. А. Файнбергом экстраполяция

212

ция современных этологических данных непосредственно на ранние этапы человеческого общества. Такая экстраполяция привела автора к вызывающему сомнение "ыводу, будто «уже в высших типах зоологических on' ° "нений были зачатки и предпосылки некоторых форм поведения и институтов, таких, как учет интересов isu \лектива и кровного родства по материнской линии, экз:)гамия, взаимопомощь, и некоторых других, позднее развившихся у древнейших людей и в процессе трудовой деятельности сыгравших большую роль в функционировании их социальной организации и становлении человеческого общества в целом. Исходя из всего сказанного, мы считаем допустимым при попытках восстановить древнейшие формы организации предгоминид и ранних го\;1нид, наряду с данными археологии и палеоантропологии, пользоваться данными, относящимися к внутри- и ме/кстадным отношениям у различных видов обезьян»²⁴.

Не исключая в принципе эвристических возможностей метода экстраполяции, в частности использования некоторых данных приматологии и этологии обезьян, в реконструкции отдельных деталей антропосоциогенеза и особенно процесса «разобезьянивания» высокоразвитых деспециализированных ископаемых понгидов, все-таки следует иметь в виду ограниченность этого метода, который в случае его абсолютизации может лишь помешать выяснению объективной логики становления на фундаменте природного начала определенных социальных свойств у представителей переходной стадии антропосоциогенеза. Возникновение социального нельзя объяснить чисто биологическими аргументами. В плане генезиса все новое как бы рождается дважды: как тенденция и как результат, как отрицание старого л как становление нового²¹. В подходе Л. А. Файнберга «первое рождение» нового потерянo, преемственность вытеснила отрицание.

Впоследствии Л. А. Файнберг дополнил свою схему реконструкции процесса антропосоциогенеза аналогиями с плотоядными стайными хищниками. Причем если в стадах приматов он видел, как показано выше, далекий прообраз предсоциальной и ранних форм социальной организации, то в их

поведении и структуре взаимоотношений он увидел основу для реконструкции охотничьих предкиллективов предгомнидов и коллективов древнейших гоминидов²⁶.

Попытки построить модель ископаемого гомикида по

==213

аналогии с человекообразными приматами встречались и ранее, в частности в книге М. Иди «Недостающее звено». Там содержалась такая схема реконструкции процесса антропосоциогенеза: «Соедините особенности, присущие гоминиду, с совместной охотой и дележом добычи, свойственным плотоядным общественным животным, и вы получите (во всяком случае вначале) существо, подобное австралопитеку: охотника, который охотится по-новому — на двух ногах и при помощи оружия. Под воздействием этого нового образа жизни его сметка непрерывно растет, и со временем охотником он становится на редкость искусным»²⁷.

Вообще говоря, и преобладание социал-дарвинистского, позитивистского истолкования различных аспектов проблемы антропосоциогенеза в трудах буржуазных ученых, располагающих большим эмпирическим материалом и обладающих приоритетом в его первичной интерпретации, и часто неосознаваемое, по-человечески понятное стремление некоторых исследователей (в том числе и советских) как бы в целях большей доказательности приводимых аргументов «поменяться» ролями с ископаемым предком, мысленно «встать на его место» либо поставить его на свое — все это неизбежно сказывается на современном состоянии разработки концепции происхождения человека и общества. «Идолы пещеры» (субъективные предпочтения, ассоциации обыденного сознания, личные симпатии и антипатии, невольно приносимые человеком в оценки и деятельность), о которых предупреждал Ф. Бэкон в «Новом Органоне»²⁸, подчас уводят в сторону и весьма опытных исследователей. Думается, что тень подобных «идолов» легла и на аргументацию гипотетической мысли, высказанной Н. А. Тих, об участии собирательниц-самок сообщества предгомнидов в создании искусственных орудий труда. Это «домашнее занятие», считает она, «было более доступным для самок, чем для самцов, занятых охотой; в описываемую эпоху у самок не было еще кухонных забот: ни посуды для мытья, ни белья для стирки, ни материала для шивания и, следовательно, оставалось время для подработки, а затем и для выделки орудий. Если говорить о дальнейшей эволюции техники, то можно думать, что такие предметы, как скребла, иглы и другие мелкие орудия труда, являются продуктами деятельности самок. Таким образом, человеческая культура создавалась и развивалась представи-

==214

телями обоих полов, а на зачаточность самками даже, вероятно, в большей степени, чем самцами»²⁹. Такая аргументация едва ли может быть принята всерьез.

Именно совместный труд, коллективная деятельность, является предпосылкой человеческой истории, он выступает в процессе антропосоциогенеза как особое опосредующее звено между животным миром и человеком, постепенно становясь важнейшим условием существования человеческого общества.

С чего же «начинается» коллективная деятельность? Каковы ее природно-биологические предпосылки? Почему она зародилась именно в недрах переходной ступени?

Первобытное стадо как локальная популяционная ячейка, характерная для переходного этапа антропосоциогенеза, характеризовалась наличием двух относительно автономных структур связей и поведения индивидов. Одна из них—система непосредственного обеспечения биологических потребностей индивидов (питание как непосредственное усвоение «готовых» продуктов природы, половые отношения и продолжение рода). Другая содержала ростки отношений нового типа, опосредованных взаимодействием индивидов между собой и с биологически-нейтральными предметами природы. Эти отношения возникали с целью удовлетворения таких новых потребностей, как потребности в орудийной деятельности. Такие отношения как бы надстраивались над инстинктивно-рефлекторной структурой поведения первого типа—заботами о потомстве, групповым взаимодействием и т. п.

Одни и те же индивиды одновременно втягивались в ту и другую (распадающуюся биологическую и зарождающуюся социальную) системы общественных связей. Когда они срывали дикие плоды или сбивали их с помощью палки, бросали поднятый с земли камень в животное, их инстинктивный труд внешне мало отличался от поведения высших приматов. Но когда индивиды создавали орудия труда (пусть самые наипримитивнейшие), знаки, слова, когда сохраняли и добывали огонь, совместно потребляли добычу, заботились друг о друге, выполняли обрядовые церемонии, они вели себя как люди. Постепенно в биологическое время их существования все более основательно «вклинивалось» социальное время. Итоги недавних исследований американскими и японскими учеными древнейших палеолитических стоянок Олдува некоего ущелья методами факторного анализа с обработкой:

[==215](#)

собранных материалов на ЭВМ позволяют надеяться, что наука получит свидетельства пространственной локализации проявлений исконно природного и зарождающегося социального бытия «переходных существ»³⁰.

Благодаря постепенной стандартизации форм расширяющегося ассортимента искусственных орудий социальная деятельность формирующихся людей обретала устойчивость, известную автономность по отношению к «чисто» природным процессам, все больше опиралась на собственные (несводимые к естественным) закономерности развития. В то же время она обладала пластичностью, необходимой для адаптивно-экологического, адаптивно-этологического, а затем комплексного адаптивно-адаптирующего функционирования сообществ приматов в изобилующей динамичными ситуациями и различными природными ритмами окружающей среде.

Фактически под влиянием среды по мере развертывания процесса антропосоциогенеза складывались специфические, на первых порах почти нерасчлененные гоминоидно-экологические комплексы, и формировавшиеся люди еще «несли» на себе, как улитка раковину, определенный тип ландшафтно-пищевых (природных) предпосылок своего собственного бытия.

Функции зародившейся коллективной деятельности достаточно жестко «задавались» условиями формирующейся коллективной жизни и отражались в проясняющемся коллективном сознании. В зависимости от естественного богатства флоры и фауны в рамках первоначально «непосредственного потребления», названного немецкими этнографами прошлого века «разбойничьим хозяйством» (Raubwirtschaft), происходило выделение собирательства (диких плодов, кореньев, трав, орехов, почек, а также яиц, насекомых, личинок, моллюсков, рептилий, червей и т. п.) и охоты на животных как двух видов деятельности, различающихся по экологическим и этологическим, физиологическим и даже психологическим параметрам.

[00.htm - глава50](#)

Охота и собирательство

Ф. Энгельс тесно связывал вопрос о возрастающем, разнообразии пищи предков людей и об ускорении антропосоциогенеза с постепенным развитием его деятельной и социальной стороны. «Охота и рыболовство,—писал он,— предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, и это знаменует собой новый важный шаг на пути

==216

к превращению в человека. *Мясная пища* содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ; она сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжительность других вегетативных (т. е. соответствующих явлениям растительной жизни) процессов в организме и этим сэкономила больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни... Привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полнее совершенствоваться из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи..»³¹

Вообще говоря, как свидетельствуют современные научные данные, переход к мясной пище имел, пожалуй, даже большее значение, чем предполагал Ф. Энгельс и чем это совсем недавно казалось многим ученым, которые подчас упрекали его в гипертрофировании столь «низменного», «банального» фактора, каким являлся характер питания наших ископаемых предков и переходных существ. Мясо гораздо калорийнее растительной пищи. Способствуя уменьшению брюшной полости, потребление мяса благоприятствовало становлению ортоградной походки, более быстрому выпрямлению. В силу большей питательности, быстрой перевариваемости, лучшей усвояемости и т. п. мясная пища значительно расширяла не только мышечно-энергетические, но и психические возможности организма, повышала активность антропоидов.

В качестве одной из причин перехода высших приматов, в основном растительноядных, к регулярному употреблению наряду с растительной (в этом их отличие от хищников) также мясной пищи, составляющей питание плотоядных животных, ученые указывают на проникающую радиацию в пещерах. Она действовала на генетический механизм ископаемых антропоидов по типу синдрома Бьюси—Кливера, вызывающего (через изменение структур медиальной стороны больших полушарий) предпочтение мяса растительной пище, потерю врожденных

==217

стадных реакций, отсутствие сезонных половых циклов и гиперсексуализм, а также огрубление прежде более тонких, хватательных функций задних конечностей³². Такова одна из возможных природно-биологических предпосылок «разобезьянивания» ископаемых обезьян, открывших дорогу процессу антропосоциогенеза.

Переход к употреблению (вначале эпизодическому, а затем, надо полагать, регулярному) мясной пищи зарождается, разумеется, раньше выделения охоты из комплексного «разбойничьего хозяйства». Однако

даже в ^рамках последнего этот переход, как полагают некоторые антропологи, не только имел важные последствия для физиологического и психического развития организма •(усиливал возбуждение центральной нервной системы, ее динамизм), но и существенно трансформировал внутривидовые отношения, вызывая реакции, аналогичные отдельным компонентам синдрома Бьюси — Кливера, в частности нарушение при захвате добычи иерархии «взаимоотношений», включая открытое игнорирование доминирующего самца и отказ последнего от своих «прав» в таких ситуациях. /

Изучая смену характера пищи ископаемых антропоидных существ, оказавшую влияние на закрепление прямохождения, В. П. Якимов сделал вывод о том, что «прерывность в эволюции предков человека, связанная с существенным качественным изменением их образа питания, должна была повлечь за собой серьезные перемены в их экологии и этологии, привести к значительной перестройке стадных отношений. Последнее же было одной из важных предпосылок становления новых взаимоотношений в возникавшем человеческом обществе»³³.

Вместе с тем неправильно преувеличивать значение мясной пищи, представляя ее чуть ли не главным фактором «очеловечивания» обезьяны, связывать добычу мяса с фатальной агрессивностью. Тем не менее попытки такого рода имеют место. Например, Р. Ардри отверг сомнения гетевского Фауста по поводу того, что было раньше— слово или дело, заявив, что вначале было оружие! А поскольку практически все орудия палеолита, как он утверждает, служили предгоминидам главным образом для нападения и уничтожения себе подобных, постольку формировавшийся человек оказался продуктом агрессивнобиологической эволюции некой ветви плотоядных обезьян-убийц. По поводу этих утверждений Ардри австрий-

[==218](#)

ский ученый-марксист В. Холличер иронически замечает: «Ранний человек в такой же малой степени был убийцей, как и сегодняшние рабочие на бойнях, поставляющие невегетарианцам мясо»³⁴.

Употребление мясной пищи было связано с ориентацией жизнедеятельности переходных существ на добычу подвижных, нередко способных эффективно защищаться и не связанных столь непосредственно, как растения, с природно-климатическими ритмами животных, обладавших развитой центральной нервной системой. Начиналось оно, возможно, с поедания павших, задранных хищниками слабых животных, остатков добычи, не съеденных дикими зверями, а также с разбивания камнями костей с целью получения костного мозга. В связи с этим некоторые ученые считают, что вначале камнем воздействовали на кости, скелетные остатки погибших и убитых животных и лишь много позднее им стали оббивать другой камень, которому нужно было придать определенные заданные формы и наделить совокупностью свойств, обусловленных его социальными функциями.

Таким образом, не гены агрессии, не врожденная кровожадность, не потребность в убийстве живых существ, а необходимость защищаться от нападения крупных хищников типа пещерного медведя, саблезубого тигра, соперничать с ними за обладание удобными ландшафтными укрытиями и добычей, была естественной предпосылкой охотничьей деятельности предлюдей.

Характерно, что среди жертв охоты были и обезьяны. Учеными выявлено, что уже высшие обезьяны воспринимают низших обезьян не как близкородственные виды, а как элементы окружающей среды, предназначенные для удовлетворения обычных биологических потребностей. Отмечая разительный контраст взаимных реакций высших и низших обезьян, Н. А. Тих пишет, что «низшие обезьяны, например павианы, воспринимают любых других обезьян не только как отличающихся от них самих, но и как представителей родственных видов, что проявляется в защите ими обезьян других видов и попытках общения с ними. В отличие от этого шимпанзе, наблюдавшиеся нами, воспринимали павианов или резусов скорее как собак, чем как своих сородичей. В то же время высшие обезьяны легко

входят в контакт с человеком». Размышляя об описанных Р. Дартом австралопитековых, Н. А. Тих высказывает предположение об «исчезновении

==219

у предгоминидов тенденции к особому, материнскому, отношению к детенышам других видов» как необходимой психической предпосылки охоты и поедания не только низших обезьян, но, возможно, и себе подобных³⁵.

К особенностям охоты как вида формирующейся деятельности следует отнести в принципе более высокую, чем при «разбойничьем хозяйстве», продуктивность, и соответственно можно говорить о тенденции возрастания «демографической емкости»³³ ландшафтных зон, в которых развертывалась завершающая стадия процесса антропосоциогенеза. По данным Д. М. Брауна, человеку прямоходящему требовалось до 25 кв. км территории на каждого охотника, а численность групп (включая и неохотников) составляла 20—50 индивидов³⁷.

Охота динамичнее собирательства. Она включает в себя ряд физиологических моментов (погоню, каскад движений, концентрацию мышечной энергии в сравнительно короткий промежуток времени), а также психических (азарт, риск, возбуждение, интуитивные решения). Поэтому в структуре охотничьей деятельности ориентация на результат (можно затратить массу усилий и остаться ни с чем, и наоборот) представляется гораздо более важной, чем ориентация на процесс³⁸.

И наконец, соотношение *эффекта масштаба*³⁹ и *эффекта разнообразия*^{*0} (т. е. оптимальное количество участников и «набора» функций) охотничьей деятельности, а также ее орудий, объектов, технологических приемов, учитываемых ситуаций и т. п., постепенно сдвигается от первого ко второму, что создает предпосылки объединения в рамках гетерогенной кооперации различных по характеру конкретных усилий. Орудийная оснащенность охотничьей деятельности, возможность, необходимость и эффективность концентрации в короткий промежуток времени на ограниченном пространстве значительного количества орудий труда и опыта гораздо выше, нежели собирательства. Помимо употребления заранее заготовленных, проверенных и сохраняемых орудий (недаром, в среде примитивных охотничьих племен стрела, уже попавшая когда-то в цель, ценится больше двух новых) охота предполагает разработку конкретно-ситуативной технологии, сценариев возможного хода событий, композиционного плана деятельности участников с распределением функций и ролей каждого, мысленную проработку ожидаемых вариантов полностью не предсказуемого по-

==220

ведения животных, использования средств труда, оптимально гибкого рефлексивного (часто вне пределов видимости и слышимости) взаимодействия участвующих в охоте индивидов⁴¹.

Коллективность, как необходимое условие трудовой деятельности, в ее первичных формах, пожалуй, наиболее ярко проявляется именно в охотничьей и орудийной деятельности. Тот, кто делает орудие, не умрет с голоду при условии, что кто-то другой обеспечит его пищей. В свою очередь этот другой вряд ли сможет обеспечить достаточным количеством пищи не только создателя орудий, но и самого себя,

если не будет обладать и умело владеть достаточно эффективными орудиями. В обеих ситуациях индивид совершенствует управление собственными психическими процессами, которые в отличие от физиологических (непрерывных) дискретны. Что касается психики, то происходит затормаживание деятельности по удовлетворению непосредственных биологических потребностей, в рамках же физиологических процессов имеет место стимулирование деятельности за пределами сиюминутных запросов данного конкретного индивида.

Наряду с охотой в новых условиях совершенствовалось и собирательство. Помимо передачи от одного индивида к другому, от поколения к поколению навыков поиска, перемещения и хранения запасов пищи в местах заготовки материалов и орудий главной функцией собирательства оставалось удовлетворение потребностей в растительных продуктах. Кстати, наиболее богатые по биомассе траву и листья приматы, за очень редким исключением, не употребляют. Поэтому охота не исключала, а, напротив, предполагала одновременно собирательство. Охота давала сравнительно легко усваиваемую пищу, тем не менее удельный вес последней в рационе человека прямоходящего не превышал 25%⁴². Эти цифры подтверждаются и современными данными этнографии, согласно которым доля животной пищи, например, у наиболее примитивных собирательно-охотничьих племен Африки и сегодня не превышает 30%⁴³.

Собирательство было больше ориентировано на обеспечение жизни всех индивидов, включая охотников. Однообразный, монотонный собирательский труд с применением простейших орудий часто одноразового пользования; осуществлялся одновременно определенным числом видов (эффект масштаба). Здесь преобладал по-

==221

что не планируемый заранее, как правило, неинтенсивный труд, слабо проявлялась тенденция коллективности, сама кооперация была более гомогенна, устойчива, пронизана складывающимися традициями. Собирательская деятельность была значительно растянута во времени и рассеяна в пространстве.

Непосредственно биологический аспект собирательства проявляется в целенаправленном сборе растительной пищи сверх собственных потребностей. Это способствовало определенному затормаживанию некоторых индивидуалистических реакций и повышению (по сравнению с периодом «разбойничьего хозяйства») уровня ориентации индивидов на жизнедеятельность складывавшихся коллективов.

Собирательство в отличие от охоты закрепляло такие элементы деятельности, как поиск, сбережение, охрана от животных, птиц, других групп и т. п. созданного девственной природой «поля жатвы», на использование которого до созревания урожая накладывалось табу, снимавшееся вождем или советом старейшин в первый день жатвы. Непропорциональное, дисгармоничное развитие двух важнейших типов трудовой деятельности—охоты и собирательства, видимо, заводило в эволюционный тупик, тормозило дальнейший хозяйственный прогресс многих узлокальных групп производителей.

[00.htm - глава51](#)

Дифференциация коллективной деятельности

Каким образом изменяются этологические, поведенческие характеристики переходных существ, если, как полагает К. Лоренц, ставшие функциями организма и генетически «отпечатавшиеся» в нем врожденные механизмы поведения обладают свойством сохраняться в пределах биологического вида, подобно особенностям скелета?

В процессе антропосоциогенеза вместо генетически обусловленных механизмов поведения возникают различные типы социальной деятельности, передаваемые другим поколениям и общественным группам через формирующуюся культуру. Как конкретно прежний, биологический способ жизнедеятельности уступал место новому, социальному? Наметьте хотя бы гипотетические варианты решения этого вопроса может помочь, как представляется, исследование процесса разделения (в рамках переходной ступени) «разбойничьего хозяйства» на охоту и собирательство. Чтобы оптимально использовать природные за-

==222

датки самого индивида как производительной силы, первобытное стадо по необходимости периодически распадалось на две подгруппы—мужчин и подростков, женщин и детей. Психофизиологические возможности первой группы наиболее соответствовали охоте, второй — собирательству.

Таким образом, решалось одно противоречие— между психофизиологическими возможностями разнополых индивидов и специфическими формами их трудовой деятельности. Однако при этом возникало новое— между пищеобеспечивающей и генеалогической (продолжение рода и удовлетворение половых потребностей индивидов) функциями первобытного стада, что весьма существенно повлияло на изменение связей между индивидами и подгруппами. В частности, гаремная семья во главе с самцом в процессе становления охоты и собирательства по существу распадалась.

Некоторые буржуазные авторы полагают, что ситуация противоречивости, конфликтноеTM, сложившаяся в ту эпоху, якобы и сегодня предопределяет характер общественной жизни (Р. Ардри). Другие, например Д. М. Браун, напротив, видят истоки человечества в трогательном образе палеолитической мадонны с младенцем. Не труд, а всего лишь «долгая и полная зависимость ребенка от матери,—уверяет он,—привела к возникновению социальной организации, существующей только у человека»⁴⁴. Таким образом, становление общественных отношений, социальных форм организации жизнедеятельности буржуазные ученые объясняют, как видно, чисто биологическими причинами.

Правда, отдельные буржуазные авторы исходят вроде бы из материалистического тезиса о том, что «охота, все более становясь основным занятием человека прямоходящего, дала толчок к развитию социальной организации, которая имела явно человеческий характер». Однако критерий социального, «человеческого», выдвигаемый при этом, недостаточно строг, поскольку сводится к половым и семейным отношениям, которые к тому же трактуются весьма своеобразно. «Промискуитет,— утверждают Э. Уайт и Д. М. Браун,—вероятно был менее выражен: женщины стали не такими неразборчивыми, как их австралопитековые прабабушки, а мужчины ревнивей оберегали своих подруг. Хотя сомнительно, чтобы уже тогда кто-то подметил связь между половым актом и тайной деторож-

==223

ждения; первые люди скорее всего вели вполне определенную, хотя и достаточно свободную семейную жизнь»⁴⁵.

Можно предположить, что реальный процесс антропо социогенеза в данном плане шел иначе. Обособление охоты и собирательства неизбежно разделяло территориально и во времени трудовое и

половое общение. Отсутствие индивидов противоположного пола способствовало переключению деятельности с одного вида общения на другой (в частности, на трудовое общение), что обусловило большую мобильность психики. Закрепление определенного типа деятельности, особенно орудийной, обеспечивалось за счет тренировки психики, связанной с развитием труда. На этой основе складывались проторефлексивные, интуитивно-мыслительные механизмы взаимодействия и согласования деятельности, служившие своего рода предсубъективными предпосылками коллективного труда. Эти механизмы стали прообразом будущей общественной власти рода над индивидами.

Прежнее отношение к девственной природе вследствие сначала стихийного, а затем все более осознаваемого и целенаправленного создания естественных предпосылок, объективно необходимых для успешной жизнедеятельности формирующихся людей, дополнялось качественно новым отношением к опредмеченной, измененной человеческим трудом природе, присвоением ее складывающейся родовой общиной. Данную тенденцию иногда рассматривают как зародыш общественной собственности развивающегося хозяйственного коллектива на наиболее важные элементы естественно-природной и создаваемой искусственной среды.

Между мужской и женской половинами распадавшегося первобытного стада складывался скрепляющий их обмен деятельностью и ее продуктами. В широком смысле данное явление трактуется как взаимное удовлетворение индивидами своих потребностей в процессе разнородной, но в принципе взаимосвязанной деятельности, опирающейся на определенный тип (по полу) разделения общественного труда.

Невозможность обособленного существования, взаимодополняемость обуславливают формирование нового, надбиологического типа целостности обеих «половин» первобытного стада, ведущего «разбойничье» хозяйство. Стадность переходного типа перерастала в коллективность, несводимую к простой «сумме жизнедеятельно-

==224

гтей» многих изолированные индивидов. Как отмечал Э. В. Ильенков, «конкретное (эмпирически очевидное) существо связи, объединяющей различных индивидов в некоторое «одно», в *общее* множество, полагается и выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке, не в том определении, которое свойственно и тому и другому. Скорее такое единство (или общность) создается тем признаком, которым один индивид обладает, а другой—нет. И отсутствие известного признака привлекает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих»⁴⁶. Такое сравнительно прочное внутреннее единство сочеталось с автономностью и определенной обособленностью родовых общин и племенных групп от других аналогичных общностей, за исключением тех, связь с которыми была налажена и скреплена путем церемониально-обрядового обмена кровью, едой и женщинами.

Итак, не «готовое» общество и не «изолированный, исходящий сам из себя» индивид, как полагают некоторые буржуазные авторы, а коллективная деятельность, зародившаяся в первобытном стаде, составляет исходный пункт человеческой истории. В процессе развития коллективная деятельность закономерно расслаивается на общественную и индивидуальную деятельность. Ядром первой выступает выявляющий свою сущность в обмене способностями и силами труд вообще, абстрактный труд. В основе второй, напротив, лежит конкретный труд, существующий в рамках разделения труда, «рассечения» его на различные виды.

Общественная деятельность предполагает реализацию, проявление присущей человечеству способности целенаправленно преобразовывать окружающий природный и социальный мир, опираясь на механизм культуры, заключающей в себе квинтэссенцию общественного опыта. Общественная деятельность

начинается с «прорыва» узколокального горизонта жизни складывавшихся родовых коллективов и интенсификации их взаимодействия друг с другом.

Французские этнографы Р. и Л. Макариусы считают, что к установлению регулярных связей между различными родовыми группами привела охота, ибо в отличие от собирателей охотники, совершая далекие походы за добычей и неминуемо сталкиваясь с чужими «предплеменами» и племенами, оказывались перед дилеммой: вести с

==225

ними войну (фактически ту же охоту, но на себе подоб<ных) до полного уничтожения одной из групп или установить с ними какие-то связи, формы сотрудничества. «.. Так как первобытный человек,— пишет советский этнограф С. А. Токарев, комментируя книгу Макариусов «Происхождение экзогамии и тотемизма», — не может сознавать себя как-либо иначе, как членом какой-то кровнородственной группы, то и чужеплеменник для него, если перестает быть врагом, должен сделаться кровным братом; отсюда обычаи братания, побратимства..»⁴⁷

Связующим звеном между различными группами мог быть и обмен. Причем вначале обменивали не столько продукты, сколько предметы труда, созданные самой природой, т. е. естественные материалы, сырье для орудий, например камни для топоров или раковины для изготовления украшений. Нередко границы первобытного обмена значительно расширялись, он осуществлялся между многими племенами. Обмен способствовал своего рода концентрации в циркулируемых предметах их социальных качеств, поскольку они выступали как «полномочные представители» человеческого труда, как результаты общественной деятельности первобытных людей.

Палеолитические миграции были широко распространены на Земле. «Путешествовали» и люди, и сырье, и вещи, и трудовые навыки. Жизнь формировавшегося человечества все более превращалась в деятельность общественную, пронизанную общими закономерностями, наполнявшуюся социальным содержанием. Что касается языка, «сопровождавшего» передвижения и обмен с другими первобытными коллективами, то, минуя несколько все менее понятных языковых поясов в зоне этнолингвистической непрерывности первобытной эйкумены и оказываясь в среде с непонятным языком, формирующиеся и уже сформировавшиеся люди, видимо, интенсивно пользовались жестами, рисуночными изображениями и т. д. Это важное обстоятельство нужно учитывать при рассмотрении проблемы соотношения процессов генезиса и развития жестовой и звуковой речи.

Индивидуальная деятельность представляет собой систему видов активного предметно-преобразующего и рефлексивно-коммуникативного поведения человека, осуществляемого в общении с себе подобными и реализующего определенный план. Она является продуктом развития

==226

в процессе деления труда коллективной, совместной, еще ранее — стадной деятельности.

Доминирующая роль целостной коллективной деятельности по отношению к индивидуальному поведению сказывается прежде всего в том, что именно она придает ему социальный смысл. В первобытном коллективе распределение функций совместного жизнеобеспечения объективно

предшествует вырастающему на этой основе общественному разделению труда. Рассматривая значение труда в антропосоциогенезе как формы обмена деятельностью производящих индивидов, как такого отношения к природе, которое есть реализация коллективного взаимодействия людей, И. Н. Молчанов подчеркивает: «Именно в коллективности кроется специфический характер индивидуальной деятельности. Сама целесообразность действий индивида определяется главным образом не только осознанием внешних, природных условий деятельности, но осознанием целостной коллективной задачи, коллективных потребностей и усвоением коллективно выработанных средств реализации общей цели. Целесообразность действий индивида в условиях непосредственно коллективной деятельности есть прежде всего их *«i(ело)»*—сообразность—соответствие с целым, с действием всего коллектива»⁴⁸.

Некоторые ученые полагают, что индивидуальная деятельность рождалась из коллективной прежде всего в процессе охоты. «Именно охота,—пишет В. И. Колосницын,—создавала громадное количество неожиданных ситуаций, в которых старый коллективный опыт оказывался неприемлемым, именно она требовала от охотника-одиночки творческих решений, именно она поэтому формировала человеческую индивидуальность, а вместе с ней и самосознание, то есть дознание своего Я, отличия от других»⁴⁹. Несмотря на известное преувеличение индивидуального и тем более творческого характера охоты (особенно первобытной), данная точка зрения нам представляется убедительной.

Мысль о преимуществе схоты в этом плане может быть дополнительно аргументирована при сравнении ее с собирательством. В нем в отличие от охоты, отмечает Е. П. Дятел, «возможности для проявления индивидуальных качеств ограничены, от всех требуются одинаковые действия. Скорость передвижения группы и интенсивность деятельности в целом лимитируются возможностями нан-

==227

более слабой из участниц, в противном случае группа распалась бы. Вольно или невольно происходит или равнение на слабейшего участника в процессе труда, или уравнительное распределение добычи»⁵⁰. В собирательстве индивидуальная инициатива исключается, практически гасится сложившимися еще в эпоху «разбойничьего хозяйства» условиями совместного труда, закрепленными традицией, и в силу этого индивидуальная деятельность веками и даже тысячелетиями может оставаться неразвитой, находясь под спудом традиционных форм первично коллективного жизнеобеспечения.

Общественная деятельность (ОД) и индивидуальная деятельность (ИД) не могут функционировать и развиваться в отрыве друг от друга, вне взаимодействия, диалектического взаимоперехода друг в друга, осуществляемого в рамках коллективной деятельности (КД). Схематически это можно выразить

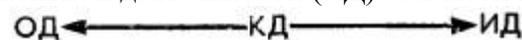
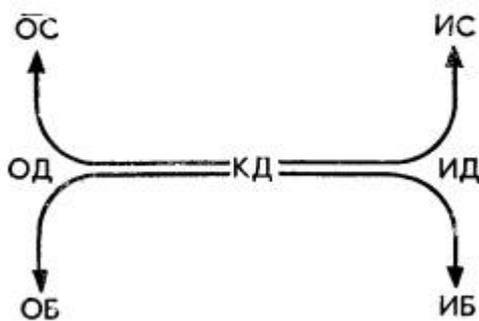

Схема 4

следующим образом (схема 4):

Схема 5

Однако это не единственный срез абстрактно-теоретического расчленения видов деятельности. В структуре общественной деятельности, являющейся общесоциальной «проекцией» коллективной деятельности, по мере прогрессивного развития человечества все более явно проступают контуры общественного бытия (ОБ) и общественного сознания (ОС), а в самодвижении индивиду-

==228

альной деятельности—абстрактные «полюсы» индивидуального бытия (ИБ) и индивидуального сознания (ПС). Схема теоретического развертывания названных выше понятий принимает новый вид (схема 5).

Закономерности взаимосопряженной эволюции общественного и индивидуального сознания и динамическая структура формирующегося общественного (и соответственно индивидуального) бытия, составляющая материальный остов генезиса и развития первобытнообщинной формации, будут рассмотрены далее.

¹ *Фейербах Л.* Избр. филос. произв. М., 1955, т. I, с. 203.

² *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 3.

³ *VCUson E.* Sociology; The New Syntesis. Cambridge, 1975 (сч. *Фролов И. Т.* Жизнь и познание.— Вопросы философии, 1979, № 6; *Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford University Press, 1977 (см. *Гаузе Г. Ф., Карпинская Р. С.* Эгоизм или альтруизм?—Вопросы философии, 1978, № 8); *Trivers R.* The Evolution of Reciprocal Altruism.—Quarterly Review of Biology, 1971, vol. 46 (см. *Сатдиноев Н. Х.* Критический анализ социобиологии. — Философские науч.-и, 1980, № 6, с. 93).

⁴ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 710.

⁵ *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402.

⁶ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 118.

⁷ *Маркс К; Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с. 589.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 28—29. ⁸ См. *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 25—26 ¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 4",3. "Там же, с. 462—463.

¹² Там же, с. 486.

¹³ Там же, с. 479.

¹⁴ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 439.

¹⁵ *Лекторский В. А.* Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания.—Системные исследования. М., 1977, с. 61.

¹⁶ *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 172, 174.

¹⁷ *Иванов В. П.* Человеческая деятельность—познание—искусство, с. 37.

¹⁸ Человек и мир человека, с. III—112.

¹⁹ См. *Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема, с. 120.

²⁰ *Плотников Ю. К.* О природе социальной формы движения материи. М., 1971, с. 23, 24.

²¹ *Бычко И. В.* В лабиринтах свободы. М., 1976, с. 26.

²² *Тих Н. А.* Предыстория общества. Л., 1970, с. 285.

²³ См. *Бондаренко Л. И.* Основные этапы становления социализма; Киев, 1979, с. 120, 130.

²⁴ *Файнберг Л. А.* О некоторых предпосылках возникновения социальной организации.—Советская этнография, 1974, № 5, с. 103. Оппонентами Л. А. Файнберга в дискуссии, разразившейся по

==229

статье, выступили В. В. Бунак, Ю. И. Семенов, К. Э. Фабри и др. (см. Советская этнография, 1974, № 5, с. III, 115—119, 123). ²⁵ См. Человек и мир человека, с. 113, 126. ²⁶ *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза, с. 15. ²⁷ См. *Иди М.* Недостояющее звено. М., 1977, с. 111. ²⁸ См. *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х томах, т. 2. М., 1972, с. 19.

²⁹ *Тих Н. А.* Предыстория общества, с. 284.

³⁰ См. *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979, с. 40—42.

⁸¹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 492.

⁸² См. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968, с. 598—599.

³³ *Якимов В. П.* Черты прерывности в эволюции человека, с. 6.

²⁴ *Холличер В.* Человек и агрессия. М., 1975, с. 127—128.

⁵⁵ См. *Тих Н. А.* Предыстория общества, с. 273.

Однако есть и другие мнения. В. В. Бунак, например, считает, что предгоминиды, включая австралопитековых, не могли быть охотниками, т. е. добывать мясо крупных копытных, из-за недостаточного физического развития и слабой вооруженности (см. Советская этнография, 1974, № 5, с. 109).

^{8в} См. *Долуханов П. М.* География каменного века, с. 15—16.

⁸⁷ *Уайт Э., Дейл М. Браун.* Первые люди, с. 128—129. ⁸⁸ См. *Оптнер С. Л.* Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1967, с. 15—16, 56—57.

⁸⁸ См. *Кобринский Н. Е.* Основы экономической кибернетики. М., 1969, с. 47.

⁴⁰ Концепция разнообразия сформулирована в книге: *Эшби У. Р.* Конструкция мозга. М... 1962.

⁴¹ Примером откровенной вульгаризации некоторых из перечисленных выше моментов, сочетаемой с отрицанием (вернее, непризнанием) определяющей роли труда, является постановка В. Кюме вопроса о

том, не может ли служить прообразом первобытной орды стая гиеновых собак, в которой существует разделение функций внутри стаи и согласованность действий во время охоты (см. *Kuhme W.* Hyänenhundrudel—Urbild der Horde? Verhaltensforschung in der Serengeti. «Umschau», 1965, Hf. 3).

⁴² Уайт Э., Дейл М. Браун. Первые люди, с. 128.

⁴³ См. Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 58, 60.

⁴⁴ Уайт Э., Дейл М. Браун. Первые люди, с. 125.

⁴⁵ Там же, с. 15.

^{4в} Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1974, с. 253.

⁴⁷ Токарев С. А. Новое о происхождении экзогамии и о тотемизме.—Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с. 258.

⁴⁸ Человек и мир человека, с. 104, 119—120. ¹

⁴⁹ Колесницы», В. И. Лекции по теории научного атеизма. Свердловск, 1975, с. 137.

^{б0} Африка: возникновение отсталости и пути развития, с. 73.

==230

[00.htm - glava52](#)

Глава одиннадцатая. МОГЛИ КРОМАНЬОНЕЦ ПОСТУПИТЬ В СОРБОННУ?

[00.htm - glava53](#)

Верхом на птеродактиле

Отвечая после своего доклада «Человеческий мозг—орган прогресса» на вопросы участников международной встречи ученых, организованной в мае 1961 г. в Руайомоне (близ Парижа) редактор журнала «Проблемы мира и социализма» и Центром марксистских исследований Французской коммунистической партии, доктор П. Шошар из парижской Высшей школе сказал: «Я думаю, что если бы у нас был сегодня маленький кроманьонский ребенок, которого мы взяли бы с рождения, он был бы в состоянии поступить в политехнический институт или быть видным социологом»¹. Свою точку зрения он аргументировал тем, что мозг кроманьонца ни по массе, ни по структуре и архитектонике принципиально не отличался от мозга современных людей. «Процесс выделения человека из животного мира—это прежде всего процесс возвышения мозга, создания органа,— отметил П. Шошар, — но сам человек начинает существовать лишь после того, как биологическая эволюция завершена. И с этого момента эволюция заменяется историей: больше уже нет никакого настоящего биологического прогресса; прогресс заключается лишь в использовании свойств мозга. У Пастера и у австралийского туземца один и тот же орган, различие лишь в культуре, в том, как они научились использовать его, и самые образованные люди еще далеко не умеют извлекать все возможное из этого чудесного органа: в своем ненаучном эмпиризме индийские йоги ушли в этом отношении дальше нас. Фактор культуры

неспособен действительно изменить биогическое; он может лишь или реализовать или не реализовать его»².

Четырьмя годами раньше упомянутого симпозиума известные анатомы У. Страус из Университета Джона Гопкинса и Дж. Кейв из медицинского колледжа при лондонской больнице св. Варфоломея, еще раз изучив сде-

==231

лаемые находки из местечка Ла-Шапелль-о-Сен, пришли к выводу, что европейский неандерталец внешне был почти таким же, как современные люди. «Если его можно было бы воскресить и поставить на платформе нью-йоркского метро,—писали ученые,—он при условии, что его вымыли, постригли, побрили и одели в современный костюм, — вероятно, привлек бы к себе не больше внимания, чем иные наши современники»³. Другой западный исследователь, Д. Берман, полагает, что неандерталец эпохи Шапелль вполне мог бы окончить колледж, тем более что по своим манерам и прическе он не очень выделялся бы среди других студентов⁴.

Заметим, что если кроманьонцы с их крупным мозгом, объем которого достигал 1600—1900 куб. см, выступают в такого рода эссеистских экспромтах буржуазных авторов своего рода эталоном интеллектуального человека, то в неандертальцах главным образом ищут внешнее сходство с современными людьми. Оказывается, что они обладали телесной организацией «готового человека» и умственными способностями, достаточными для обучения в колледже, а кроманьонцы — интеллектом не только университетского студента, но и (в потенции) современного ученого!

Как можно видеть, позитивистский подход к проблеме антропосоциогенеза приводит буржуазных исследователей к вульгарно-материалистическому отождествлению осанки с телесной организацией, объема и структуры мозга с интеллектом и сознанием. Физиологическое и психологическое развитие вне специфических видов орудийной деятельности, коллективизма, без языка и речи выступают, по мнению этих ученых, предпосылками и носителями социальных качеств переходных существ и формирующихся людей.

Как не вспомнить в данной связи о том, что несколько лет назад мировую прессу облетело сообщение об открытии неандертальской цивилизации, якобы существовавшей 150—200 тыс. лет назад на тихоокеанском побережье Южной Америки. Перуанский ученый, доктор медицины Х. Кабрера, основываясь на материалах своей уникальной камнетеки, выдвинул гипотезу о том, что одна из ветвей неандертальцев сумела достичь удивительно высокого уровня развития производительных сил, культуры, науки.

На камнях из Ики изображены, в частности, неандертальцы, делающие пересадку сердца, а также разьежаю-

==232

шие верхом на конях, слонах и . . . бронтозаврах. Вскоре появились сообщения, связывающие загадочные «взлетно-посадочные полосы» в перуанской пустыне Наска не с пришельцами из космоса, как в нашумевшем романе и кинофильме «Воспоминание о будущем», а с тем, что «неандертальцы

разумные» летали на... гигантских птеродактилях и других прирученных ими летающих ящерах, для чего требовался специальный «аэродром» («ящеродром»). Но как жившие сотни тысяч лет назад неандертальцы могли летать или кататься верхом на мезозойских рептилиях, вымерших сотни миллионов лет назад? Такого вопроса создатели приведенных выше гипотез, видимо, перед собой не ставили⁵.

Пожалуй, столь же поражают вульгарной модернизацией тех или иных этапов и тенденций процесса антропосоциогенеза встречающиеся в работах буржуазных исследователей рассуждения о «кроманьонском ренессансе», якобы пришедшем на смену оказавшимся в глубоком кризисе неандертальским популяциям и протокультурам. Многие из них даже уверяют, что если бы мы сейчас в часы «пик» столкнулись с представителями этих популяций в вестибюле метро или сутолоке школьных коридоров, то продолжили бы свой путь, не обратив на них особого внимания,—так похожи были на нас неандертальцы, жившие несколько десятков и даже сотни тысяч лет назад.

Если верить сообщениям прессы, ссылающейся на многочисленные «свидетельства очевидцев», в джунглях бассейна реки Конго, на ледяных гималайских плато, в тундрах Арктики, т. е. всего в нескольких тысячах километров от крупнейших антропологических музеев и кафедр **мира**, бродят сегодня нагоняющие ужас на людей существа двухметрового роста, покрытые шерстью, свистящие и рычащие, не овладевшие членораздельной речью и не имеющие орудий, склонные к каннибализму. Несмотря на громадные достижения современной техники наблюдения, эти реликтовые гоминоиды⁶ фантастически неуловимы.

В такого рода сюжетах о затерявшихся в глухих уголках планеты тупиковых ветвях «недочеловеков» и об их «очеловечивании», возможно, есть какое-то «рациональное зерно» (ведь была же найдена ископаемая рыба латиметрия). Однако в них обычно совершенно игнорируется фактор социальности, в частности критерии форми-

233

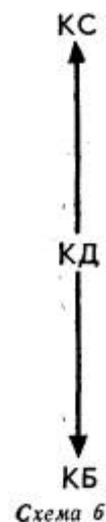
сующейся коллективной деятельности и коллективного сознания. Ясно, что кроманьонец не смог бы поступить в Сорбонну, поскольку он не был членом общества, поднявшегося до потребности в университетах, ибо дело не только и даже не столько в количестве и структуре мозгового вещества, сколько в содержании сознания, которое не является физиологической функцией данного органа, а отражает в «снятом» виде итог длительного развития

общества.

Каковы же важнейшие закономерности процесса происхождения сознания? Чтобы разобраться в этом вопросе, вновь обратимся к коллективной деятельности, к тому, как в результате ее развития формируется социальное во всем его многообразии.

Сознание складывалось на основе коллективной деятельности как чувственно-предметного, орудийного, целенаправленного изменения окружающей природы. По мере расширения рамок, усложнения содержания и форм этого процесса коллективное сознание как бы постепенно «воспаряет» над коллективной деятельностью, приобретая некоторую, сначала весьма относительную самостоятельность. Его диалектическим «другим» выступает сознание индивидов, которое является предпосылкой, условием и результатом их коллективной деятельности. В процессе совершенствования последней складываются объективные, независимые от формирующихся воли и сознания становящихся людей факторы, которые определяют их коллективное бытие, составляя фундамент дальнейшего развития (см. схему 6). В первоначально нерасчлененной материально-духовной коллективной деятельности (КД) формируются объективные факторы, которые существуют вне и независимо от

сознания индивидов и в совокупности составляют складывающееся коллективное бытие (КБ). Наряду с объективными выделяются и проходят процесс становления субъективные факторы жизнедеятельности первобытных коллективов — различные информационные, целеполагающие, мотивационные, волевые и т. п. компоненты, которые могут существовать и проявляться именно как идеальное отражение реальности в «проясняющемся» коллективном сознании (КС).

==234

• В конкретных исторических ситуациях какие-то из элементов коллективного сознания (как и коллективного бытия) могли временно оказываться пне непосредственной жизнеобеспечивающей коллективно;¹ деятельности, «включаясь» в нее на различных этапах по мере необходимости. В мировоззренческом плане это могло становиться гносеологической предпосылкой генезиса субъективного и объективного идеализма в ходе последующего развития общественного сознания.

Выдвигаемая здесь гипотеза генезиса сознания в процессе дифференциации материальных и идеальных элементов первоначально нерасчлененной коллективной деятельности имеет поисковый характер и, несомненно, нуждается в основательной дальнейшей разработке. Тем не менее, поскольку она, как представляется, позволяет сформулировать некоторые новые подходы и предложить решение ряда вопросов, касающихся антропосоциогенеза, предлагаем ее вниманию читателя. Основной тезис гипотезы таков: формой самодвижения социальной материи является развертывающаяся в пространстве и времени деятельность людей. Бытие и сознание выступают как две диалектически взаимосвязанные стороны (материальные, объективные, и идеальные, субъективные) общественной деятельности, которые в «чистом» виде, в абсолютном отрыве друг от друга и вне этой деятельности не существуют.

«Когда мы рассматриваем конкретные процессы жизни и деятельности как отдельных людей, так и общества в целом, — рассуждает И. И. Матвеевков, — то убеждаемся, что бытие и сознание меняются местами, переходят друг в друга»⁷. Причем сферой их взаимоперехода выступает общественная, коллективная и индивидуальная деятельность. По словам Г. Н. Волкова, «медиумом, связывающим духовное с материальным, оказывается сам процесс целесообразной деятельности»⁸.

¹С точки зрения изложенной нами гипотезы содержание социального бытия составляют отношения, складывающиеся между людьми в процессе материального производства, производства человека и в сфере регулирования деятельности людей.

Содержание общественного сознания соответственно охватывает идеальные компоненты общественного производства (прежде всего духовное производство), обучения

и воспитания как необходимого процесса социального воспроизводства человека, осознание и волевое воплощение всех аспектов регуляции общественной жизни. Это — полюс идеального в деятельности. Можно отметить, что в литературе последних лет в структуре сознания помимо свойства отражения подчеркиваются такие его качества, как целенаправленность⁹, волевая активность, способность поддерживать необходимое напряжение сил, концентрацию внимания, а также характеристика сознания как интегрального момента психических процессов¹⁰.

Итак, общественная деятельность есть диалектическое единство, сфера взаимодействия и взаимоперехода общественного бытия и общественного сознания друг в друга. Можно предположить, что исторически соотношение этих ее компонентов изменилось в сторону возрастания роли и места сознания в жизни общества.

Происхождение коллективного сознания из коллективной деятельности в принципе подтверждается их генетическим изоморфизмом, убедительно аргументированным в работах крупнейших советских психологов Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева и др. «Определенному типу строения деятельности соответствует и определенный тип психического отражения», — писал А. Н. Леонтьев. «Вместе с изменением строения деятельности человека, — отмечал он, — меняется и внутреннее строение его сознания»¹¹. В трудах А. Н. Леонтьева разработан принципиально важный для диалектико-материалистической концепции антропосоциогенеза вопрос о биологических предпосылках и истоках созна

12

ния

Во-первых, он выявил обусловленную качественным усложнением двигательной активности млекопитающих закономерность расширения сферы охвата и возрастания обобщающей силы психических процессов животных. Во-вторых, А. Н. Леонтьев исследовал объективную тенденцию постепенного дистанцирования психической деятельности от физиологической путем расчленения прежде целостной жизнедеятельности животных на две фазы: подготовительную (нередко биологически-нейтральную) и фазу осуществления биологически-значимого поведения. Первая реализуется в основном на психическом уровне, как бы «в уме» (оценка ситуации, соотнесение цели и средств ее достижения), вторая — в действии. Двухфазо-

вая деятельность высших животных с точки зрения психики аналогична орудийной деятельности (подготовке орудий и их использованию). В то же время ее можно рассматривать как предпосылку последующего вычленения из непосредственно биологической жизнедеятельности отражательно-информационной функции, которую в процессе антропосоциогенеза берет на себя формирующееся сознание.

В. И. Плотников выделил три аспекта диалектики физиологических (эволюционно более древних) и психических процессов: ориентацию на устойчивость (гомостаз) и неустойчивость, на внутренние и

внешние факторы и, наконец, континуальность и дискретность как их функциональные характеристики¹³. Этим объясняется несравненно более высокая степень подвижности (динамизма), потенциальная интериоризация (внутренне-идеальное отражение) и большие комбинаторно-композиционные возможности психической деятельности.

Словом, происходившее в процессе биологической эволюции расщепление жизнедеятельности животных на психическую и физиологическую в специфических условиях, когда индивидуальное биологическое манипулирование природными предметами превращалось в зачатки целенаправленной орудийной деятельности, становилось фундаментом начавшегося процесса отделения зародившегося на стыке обеих выделенных А. Н. Леонтьевым тенденций коллективного сознания от коллективной деятельности и коллективного бытия.

В принципе сознание есть «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя», «открывающаяся субъекту картина мира»¹⁴. Поэтому сознание невозможно без и вне деятельности, осуществляющейся в определенных, независимых от сознания условиях. Как и элементы социального бытия, «деятельность человека,— отмечает А. Н. Леонтьев,—составляет субстанцию его сознания»¹⁵. А поскольку формирующимся субъектом коллективной деятельности была складывающаяся в процессе антропосоциогенеза родовая община, постольку первобытное сознание было исходно коллективным.

А. Н. Леонтьев акцентировал внимание на исторической эволюции зародившегося в недрах коллективной деятельности коллективного сознания, его отделении, а затем «возвращении» в нее уже как некой идеальной сущности. Сознание черпает свое содержание из реаль-

==237

ного мира. Предметом отражения становятся вначале объективные условия человеческой жизнедеятельности (коллективное бытие), затем коллективная деятельность, позднее в фокус рефлексии попадает само коллективное сознание, к тому времени начавшее дифференцироваться на общественное и индивидуальное¹⁶.

Ядром коллективного сознания, которое можно рассматривать как начальную форму общественного сознания, в течение длительного времени оставалось идеальное содержание коллективной деятельности, которое исходно имело подчиненный по отношению к ней характер. Ведь, как уже отмечалось, само «начало» человеческой истории отличалось синкретизмом, т. е. нерасчлененностью, слитостью коллективного бытия и коллективного сознания в целостном процессе коллективной деятельности, в котором из переходных структур типа эосоциума¹⁷ постепенно выкристаллизовывались контуры родовой общины — складывающегося субъекта коллективной деятельности. Последняя затем развертывалась как «адаптивноадаптирующая система» (Э. С. Маркарян) взаимодействия окружающей природной и формировавшейся социальной среды. Соответственно содержание коллективной деятельности, запечатленное в коллективном сознании, выступало в качестве надиндивидуального, как бы заданного извне и обладавшего значительной принудительной силой регулятора человеческого поведения, взаимоотношений в процессе коллективной деятельности. Такой силой первоначально выступал обычай, трансформировавший слепую инерцию прежде всевластного естественного отбора.

И. В. Бычко отмечает: «Формы и способы трудовой деятельности (способы обработки материала природы для изготовления орудий, навыки использования этих орудий, применяемые во время охоты, приемы и т. д.) неизбежно выступали для каждого члена первобытного коллектива как нечто принудительно внешнее, неведь откуда взявшееся. Отсюда ритуально-магический характер деятельности отдельного члена коллектива. Да иным он быть и не мог: ведь формы деятельности вырабатываются родовым целым и усваиваются отдельным членом рода как обязательная для

поддержания нормального функционирования целого норма, источник и конечные цели которой не могут быть постигнуты «частью целого» (отдельным членом рода), а потому подлежат

==238

неукоснительному исполнению просто как нечто должное, над смыслом чего не стоит размышлять, как не стоит размышлять над смыслом таких естественных актов, как еда, питье и т. п.»¹⁸.

Итак, зарождающееся в коллективной деятельности «проясняющееся» сознание могло быть только коллективным сознанием. Эта тенденция была чрезвычайно сильной. Показательно, что Ф. Энгельс считал членов первобытного общества стереотипными индивидами, однообразными «в своих чувствах, мыслях и поступках»¹⁹, ибо родовое и племенное подавляло, подчиняло, нивелировало в их характерах индивидуальное, единичное, оригинальное, неповторимое. Учитывая все сказанное, трудно согласиться с встречающейся иногда точкой зрения (объясняемой главным образом, как представляется, неразработанностью методологических аспектов данного вопроса) о том, что «появление труда (и с ним человека) явилось следствием высокоразвитого мышления наших предков, человекообразных обезьян: развитие труда и вместе с ним мышления стало причиной появления языка, общества и сознания»²⁰.

Рассмотрение коллективного сознания как производной от коллективной деятельности и исторически первой формы общественного сознания дает методологическую основу для аргументированной критики распространенной в буржуазной археологической науке (Р. Брум, Г. Шеперс, Р. Дарт, А. Кейт и др.), в культурологической теории, в немецкой культурантропологии точки зрения, согласно которой сознание предшествовало труду и в конечном счете порождало его²¹.

Концепция генезиса коллективного сознания является также своего рода материалистической антитезой идеи «коллективного бессознательного» как духовного стержня первобытного общества, развиваемой ныне французским этнологом К. Леви-Строссом. Ученый считает, что в основе общественных закономерностей и единства исторического процесса лежит в принципе универсальная, присущая всем людям «анатомия ума», а не материальное производство и законы чувственнопреобразовательной деятельности²².

Идею «коллективного бессознательного» с известными оговорками можно принять только относительно коллективного сознания, с тем чтобы подчеркнуть его императивность, заданность «жесткой» структурой коллек-

==239

тивной деятельности, сращенность с бытием. «Коллективный разум» уже палеолитических популяций был именно «проясняющимся» сознанием, возвышающимся над рефлекторно-бессознательными и пограничными подсознательными психическими процессами. Труд как социальный феномен, как целесообразная коллективная деятельность предполагает регулирование отношения людей и к природе и друг к другу, т. е. он невозможен на бессознательном уровне психики.

Характерно, что идею Леви-Стросса о «коллективном бессознательном» отвергли многие буржуазные ученые. В частности, Ж.-П. Сартр увидел во взглядах Леви-Стросса угрозу экзистенциализму²³. В противовес идее «коллективного бессознательного» А. Тойнби утверждал, что человек «в любых

исторических условиях... оказывается в той или иной мере самосознающей личностью, i:to всегда возвышает его душу над хлябями коллективного бессознательного»²⁴.

Под бессознательным в современной марксистской науке обычно понимают протекающие на уровне головного мозга информационные нервные процессы и обусловленные ими достаточно сложные формы приспособительного поведения. Они субъективно не осознаются, т. е. внимание на них не фиксируется, и осуществляются на уровне психологических автоматизмов²⁵. Однако, как подчеркивает К. Р. Мегрелидзе, «в отличие от животного у человека над бессознательным главенствует осознанное состояние сознания»²⁶. Путем тщательного анализа эндокрапов ископаемых гоминидов были выявлены некоторые часто повторяющиеся корреляции между изменением строения (архитектоники) мозга и расширением способов социально контролируемого поведения индивидов. Этот конкретный палеоневрологический материал в общем подтверждает вывод психологов о предшествовании коллективного сознания формированию индивидуального и общественного²⁷.

[00.htm - glava54](#)

Генезис индивидуального сознания

Формирование сознания органически связано с появлением некоторого противоречия между субъектом и объектом отражения. Разрешение этого противоречия делало возможными различные варианты все более пластичного поведения, хотя и ограничивало его некоторым набором исторически апробированных правил, зафиксированных в традициях. «Сознание как мысленно

==240

представляемый план поведения,—пишет К. Р. Мегрелидзе, — излишне до тех пор, пока ориентация организма зависит прямо от наличной среды... Сознание было бы в этом случае скорее помехой и обузой, чем помощью для животного. Такое однообразное поле животного сообщества, как рой или стадо, не создает в минимальной степени каких-либо условий для возникновения сознания»²⁸.

Обособление индивидов осуществлялось в процессе становления труда, т. е. в рамках появлявшихся новых, социальных отношений. Отмечая дифференциацию (по

•мере становления сознания) внешнего и внутреннего, материального и идеального мира формирующихся людей, В. П. Иванов видит источник складывающейся субъективности в изменении механизма, логики, структуры их жизнедеятельности, «в появлении момента опо-

•средования, расчленившего прежде единый процесс объективных взаимосвязей на протекающий внешним образом и имеющий свое преломление внутри определенной общности существ...»²⁹.

Исследование эволюции внутренней (психической, •идеальной) активности в период завершения антропосоциогенеза и в эпоху первобытнообщинного строя приводит к выводу, что существовали два источника формирования индивидуального и общественного сознания. **Одним** из них выступало коллективное сознание, другим — процесс дифференциации индивидуальной и общественной деятельности, индивидуального и общественного бытия. «Прежнее тождество индивидуального и общественного сознания, — пишет А. Г. Спиркин, — со временем превращалось в четко расчлененное единство»³⁰. Конечно, эта дифференциация происходила па в социально-психологическом вакууме, а в лоне коллективного сознания и в своих фундаментальных предпосылках опиралась на объективные тенденции развития коллективной деятельности, коллективного бытия.

При этом следует заметить, что коллективное сознание существует не иначе, как в головах отдельных людей, и «коллективный мозг» (В. П. Алексеев) не более, чем метафора, с помощью которой указывают либо на однородный характер, либо на высокую степень взаимодействия и взаимодополнения представлений о мире и своем месте в нем какой-то совокупности людей и основе единообразных условий совместной деятельности»; п

И. Л. Андреев

==241

и бытия. Оно воплощает в себе сущностное единство многообразных проявлений сознания индивидов как социальной формы отражения. Тенденцию дифференциации коллективного сознания (КС) на индивидуальное (ИС) и общественное (ОС) можно схематически представить следующим образом:

Схема 7

Анализируя «ряд» сознания в структуре складывающейся на месте первобытного стада родовой общины, можно понять объективную логику закономерного расчленения коллективного сознания на индивидуальное и общественное.

Углубление разделения труда, все большая специализация индивидуальных усилий (в частности, в процессе охоты) служили основой кристаллизации в рамках коллективного сознания противоречивой и пестрой мозаики индивидуальных сознаний. Это способствовало повышению эффективности общественного производства, позволяющего полнее использовать чрезвычайно разнообразные индивидуальные ресурсы человеческой психики.

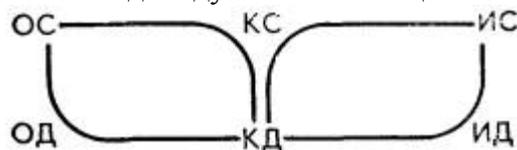
В то же время развитие различных видов первичной кооперации и обмена как общественных форм соединения «разделенного» труда, специфический «*эффект масштаба*» как объективная тенденция совершенствования общественного производства также стимулировали четкую фиксацию в сознании системы общезначимых, собственно общественных моментов, обеспечивающих взаимопонимание и взаимодействие (общение) людей. Само свойство психологической рефлексии и мысленного видения процессов есть форма и продукт взаимодействия индивидуальных сознаний и предпосылка идеального, организационно-регулирующего, компонента человеческого бытия, который отличает последнее от природного, естественного бытия.

Итак, индивидуальное сознание и общественное сознание являются продуктами дифференциации не только коллективного сознания, но и коллективной деятельности. Обе формы сознания выкристаллизуются в результате развития способности коллективного созна-

==242

ния вычленять единичное и всеобщее, а также отражать взаимодействие индивидуальных и всеобщих тенденции коллективной деятельности. Развитие индивидуального и общественного в сознании опирается на формирование соответствующих структур социальной деятельности, а содержание этих форм сознания «наследуется» от коллективного сознания.

Схематически эту объективную двойственность истоков индивидуального и общественного сознания

можно выразить следующим образом (схема 8):

Схема 8

В психологии первичность коллективного сознания по отношению к индивидуальному обычно аргументируется тем, что высшие психические функции, охватываемые понятием сознания, могли зародиться лишь при условии взаимодействия формирующихся людей друг с другом, т. е. как интрапсихологические, и лишь затем данные функции индивиды выполняли самостоятельно. Это неизбежно связано с утратой некоторыми из таких функций исходной внешней формы и превращением их в процессы интерпсихологические³¹.

«Первобытный человек, — констатирует К. Р. Мегрелидзе, — жил стадной жизнью, а потому и сознание его было стадным. На этой ступени развития сознание индивидуального «я» еще не существует. Сознание личности — как своей, так и чужой — отсутствует. Первобытный человек в другом, себе подобном, видел прежде всего воплощение определенного коллектива, тотема, орды, клана и т. д. Другой человек воспринимался исключительно в лице той социальной группы, к которой он принадлежал... В себе самом первобытный": человек также видел только свой тотем, в его психике господствовали коллективные чувства»³².

Постепенно первоначальная слитность сознания трудового коллектива и сознания образующих его индивидов-

==243

дов разрушается. «Это происходит в силу того, что осознаваемым становится широкий круг явлений, включающий в себя также явления, принадлежащие к сфере таких отношений индивидов, которые составляют особенное в жизни каждого из них»³³.

Это особенное оказывается двусторонним, противоречивым единством ориентированного на внешний мир предметного сознания и углубляющегося во внутренний мир субъекта деятельного самосознания.

Объясняя объективную необходимость становления самосознания как компонента индивидуального сознания, А. Г. Спиркин подчеркивает, что «и онтогенетически, и исторически самосознание возникло не в качестве духовного зеркала для праздного самолюбования личности. Оно родилось на свет как историческая необходимость в самоконтроле—жизненно важном средстве управления поведением человека в сложной системе его взаимоотношений с обществом, с другими людьми. Если без появления труда и общества не могло бы возникнуть самосознание человека, то без самосознания, по-видимому, общество и труд вряд ли смогли бы успешно развиваться»³⁴.

Данный подход к проблеме происхождения самосознания разделяют и другие исследователи. В частности, А. А. Меграбян пишет, что «если бы не было непрерывной рефлекторно обусловленной круговой трансформации, т. е. взаимоперехода реального и идеального, человек не смог бы преобразовать свою среду». Поэтому «акт самоотображения в качестве обратной связи в сознании человека становится мощным фактором самоконтроля, самокоррегирования, самокритики и самоусовершенствования. Эти ценнейшие особенности самосознания, присущие только человеческой личности, обеспечивают реальную возможность саморазвития»³⁵.

Вместе с тем было бы неправильно трактовать самосознание в духе интроспекции, т. е. как отражение только собственных «глубинных» переживаний людей, отрывая его от их практической деятельности и реального бытия. «Самонаблюдение,—писал С. Л. Рубинштейн,— может давать реальное познание, если оно не превращается в интроспекцию...»³⁶ Данный момент важно подчеркнуть, потому что свойственное многим буржуазным психологам метафизическое сведение сознания к

==244

индивидуальному сознанию, а последнего—к самосознанию ведет к недооценке общественной природы сознания (идеального), служит основой для различных вариантов психологических робинзонад, выводов о бессознательном характере психической деятельности человека за пределами самосознания и т. п.³⁷

В диалектико-материалистическом понимании формирование самосознания означает известный перелом в развитии сознания вообще, включая индивидуальное сознание, в результате которого появляются новые возможности более активного отношения к индивидуальной деятельности и индивидуальному бытию, а через них — к коллективной деятельности и коллективному бытию, к участию в целенаправленной организации общественно-! деятельности и изменении отдельных компонентов общественного бытия. Словом, индивидуальное сознание постепенно становится своеобразным центром духовного мира человека и в таком обогащенном прежним развитием качестве «возвращается» в структуру коллективного сознания, в орбиту общественного сознания. «Сознание (и самосознание) личности,—пишет В. Е. Кемеров,— все более выступает как центр ее внутреннего мира, как регулятор ее активности, как интегральная характеристика сформированных у нее деятельных способностей, знаний и отношений. С момента возникновения этого внутреннего мира личности происходит своего рода метаморфоза: склонности, стремления, навыки, представления, установки, способствовавшие образованию сознания личности, сами попадают под его власть и объединяются им»³⁸.

[00.htm - glava55](#)

Генезис общественного сознания

В основе формирования общественного сознания лежало вычленение универсального содержания трудовой деятельности людей и его идеальное отражение в структуре их речевого общения, в формах познания ими окружающего мира. В процессе становления первобытнообщинного способа производства и воспроизводства непосредственной жизни складывались не только устойчивые стереотипы общения людей, социальных отношений, но и духовные, идеальные, субъективные производительные силы³⁹.

«Идеальное,—отмечает Э. В. Ильенков,— есть лишь там, где сама форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета; превращается для человека и

==245

особый предмет, с которым он может действовать особо, не трогая и не изменяя до поры до времени реального предмета»⁴⁰. Идеальное как содержание сознания представляет собой отражение человеком

естественных взаимосвязей природных сил и процессов. Вместе с тем сознание, идеальное отражение, моделирование и мысленное «проигрывание» различных вариантов взаимоотношений людей являются существенными компонентами генезиса, формирования и развития социальных структур. Общественное сознание представляет собой особое идеальное «поле» взаимодействия, взаимочувствования, взаимопонимания, в котором живут и действуют индивиды, наделенные сознанием и волей.

На завершающем этапе антропосоциогенеза помимо материальных предпосылок и факторов труда связующим звеном сознания индивидов и их групп выступали язык, речевая деятельность, различные знаковые системы как материальные «двойники» идеальных образов реальных предметов, процессов и ситуаций. К. Маркс называл язык практически действующим сознанием, подчеркивая, что он так же древен, как и сознание, и что он является изначально общественным феноменом.

Для представителей буржуазной общественной науки характерна известная абсолютизация роли языка в жизни людей. Так, М. П. Фуко, рассматривая человека в единстве его жизни, труда и речи, тем не менее считает, что человек—это «существо, которое, находясь внутри языка, окруженное языком, представляет себе, говоря на этом языке, смысл произносимых им слов и предложений и создает в конце концов представление о самом языке»⁴¹. Думается, что при подобном преувеличении роли языка теряется либо смазывается момент активноизбирательного отношения человека к языку как стихийно сложившемуся продукту процесса антропосоциогенеза, как собственному «творению», игнорируется вторичность языка по отношению к окружающему миру и месту в нем самого человека.

Дж. Уитроу выдвинул идею о тесной связи сознания с развитием языка как социального средства общения, аккумуляции информации, передачи опыта, принятия решений, координации действий индивидов и т. п. В этой идее можно было бы видеть рациональное зерно, если бы она опиралась на признание того факта, что орудийная деятельность с момента своего за-

==246

рождения зависела и от пространственных характеристик объективного мира. Соответственно протекала и эволюция психики гоминидов: в складывающемся сознании прежде всего фиксировались такие свойства реальных объектов, как объем, величина и т. д., формировалась пространственная ориентация индивидов. Косвенно это подтверждается гораздо более высокой степенью пространственной ориентации первобытных племен в ареале своего обитания, нежели во временной структуре бытия.

Слух, по Дж. Уитроу, напротив, сыграл главную (по сравнению с другими органами чувств гоминидов) роль в появлении речи. «Фундаментальным как для времени, так и для речи, особенно для первобытной речи,—утверждает Уитроу,—является ритм... В нем проявляется естественная тенденция к кинестетической стимуляции самосохранения. Все это можно объяснить тем, что нервная система сама находится в состоянии ожидания и поэтому готова к соответствующему разряду в нужный момент. Высокоразвитое чувство ритма дает племени возможность функционировать с четкостью слаженного механизма как на войне, так и на охоте»⁴². Действительно, чувство ритма оказывало положительное воздействие на формирование речи, однако совершенно деправильно все сводить только к нему и недооценивать роли трудовой деятельности первобытных людей, которая служила главным побудительным стимулом этого процесса. Язык, речь зарождались прежде всего как универсальное средство трудового общения формирующихся людей.

Итак, общественное сознание вбирает в себя все связи индивидуальных сознаний друг с другом и с окружающей средой, включая идеально-концентрированное видение мира в пространстве и во времени. «В акте деятельности и продуктах своего труда, — подчеркивает К. Р. Мегрелидзе,—субъект каждый

раз обобществляет свою индивидуальную энергию, обобществляет также ^вою духовную сущность, свои способности и делает их доступными и другим индивидам. Создается возможность пользоваться способностями другого, опыт индивида не остается закованным внутри его, а становится доступным и для других, становится социальным опытом. Индивидуальный опыт ограничен, шаток и имеет весьма узкие рамки развития. Социальный опыт объек-

==247

тивен, прочен, беспредельно обширен и питает индивидуальный Опыт»⁴³.

Можно допустить, что общественное сознание и индивидуальное сознание взаимодействуют со средой как постоянная и оперативная память общественных систем. А. А. Геодакян предложил следующую

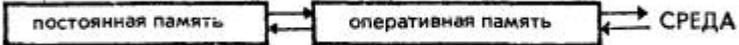
модель этого взаимодействия⁴⁴:

Схема 9'

Возможности преодоления барьеров между субъективным восприятием мира различными индивидами исторически обусловлены, особенно на заключительной стадии антропосоциогенеза. «Человек, — пишут А. А. Брудный и Д. С. Сыдыкбекова, — не в состоянии непосредственно воспроизводить действительность в образах так, чтобы они становились фактом коммуникации, так, чтобы эти зримые образы сразу и непосредственно становились достоянием других людей. Между тем потребность в подобного рода коммуникативном воспроизведении действительности была, по-видимому, весьма велика уже на ранних этапах становления общества. Об этом свидетельствуют, например, наскальные изображения, чьи художественные достоинства и поныне вызывают заслуженное удивление»⁴⁵.

В сфере рече-слухового восприятия основным коммуникативным средством функционирования общественного сознания и его регулирующего воздействия на индивидуальное сознание были, вероятно, мифы, в которых К. Леви-Стросс видит средоточие духовно-интеллектуальных ценностей первобытного человека и общества. В них зафиксирована развертывающаяся в последующем историческом развитии антитеза долга и совести, ибо, как пишет А. Г. Спиркин, «то, что в сфере интересов общества выступало в качестве требований долга, в плане индивидуального сознания представало как внутреннее требование к самому себе, как совесть...»⁴⁶.

Следует еще раз подчеркнуть, что взаимодействие индивидуального и общественного сознания осуществляется, как правило, через сознание различных коллекти-

==248

тов, в которые включен индивид, что сами взаимосвязи индивида, коллектива и общества чрезвычайно динамичны.

Один из аспектов диалектики процесса антропосоциогенеза заключается в том, что по мере отпочкования индивидуального сознания от коллективного закономерно возрастает интегрирующая роль общественного сознания по отношению к ним.

Наиболее важные тенденции взаимодействия вызревающих в процессе антропосоциогенеза социального бытия, деятельности, сознания, а также общества, коллектива, индивида можно выразить схематически⁴⁷, используя отдельные фрагменты схемы, приводившейся ранее:

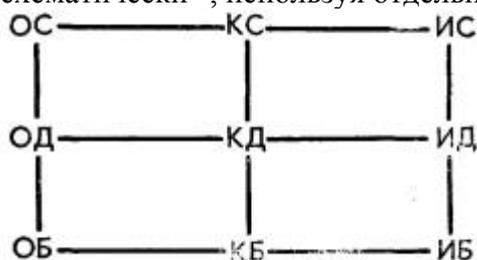

Схема 10

Схема демонстрирует многообразие возможных путей взаимодействия указанных компонентов.

В буржуазной литературе встречаются представления о предшествовании индивидуального либо общественного сознания коллективному, в частности иллюзии о внезапно «поумневшем» индивиде, разуме как «земной» случайности и т. п. Вместе с тем получила широкую известность внутренне противоречивая концепция «технологии поведения», выдвинутая лидером американского необихевеиоризма Б. Ф. Скиннером. С одной стороны, он стремится (в отличие от классического бихевеиоризма с его универсальной формулой «стимул-реакция») выделить в качестве промежуточного звена между воздействием среды и реакцией на его поведение (и размышление) человека, с другой— сводит саму регуляцию поведения к факторам подкрепления, которые оказываются важнее общественного, объективного содержания сознания людей. Таким образом, Скиннер вырывает поведение индивида из системы социальных отношений как

==249

нечто более важное, чем сами эти отношения, причем регуляция поведения в конечном счете выводится за пределы идей, целей, намерений, убеждений, самосознания человека, который низводится тем самым до уровня дрессируемого животного, а то и настроенного на систему поощрений одушевленного автомата⁴⁸.

Напротив, в трактовке теологами, например, Т. де Шарденом, сознания как вселенско-всемирной тотальности в процессе неодолимого движения ноосферы к пресловутой точке «омега» игнорируется историческая тенденция возрастания автономности, избирательности, ответственности сознания отдельных индивидов, последние же предстают как существа, «озаренные» мистическим свечением ноосферы, «пронизанные» ее всепроникающей силой.

[00.htm - glava56](#)

Сознание и познание

Процесс формирования сознания как Сознание — специфически человеческого отражения и познание — объективного мира теснейшим образом связан с генезисом познавательной стороны трудовой деятельности, а затем особой деятельности познания. Последняя, зародившись как субъективный компонент труда, постепенно обрела все большую самостоятельность в качестве общественной формы предвидения результатов целенаправленных действий и стихийных процессов.

Уже на ранней ступени развития общества, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, в рамках коллективной предметно-преобразующей деятельности людей «планирующая работа голова»⁴⁹ выступала как

самостоятельная сила. Они писали, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁵⁰.

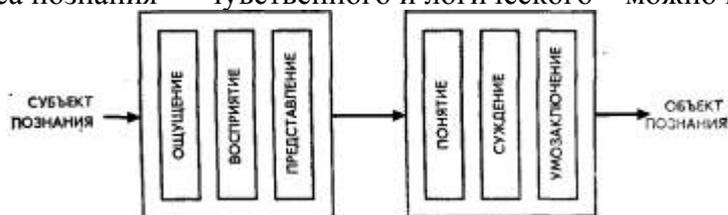
Эволюцию орудийной деятельности невозможно представить вне взаимосвязи с эволюцией отражения⁵¹. Генезис сознания нельзя рассматривать в отрыве от формирования деятельности познания, а последний—от появления второй сигнальной системы. По мнению Н. П. Антонова, «подлинно процессом сознания процесс отражения становится только у человека, в связи с возникновением второй сигнальной системы, с возникновением языка и понятийного абстрактно-логического мышления»⁵².

Указанные моменты важно подчеркнуть особо, ибо в

==250

буржуазной науке существует тенденция абсолютизации сознания (в духе объективного идеализма) как якобы подлинной сущности человека. Так, М. Фуко выдвинул тезис о том, что «человек—это недавнее создание, которое творец всякого знания изготовил своими собственными руками не более двухсот лет назад», ибо человеческая природа сплетается с «природой вообще» лишь через функционирование механизма знания⁵³.

Характер связи познания с практической, прежде всего производственной, деятельностью предельно ясно выражен чеканной ленинской формулой: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике—таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»⁵⁴. Соотношение двух уровней процесса познания — чувственного и логического—можно выразить

схематически следующим образом:

Схема 11

Первый вариант данной схемы помогает понять, что трансформация представления как наиболее зрелой, развитой формы чувственного познания в понятие, являющееся исходным «кирпичиком» рационально-логического познания, выступает в качестве узлового, ключевого момента генезиса познания. Представление более, чем восприятие и ощущение, «удалено» от непосредственного отражения действительности.

Как показано во втором варианте схемы, ощущение и понятие отражают ту или иную сторону объекта познания, восприятие и суждение формируют его чувственный или логический образ, представление и умозаключение открывают возможность «отрыва» от объекта познания, избирательно-обобщенного отражения и композиционно-творческого моделирования действительности.

==251

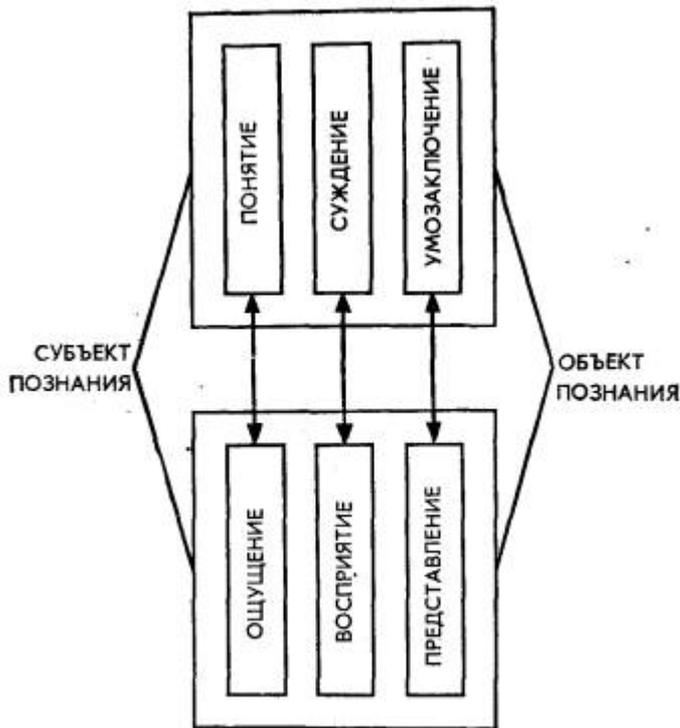

Схема 12

В буржуазной науке диалектически-противоречивая целостность процесса познания обычно игнорируется, а потому при исследовании проблемы его генезиса исходным пунктом рассуждений выступают тезисы о сугубо эмоционально-чувственном, конкретно-эмпирическом, «пралогическом» характере мышления «дикаря» (Дюркгейм и Л. Леви-Брюль) либо о наличии у него по существу готового абстрактно-логического мышления современного типа (Спенсер, Э. Тэйлор, Дж. Фрезер, Ф. Боас и др.). Попытку объяснить диалектическое противоречие двух основных уровней познавательной деятельности предпринял австрийский геолог и палеонтолог И. Байер, который связал их с различными этапами процесса антропосоциогенеза и столкновением соответственно двух ископаемых рас (так он называет неандертальцев и кроманьонцев). В частности, он объясняет закат

==252

неандертальской и зарю кроманьонской эпох тем, что раса кроманьонцев-охотников, якобы изначально обладавшая способностью к логическому мышлению, вытеснила и почти повсеместно уничтожила расу будто бы способных лишь к чувственному восприятию окружающего мира собирателей плодов — неандертальцев. Получился своего рода палеолитический вариант теории насилия Дюринга: возникшее на основе духовного военного превосходство кроманьонцев-охотников над собирателями-неандертальцами привело к победе первых⁵⁶.

Естественно, что подобная концепция не выдерживает серьезной критики. Уже сама по себе жесткая формула: собиратели-неандертальцы, обладающие способностью лишь к дологическим формам психического отражения окружающего мира, и охотники-кроманьонцы с изначально присущим им как высшей расе абстрактным мышлением — не подтверждается имеющимся в распоряжении науки материалом. В частности, известно, что неандертальцы были прекрасными охотниками, а кроманьонцы большую часть пищи добывали путем собирательства. Ничем не мотивирован и метафизический разрыв

взаимосвязи чувственного и рационального познания. Ведь неандертальцы не могли бы эффективно заниматься охотой, добывать огонь, изготавливать орудия, не умея вырабатывать, держать в памяти, накапливать опыт, передавать его другим индивидам и поколениям без абстрактно-логического мышления. С другой стороны, кроманьонцы, будучи существами, эмоционально «глухими», холодными рационалистами, как утверждает Байер, вряд ли могли бы создать столь вдохновенно-экспрессивные произведения наскальной живописи.

Основываясь на четком разграничении способностей к чувственному либо логическому мышлению у различных людей (рас), Л. Сенгор выдвинул концепцию негритюда. Согласно этой концепции, особая ценность негроафриканской души заключается именно в ее преимущественно эмоциональном, а потому нерасчлененном субъект-объектном восприятии мира. В противоположность этому представителям западного мира, утверждает Сенгор, присущ холодно-расчетливый рационализм. Негр, уверяет он, прежде всего поэт, в то время как европеец—инженер. Выступая с этих позиций на Тунисской конференции, организованной Социнтерном (1975),

==253

Л. Сенгор в докладе на тему «За африканское перепрочтение Маркса и Энгельса» заявил, что «первая и основная проблема социализма—это проблема теории познания, т. е. знания, и, наконец, истины». Он обвинил К. Маркса в приверженности к «альбоевропейскому рационализму», в склонности «к тирании рассудочного и утилитарного разума», в применимости марксизма лишь к конкретным фактам — «материальным и измеримым»⁵⁷.

Возвращаясь к проблеме антропосоциогенеза, отметим, что в буржуазной науке распространены также идеи, согласно которым мыслительная деятельность наиболее ранних гоминидов принципиально тождественна зрелому абстрактному мышлению⁵⁸. Такова основная мысль тэйлоровской концепции «дикаря-философа», размышлявшего в пещере об окружающем мире в классических формах силлогизмов⁵⁹.

В современной литературе подобные идеи тоже нередки. Так, американский антрополог, профессор Колумбийского университета Р. Солецки, производивший раскопки в североиракской пещере Шанидар, пишет, что неандертальский человек отличается от нас не так уж сильно. Основные различия имеют скорее количественный, чем качественный, характер. Обобщая все, что нам теперь известно о неандертальцах, мы, упрощенно говоря, видим разум современного человека, заключенный в теле древнего существа. О наличии у неандертальца «интеллекта примерно современного уровня, хотя его речь, возможно, еще не столь развита, как у современных людей», пишет и Дж. Констэбл, автор книги «Неандертальцы»⁶⁰.

Впрочем, подобный антиисторизм, присущий представителям буржуазной науки, критиковал еще К. Маркс. В рецензии на «Учебник политической экономии» А. Вагнера он писал: «Но люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» лю-

==254

дей запечатлевается в их мозгу..., они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она годится в пищу человеку»⁶¹. В. И. Ленин подчеркивал, что «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»⁶².

В анализе генезиса познания буржуазные авторы подчас ограничиваются чисто количественной фиксацией закрепления в эволюции каких-то эмпирически наблюдаемых элементов жизнедеятельности гоминидов и формирующихся людей. «Лишь когда какое-то одно ощущение оказывалось более «похожим» на предшествующие, нежели все другие, могло вступить в силу воспоминание, можно было воображением вновь представлять представление, и на это удвоение могло опереться сознание»⁶³, — полагает М. Фуко.

Напротив, ученые, стоящие на позициях диалектического материализма, подчеркивают не только личностную, психологическую, но и прежде всего исходно-коллективистскую, социальную природу первоначального представления. Так, Д. А. Жданов высказывает мысль о том, что «чисто» индивидуальные представления вне каких-либо, хотя бы зачаточных, абстрактно-логических, структур не могли быть исходной точкой сознания и познания, и аргументирует ее следующим образом: «Представления, как отражения действительности, не могли быть переданы непосредственно от одного гоминида к другому. Стать же общезначимым определенное представление могло бы только в том случае, если бы оно передавалось от индивида к индивиду. Поэтому ясно, что процесс превращения представления из только индивидуальной формы отражения в явление, имеющее общезначимое содержание, был органически связан с возникновением и развитием в труде средств сигнального общения формировавшихся людей... Они служили, во-первых, материальной формой реализации идеального содержания представлений, во-вторых, формой коллективной памяти, удерживавшей то, что входило в состав представлений, включенных в практику первобытного человеческого стада»⁶⁴.

==255

Возражая против неправомерного выведения понятия непосредственно из представления, ряд ученых полагают, что исходной клеточкой, из которой позднее развернулось все богатство форм логического познания, выступала некая синкретическая протоформа⁶⁵. Возможно, какой-то ее аналог был изначально присущ и чувственному отражению окружающего мира формирующимися людьми. Можно допустить также, что некий синкретичный «образ» предмета мог предшествовать и отдельному, единичному, дифференцированному ощущению, и обобщенному, синтезирующему, комплексному представлению.

Сопоставление двух вариантов схематического изображения процесса познания показывает, что понятие выкристаллизовывалось в процессе эволюции гипотетической протоформы не только как ее продукт, но и как психическая структура, в чем-то аналогичная ощущению. Вообще говоря, диалектическая взаимосвязь двух основных уровней познания в морфофизиологическом смысле, видимо, обусловлена лежащим в недрах антропосоциогенеза процессом функциональной дифференциации коры больших полушарий головного мозга и превращением последнего в парный орган, о чем упоминалось ранее. Оба полушария отражают один и тот же мир, но в диалектически дополняемых друг друга

ракурсах.

Изложенная выше гипотеза А. Н. Леонтьева об этапах формирования психики млекопитающих и о тенденции расщепления целостной жизнедеятельности животных на подготовительную фазу и фазу осуществления биологически-значимых действий, очевидно, может помочь в реконструкции

предпосылок и механизма развития чувственного и рационального познания. Но при этом необходимо иметь в виду, что типы рецепторного отражения становятся формами человеческого чувственного познания только при условии, что в достаточной степени развиваются и формы логического познания. Иначе говоря, ощущение остается лишь ощущением, пока оно хотя бы опосредствованно не сопряжено с тем или иным соответствующим понятием. Восприятие также является по сути дела животным психическим актом, пока оно не подкреплено наличием в соседнем полушарии хотя бы проблеска суждения. Представление, даже если оно может формироваться у животных (пока

==256

это спорный вопрос), остается конкретным, ситуативным, расплывчатым, неустойчивым, если нет соответствующего умозаключения.

Попытки разорвать и абсолютизировать формы познания неправомерны. Г. Чайлд, например, делал акцент на рационально-логическом моменте первобытного сознания и, исходя из первоначальной нерасчлененности орудийной и познавательной деятельности, предложил способ «гносеологической расшифровки» ископаемых орудий. «Стандартизированное орудие, — писал он, — есть само по себе ископаемая концепция. Оно является археологическим типом именно потому, что в нем воплощена идея, выходящая за пределы не только каждого индивидуального момента, но и каждого отдельного гоминида, занятого конкретным воспроизведением этого орудия; одним словом, это понятие социальное. Воспроизвести образец — значит знать его, а это знание сохраняется и передается обществом. Была ли эта группа общавшихся и сотрудничавших гоминидов родом или племенем, она была шире и долговечнее любого из своих членов; поэтому знание, которым она обладала, было полнее и длительнее, чем перцепции и память любого индивидуума, и, можно сказать, составляла надорганический мир идей, существовавший «в головах общества»⁶⁶. Однако такого рода «ископаемая концепция» представляла собой, видимо, не только чисто логический, но и чувственно-рациональный образец действий, закреплявшийся и в логической, и в эмоциональной памяти. При этом непременно следует иметь в виду и исторический динамизм самих форм орудий.

Оценивая открытые археологами ископаемые орудия, В. И. Кочеткова аргументирует повсеместное предпочтение в позднем ашеле и мустье отщепы (заготовки для создания орудия труда) желваку тем, что у ископаемых людей «шел процесс развития абстрагирующих способностей, на основании чего и появляется способность предвидеть результаты труда задолго до выделки орудия»⁶⁷. Исходя из признания органической связи орудийно-трудовой и познавательно-регулирующей деятельности, она выделяет ряд этапов развития мозга как психофизиологической основы специфически человеческой активности. «Необходимость изготовления орудий для обеспечения выживаемости древнейших людей, — пишет она, — по-видимому, определила и такую особен-

==257

ность в развитии мозга, как порядок эволюционного преобразования сначала областей, осуществляющих познание свойств материала, и познание причинно-следственных отношений в трудовом процессе, а также с выработкой понятий, а затем уже преобразование областей, организующих сложные формы поведения человека как социального существа»⁶⁸.

Разумеется, проблема становления познания сложна и недостаточно разработана в современной науке. Однако ее методологическое значение велико, тем более что в ряде работ даже советских авторов проблема этологической адаптации высших понгидов, предгоминидов к окружающей среде в ходе антропосоциогенеза рассматривается, как правило, без специального обращения к генезису сознания и познания. Более того, иногда охотничья, а не орудийная деятельность расценивается именно как трудовая⁶⁹.

В заключение, возвращаясь к вопросу, сформулированному в названии данной главы, можно сказать следующее. Психобиологический субстрат сознания при всей его гигантской пластичности не есть некий «полый» сосуд, пригодный для любого содержания. Социальная наследственность запечатлевается, отражается, аккумулируется в виде генетических предпосылок способностей к тому или иному виду деятельности. Ясно, что кроманьонец, не получив «в наследство» большого социального опыта, накопленного человечеством за период от его зарождения до появления университетов, не мог бы поступить в Сорбонну.

¹ Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964, с. 284.

² Там же, с. 273—274.

³ См. *Констэбл Дж.* Неандертальцы. М., 1978, с. 28.

⁴ См. *Медников Б. М.* Дарвинизм в XX веке. М., 1975, с. 211.

⁵ См. подборку материалов о «неандертальской цивилизации» Ики.— *Наука и жизнь*, 1976, № 5, с. 84—90.

⁸ Об этом подробнее см.: Что же это: миф или реальность?— *Техника — молодежи*, 1978, № 6, с. 48—56.

⁷ *Матвеев И. И.* Диалектика взаимодействия общественного бытия и общественного сознания. — Диалектика материальной и духовной жизни общества. М., 1966, с. 176.

⁸ *Волков Г. Н.* Социология науки. М., 1968, с. 22. Аналогичные перечисленным компоненты общественного бытия, отождествляемые с соответствующими типами деятельности (трудовой, семейно-бытовой и организационно-управленческой), были вы

==258

делены применительно к эпохе родового строя А. Н. Илиадн (см. *Илиада А. Н.* Введение в марксистско-ленинскую философию. Курск, 1970).

⁹ *Тугаринов В. П.* философия сознания. М., 1971, с. 10.

¹⁰ *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М., 1972, с. 87.

" *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965, с. 285.

¹² Там же, с. 210—263.

¹³ *Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема, с. 77—78.

- ¹⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность, с. 97, 125.
- ¹⁵ Там же, с. 157.
- ¹⁶ Там же, с. 132.
- ¹⁷ См. *Илиада* А. Н. Введение в марксистско-ленинскую философию, с. 306, 313, 315.
- ¹⁸ Бычко И. В. В лабиринтах свободы, с. 31—32.
- ¹⁹ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.
- ²⁰ Ардентов Б. П. Мысль и язык. Кишинев, 1965, с. 14.
- ²¹ См. Бондаренко Л. И. Основные этапы становления сознания, с. 9 и др.
- ²² См. Каграмов Ю. М. Клод Леви-Стросс и проблема человека. — Вопросы философии, 1976, № 10, с. 136.
- ²³ См. Вопросы философии, 1976, № 10, с. 140.
- ²⁴ Тоунбее А. J. «Civilization on tribal» and «The World and the West», 1963, p. 223. См. также: XIV Международный конгресс исторических наук. Вып. IV. М., 1975, с. 93.
- ²⁵ См. Бассин Ф. Б. Проблема бессознательного. М., 1968, с. 125.
- ²⁶ Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления, с. 56.
- ²⁷ Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973.
- ²⁸ Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления, с. 104—105.
- ²⁹ Иванов В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство, с. 38.
- ^{sf} Спиркин А. Г. Происхождение сознания, с. 203—204.
- ³¹ См. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960, с. 198—199.
- ³² Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления, с. 207.
- ³³ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность, с. 132.
- ³⁴ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание, с. 168.
- ³⁵ Меграбян А. А. Личность и сознание (в норме и патологии). М., 1978, с. 161.
- ³⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 66.
- ³⁷ Критику данных взглядов см.: Фурст Дж. Б. Невротик, его среда и внутренний мир. М., 1957, с. 118; Протасеня П. Ф. Происхождение сознания и его особенность. Минск, 1959, с. 297.
- ³⁸ Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, с. 152.
- ³⁹ См. Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 485, 493.
- ⁴⁰ Ильенков Э. В. Диалектическая логика, с. 203.

⁴¹ Фуко М. Слова и вещи, с. 449.

⁴² Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964, с. 73—74.

⁴³ Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления, с.130.

==259

⁴⁴ См. Развитие концепции структурных уровней в биологии. М., 1972, с. 375.

⁴⁵ См Эргономика. Методологические проблемы исследования деятельности. Труды ВНИИТЭ, № 10. М., 1976, с. 145.

⁴⁶ Спиркин А. Г. Происхождение сознания, с. 220.

⁴⁷ См. Стимулы и мотивы познавательной деятельности учащейся молодежи. Владимир, 1970, с. 14—15.

⁴⁸ **См. Шварцман К. А.** «Технология поведения» Б. Скиннера и вопросы морали. — Вопросы философии, 1975, № 11.

⁴⁹ См Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 493.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24. ⁶¹ См. Плотников В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема. Свердловск, 1980, с. 20.

⁵² Антонов Н. П. Происхождение и сущность сознания. **Иванове**, 1959, с. 158.

⁵³ См. Фуко М. Слова и вещи, с. 398, 400.

⁵⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 152—153. ⁶⁵ См. Мотивы и стимулы познавательной деятельности учащейся молодежи, с. 12.

⁵⁶ См Жданов Д. А. Возникновение абстрактного мышления. Харьков, 1969, с. 122—123.

⁵⁷ Pour la relecture africaine de Marx et d'Engels. Intervention du president L. S. Seuthor. Documents de la conference. Tunis, 1975, p. 6—7.

⁵⁸ Жданой Д. А. Возникновение абстрактного мышления, с. 26.

⁵⁹ См. Тэйлор Э. Антропология. М., 1924, с. 255.

⁶⁰ См Констэбл Дж. Неандертальцы, с. 9, 134.

⁶¹ Маркс К; Энгельс Ф Соч., т. 19, с. 377—378.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

⁶³ Фуко М. Слова и вещи, с. 422.

⁶⁴ Жданов А. Д. Возникновение абстрактного мышления, с. 78—

⁶⁵ См. *Фогараши Б.* Логика. М., 1959, с. 221; *Копнин П. В.* Диалектика как логика. Киев, 1961, с. 226; *Жданов А. Д.* Проблема генезиса логических форм.—Вопросы философии, 1963, № 10, с. 162, и др.

⁶⁶ *Чайлд В. Г.* Археологические документы по предыстории науки.—Вестник истории мировой культуры, 1957, № 1, с. 30.

⁶⁷ *Кочеткова В. И.* Палеоневрология, с. 222.

⁶⁸ Там же, с. 231—232.

⁶⁹ См., например, *Файнберг Л. А.*)у истоков социогенеза. М., 1980.

[==260](#)

[00.htm - glava57](#)

Глава двенадцатая. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

[00.htm - glava58](#)

Генезис первобытной формации

Из пройденных человечеством этапов истории менее всего изучен этап зарождения и развития первобытнообщинной общественно-экономической формации. Будучи продуктом процесса антропосоциогенеза, первобытная формация выступала как исторически первая, целостная и содержащая в «свернутом» виде важнейшие черты последующего развития общества. В отличие от остальных общественно-экономических формаций, становление которых предполагало отрицание прежних, устаревших типов социальных отношений, первобытная формация не имела развитых социальных предпосылок для своего возникновения, если не считать тенденций самого процесса антропосоциогенеза. Ее формирование совпадает с генезисом социальности вообще. По существу это один и тот же процесс, поскольку становление первобытной формации означает прежде всего возникновение и развитие новых — социальных — отношений.

Вопрос о том, что же считать «началом» первобытнообщинного строя, во многом еще не ясен. Одни авторы предпочитают говорить о первобытном обществе и первобытной экономике, но не о первобытной формации. Другие готовы включить в исторические рамки первобытнообщинного строя этап «дородового общества» — стада переходных существ и даже австралопитеков. Столь расширительное толкование «начала» истории человечества, социальной жизни и общественно-экономической формации чревато возможной биологизацией социальных институтов, оправданием попыток отыскать их корни, истоки и даже прямые аналоги в животном мире (у австралопитеков и питекантропов). Высказывалась также точка зрения, согласно которой первобытная формация является общественной, но не экономической¹. Столь значительные расхождения во взглядах

[==261](#)

на проблему генезиса первобытной формации, а также ее «сердцевины»—первобытного производства—требует ее дальнейшего изучения.

Итак, с чего «начинается» первобытное производство? В самой общей форме ответ на этот вопрос дан К. Марксом: «Индивиды, производящие в обществе,— а следовательно общественно-определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт»². Это значит, что при анализе «начала» истории следует исходить из признания системы деятельности индивидов, их общественного производства и складывающейся культуры как деятельно-практического единства человека с природой и обществом, определенного способа его (человека) природно и социально детерминированного деятельного существования³.

В течение довольно длительного периода общественное производство неправомерно отождествлялось лишь с материальным производством. Это вело к игнорированию или недооценке места и роли духовного производства в социальной жизни (а значит, и в ее генезисе). Производство материальных благ рассматривалось в отрыве от производства человеческих сил, что затрудняло понимание их диалектического взаимодействия. Правда, в последнее время вновь утверждается адекватное понимание, например, способа общественного производства как «способа общественной жизнедеятельности, несводимого к способу производства материальных условий жизни людей»⁴. Это не исключает того, что именно последний является ядром, фундаментом любой общественно-экономической формации, включая первобытнообщинную.

Общественное производство в эпоху первобытнообщинного строя обладало некоторыми всеобщими, свойственными любой из его последующих ступеней чертами. Констатируя необходимость и плодотворность научной абстракции производства вообще как фиксирующей то действительно общее, что присуще всем его типам, видам и стадиям, и потому избавляющей от повторений, К. Маркс специально подчеркивал, что «определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа,—одни и те же, не были забыты существенные различия». В противном случае «все исто-

==262

рические различия... могут быть смешаны и стерты в общечеловеческих законах»⁵. К. Маркс приводил примеры того, как иные буржуазные экономисты фактами из эпохи «дикости» оправдывают «естественность» и «вечность» товарно-денежных отношений, частной собственности, капиталистической эксплуатации. «Они доказывают, например,—писал К. Маркс,—что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без прошлого, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся... тренировок»⁶.

Одной из причин различного рода спекуляций, к которым прибегают и современные буржуазные авторы, является неумение (или нежелание) понять конкретноисторическую специфику складывающейся первичной формы производства, стремление выдать ее за очищенную от некоторых «неблагоприятных атрибутов» капиталистическую формацию.

Особенности первичного общественного производства обусловлены тем, что оно зарождалось в недрах девственной природы. Критикуя тезис Готской программы о том, что труд—единственный источник всякого богатства, К. Маркс подчеркивал: «*Природа* в такой же мере источник потребительных

стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы»⁷. В эпоху зарождения производство выступало главным образом как стихийно-стадное присвоение (прямое собирание или добыча) готовых продуктов природы. При этом труд «выступает скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется»⁸.

Начальные формы общественного производства были в чем-то отличны от его зрелых форм и даже противоположны им. К отличительным признакам первичного производства можно отнести значительный синкретизм производства и потребления, производительных сил и производственных отношений, различных элементов производительных сил, средств и предметов труда и т. п. Исходная форма общественного производства была обусловлена своеобразием потребностей, необходимых для выживания формирующегося человека как биологиче-

==263

ского вида, и способов их удовлетворения за счет все более широкого круга неорганических предметов и сил природы.

Первоначально потребность в средствах, необходимых для сохранения и функционирования человека, еще не отделена от процесса ее удовлетворения, а потому не осознается либо смутно отражается в формирующемся сознании на рефлекторном уровне. Лишь по мере развития производства, вовлечения в него все большего числа совместно действующих индивидов, расширения его пространственных масштабов и временных рамок потребность начинает выступать «в качестве осознанного отношения человека к самому себе как к взаимодействующему с окружающим природным и социальным миром, производящему и воспроизводящему себя индивиду»⁹. Наряду с индивидуальными потребностями формируются и первые социальные потребности — в совместном труде, в новых формах отношений в процессе осуществления различных трудовых операций, в искусственных орудиях труда и т. д. и т. п.

Складывавшиеся в форме естественного разделения и первичной кооперации труда зачатки производственных отношений играли не меньшую, чем орудия труда, роль в увеличении степени господства формирующегося человека над силами природы, в развитии индивидуальных и общественных производительных сил. «Чтобы производить,—писал К. Маркс,—люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹⁰. Способ совместной деятельности людей рассматривается классиками марксизма-ленинизма как специфическая «производительная сила». Думается, что относительно первичного производства эта мысль даже более справедлива, чем по отношению ко всем другим способам общественного производства.

Особенность генезиса первичного производства состояла в том, что в структуре первичных производительных сил именно природные силы, т. е. силы внешней природы, и внутренней — природы самого человека — диктовали направление хозяйственного развития. Это касалось также роли орудий труда, которые, по словам Ф. Энгельса, в эпоху дикости, периода преимущественного присвоения готовых предметов природы служили

==264

главным образом «вспомогательными орудиями такого присвоения»".

Научное осмысление специфики и структуры первичного способа производства иногда затрудняется тем, что осуществляется либо исходя из анализа развитых общественных форм, либо отталкиваясь от «вкрапленных» в современную эпоху родо-племенных и общинных реликтов далекого прошлого. В первом случае понятие первичных производительных сил неправомерно сужается, из него по существу вытесняется, исключается человек; во втором — производительные силы отождествляются с семьей, а производственные отношения — с системами родства.

Так, высказано мнение, что «первобытный человек лишь чисто формально «располагал» какими-либо производительными силами. Фактически роль производительных сил выполняло богатство окружавшего человека природного мира (естественное богатство средств жизни и средств труда). Для своего возникновения и осуществления эти обусловленные самой природой естественные производительные силы не нуждались в чуждой внешней природе силе, которая выступала бы как их первопричина, как субъект. Продуктивные, производящие, творческие силы природы как действительное «активное начало» находились на одном полюсе, а разрушительный, творчески бессильный и косный первобытный человек, пассивно присваивавший ее плоды, — на другом»¹². Правда, далее автор несколько смягчает категоричность исходной формулировки, добавляя, в частности, что «такой первобытный человек или, точнее, род лишь спорадически вступал в активно преобразовательное отношение к природе и только иногда выступал в роли субъекта и проявлял специфически человеческое отношение к миру», и «хотя естественные производительные силы в основном еще силы природы, а не общества, они уже развиваются на основе собственных законов и несут в себе, как в клеточке, все те бурные проявления диалектики производительных сил, которые составляют материальную основу истории человечества»¹³.

Думается, что таким примитивно-ограниченным, пассивным, «непроизводительным» первичное присваивающее производство может представляться с исторической «высоты» эпохи научно-технической революции, Однако,

==265

как указывал К. Маркс, к прошлому следует подходить, стремясь не только видеть ключ к нему в более развитых формах, но и учитывая его качественное своеобразие. В этом отношении важное значение имеет положение К. Маркса о том, что естественные производительные силы, или естественные условия производительности труда, включают в себя и природу самого человека, и окружающую человека природу¹⁴ в их диалектическом единстве. «Даже там,—писал он,—где готовые предметы надо всего лишь *найти, открыть*, это очень скоро начинает требовать от индивида напряжения сил, труда (как при охоте, рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей. А затем такое состояние, при котором люди могут брать то, что имеется, не прибегая ни к каким орудиям (т. е. уже к продуктам труда, предназначенным для производства), не изменяя формы того, что имеется в наличии (а такого рода изменение осуществляется даже при пастушестве), и т. д., — такое состояние очень быстро проходит и нигде не может считаться нормальным положением вещей даже при первобытном состоянии. К тому же, первоначальные условия производства сами собой включают продукты, потребляемые непосредственно, без применения труда, как-то: плоды, животные и т. п.; так что фонд потребления сам является составной частью *первоначального производственного фонда*»¹⁵.

Исходя из этого, трудно согласиться с мнением, будто внешняя природа была ведущим фактором функционирования (а тем более складывания) хозяйства эпохи палеолита. Предположение о том, что создание искусственных производительных сил служило только реакцией на периоды временного бесплодия окружающей природы, невольно приводит к тому, что именно природа (и пульсация климата, в частности) оказывается единственной движущей силой процесса антропосоциогенеза. Преувеличение роли природных факторов в структуре и функционировании первичного способа

производства ведет к принижению значения субъективных производительных сил, навыков и умений, технологических находок и производственного опыта, воплощавшихся в искусственных орудиях первобытного человека.

Уже на ранних стадиях антропосоциогенеза в естественную ткань природных процессов все активнее вкли-

==266

т

нивались посредники—орудия труда, слово как «орудие мысли» и социальность как специфическая форма коллективной деятельности. Имея в виду использование определенных природных «посредников» и складывавшиеся специфические формы внутригрупповых отношений индивидов, можно наметить важнейшие этапы прогрессирующей гоминидно-сапиентной эволюции. Так, присущее австралопитекам систематическое употребление подправленных естественных орудий постепенно сменилось созданием универсальных орудий переходных существ (от хабилисов до синантропов). Затем, начиная с неандертальцев, наступила эпоха господства специализированных орудий, в том числе используемых для изготовления других орудий, которые служили непосредственному жизнеобеспечению (добыче пищи, обороне, облегчению труда и т. п.) формирующихся людей. Тогда же появились и так называемые составные орудия, более сложные по конструкции и очень мало похожие на предметы внешней природы.

В период существования прогрессировавших гоминидов формировался общественный способ производства. По мере складывания он все интенсивнее «вклинивался» между изначально биологическими (а затем и социальными) потребностями первобытных людей и становящейся социальной формой их удовлетворения. «Труд и орудия труда, вклиниваясь между потребностью и ее удовлетворением, — писал К. Р. Мегрелидзе, — разрывают чисто животную непосредственность, существующую между ними, отдаляют их друг от друга, создают промежуточные звенья и заполняют их обширным арсеналом средств, миром материальной культуры, общественных отношений и т. д. Вследствие этого биологические потребности и способы их удовлетворения перестраиваются в определенные социальные образования». Кроме того, он подчеркивал, что наряду с этим процессом «происходит также нарушение биологическиинстинктивной взаимности и некоторое отдаление индивидов друг от друга»¹⁶. Последнее компенсируется складыванием стадности нового, переходного типа, которая содержала развивающиеся элементы социальности.

Наряду с тенденцией преувеличения роли природы встречается тенденция абсолютизации человеческого фактора и воспроизводства людей в структуре первичного способа производства. Так, Н. Б, Тер-Акопян счи-

==267

тает, что в определенный период становления человеческого общества неэкономическая сторона производства господствовала над экономической. При этом он сделал вывод, что правомерно рассматривать «экономическое производство и экономические отношения как не имеющие решающего

значения и подчиненные воспроизводству человека и родовым отношениям на протяжении обширного периода вплоть до средней ступени варварства»¹⁷. Однако этот вывод следует признать расширительным. Тем более трудно согласиться с мыслью о том, что первобытнообщинная формация была «общественной, но не экономической».

Разобраться глубже в этих вопросах может помочь рассмотрение структуры первичного способа производства.

[00.htm - glava59](#)

Структура первичного способа производства

Исходя из диалектико-материалистического понимания труда как положительной, творческой деятельности, определенного отношения «индивида к обрабатываемому им предмету и к своим собственным трудовым способностям»¹⁸, правомерно подойти к проблеме становления способа производства с точки зрения формирования производства непосредственной жизни общества.

Важнейшим методологическим принципом анализа процесса становления первичного способа производства может служить известное положение классиков марксизма о том, что «производство жизни—как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения—появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»¹⁹.

Соответственно в складывающемся общественном производстве можно выделить два относительно самостоятельных и в то же время взаимосвязанных его вида: производство (посредством труда) средств жизни и производство самого человека, чужой жизни (посредством рождения), продолжение рода (семьи). Каждый из этих видов производства соответственно базируется на естественных (природных) и общественных (социальных) отношениях, нацеленных на удовлетворение индивиду-

[==268](#)

альных (в основе своей биологических) и коллективных потребностей.

Под этим углом зрения производство средств жизни включает в себя естественное производство средств потребления, в первую очередь пищи, одежды и т. д., и общественное производство средств производства, прежде всего средств труда. В литературе последних лет нередко встречается дифференциация материального производства первобытной эпохи на пищедобывающее и непищедобывающее»²⁰, главным образом орудийное. Однако такое разграничение выглядит неубедительным.

Питание, безусловно, важнейший компонент жизнедеятельности, но его нельзя абсолютизировать, так как это лишь один из видов потребления. «... В процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления,—писал К. Маркс,—человек производит свое собственное тело, — это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это—потребительное производство»²¹. Производство пищи включает в себя добывание растительных и мясных продуктов, предполагающее углубление естественного разделения труда (по полу) на собирательство и охоту, взаимно дополнявших друг друга. В зависимости от того, что является предметом труда — естественные богатства флоры или фауны, существенно различается роль в производстве средств жизни природных и искусственных орудий, а также значение естественно-инстинктивных и социально-приобретаемых навыков.

Постепенно умения и навыки, социальный опыт и общественная память становятся компонентами сферы воспроизводства самого человека. Что касается орудий труда, то как характер, так и способ их использования теснейшим образом связаны с общественной стороной производства средств жизни. Действительно, производство средств производства включает в себя широкий спектр видов деятельности. Это и приспособление предметов природы для использования их в качестве хотя бы разовых орудий, предназначенных для непосредственного удовлетворения естественно-биологических потребностей, главным образом индивидуальных (палка-копалка, заостренная берцовая кость антилопы, грубо обработанная галька); это и создание специализирован-

==269

ных орудий, своего рода палеоинструментов (например, рубило или резец, применяемые в качестве орудия орудий) с целью изготовления орудий и оружия повышенной эффективности и более удобных в употреблении, т. е. особых средств производства.

Первое связано с относительной легкостью и доступностью доработки естественных предметов внешней природы, используемых затем в качестве орудий труда. Второе предполагает не просто тщательную подготовку к изготовлению, длительное хранение изделия и особое психологическое отношение к последнему, например к судачливому охотничьему оружию, но опосредованное, целенаправленное воздействие на предмет труда продуктом предшествующего труда, т. е. более глубокое синтезирование живого труда с трудом, «угасшим в продукте», овеществленным. Иными словами, на этом этапе развития человечества преобладает естественное отношение к внешней природе при ее непосредственном потреблении и общественное отношение к искусственным средствам труда, к тому, что потом развилось в технику и вообще во «вторую» природу.

В свою очередь производство самого человека предполагает естественное взаимоотношение полов в процессе воспроизводства непосредственной жизни и общественные отношения в процессе социализации, т. е. в воспроизводстве человека в качестве субъекта социальной деятельности. Социализация предполагает общественное регулирование подготовки индивидов к труду и выполнению иных социальных функций, сочетание общественных интересов и задач с естественными возможностями индивидов.

Структуру производства **непосредственной жизни с точки зрения генезиса первичного способа производства** можно выразить следующей схемой (13).

Естественные отношения и связи в процессе производства средств жизни и взаимоотношения полов выступают в качестве материальной основы отношения людей к природе. Общественные отношения составляют сущность человека и человеческого общения, складывающейся культуры. В них наиболее отчетливо проявляется взаимосвязь природы и нарождающейся в процессе ан.тропосоциогенеза культуры, которая знаменует перерыв постепенности биологической эволюции, выделение новой магистрали развития, постепенное отрицание ею чи-

==270

Схема 13

сто природных законов и формирование качественно высшей ступени материального мира. Напротив, естественные отношения в значительно большей степени сходны с природно-биологическими отношениями, характерными не только для человекообразных приматов, но и для животного мира в целом. Внешнее сходство в удовлетворении непосредственных биологических потребностей и в продолжении рода (размножении) здесь настолько велико, что позволяет определенно видеть линию преемственности в развитии человечества из животного мира, его «принадлежность» живой природе.

Эволюцию естественных взаимоотношений полов в процессе антропосоциогенеза можно адекватно понять лишь при учете развития социальных отношений в процессе воспроизводства индивидов как участников складывающихся социальных форм жизнедеятельности. Собственно, сама социализация формируется в непосредственной зависимости от изменения функции продолжения рода (размножения) и характера интимных отношений между полами, которые во все большей степени обуславливаются социальными моментами.

Добывание мясной пищи (как престейшую форму общественного производства), зачастую ассоциирующееся у исследователей с рефлексом по-инстинктивной «кооперацией» стайных хищников, нельзя правильно понять, если абстрагироваться от изготовления и ис-

[==271](#)

пользования орудий труда и форм складывающегося производственного сотрудничества, даже если какие-то из конкретных случаев прямого присвоения готовых продуктов природы (фауны) могут обходиться без этих процессов.

В любом случае естественные отношения сферы воспроизводства непосредственной жизни неправомерно вырывать из общей целостности их с социальными отношениями. Именно последние обеспечивали общественный характер функционирования предков человека как представителей того уникального биологического вида, из которого складывалось в процессе антропосоциогенеза выходящее на арену истории человечество.

[00.htm - глава60](#)

Размышления о структуре первичной социальности

Большинство буржуазных ученых исходят из предположения о том, что первичной формой социальности была семья. Причем чаще всего имеется в виду семья моногамного типа с присущими ей

формами частной собственности. Уже К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли критике антиисторизм подобных заблуждений и спекуляций, появившихся в общественной науке XIX в.

В марксистской литературе первичная социальность обычно связывается с формированием стада переходных существ и последующим развитием *рода* и *общины*. Вопрос об их универсальности можно считать в принципе решенным, предметом дискуссии остается характер их временного соотношения и взаимосвязи. Если акцент делается на специфике хозяйственной деятельности и первобытной экономике, то исследователи чаще всего приходят к выводу, что центром, средоточием первичной социальности была община. Напротив, ученые, занятые реконструкцией духовной жизни первобытного общества, изучением взаимоотношений индивидов, социальной регуляции воспроизводства человека и т. п., полагают, что ядром этой социальности является род. Некоторые авторы выдвигают тезис о дородовом (реже—дообщинном) этапе первобытной формации.

Разделение первобытного стада в процессе складывания производственной деятельности на временно обособившиеся группы собирательниц и охотников нарушало «исконно животную двуполоую целостность» микропопуляций ископаемых предков. Кроме того, оно коренным образом переключало ориентацию членов стада с инстинкта размножения и удовлетворения половых по-

==272

требностей как главной «цели» объединения на совместное обеспечение потомства и индивидов другого пола разнообразной пищей.

Такое раздвоение открывало принципиальную возможность иных, нежели исходно животная, комбинаций разнополоых представителей первобытного стада. В сочетании с природными любопытством и сильно развитым «исследовательским» инстинктом, а также отмеченным у животных снижением полового «интереса» к **особям**, с которыми приходится находиться постоянно, это могло способствовать эпизодическому складыванию

•«дуэтов» собирательниц и охотников, а тем самым взаимному обогащению генофонда стад. Раздвоение стад компенсировалось соединением их разнополоых «половин» в дуально-стадные системы. Ю. И. Семенов, к примеру, считает, что генетический тупик классической неандертальской стадии был преодолен именно благодаря тому, что «возникли системы, состоящие из двух взаимобрачующихся первобытных стад—дуально-стадные организации. Каждая из таких систем представляла собой формирующуюся дуально-родовую организацию, а каждое из входящих в ее состав тотемистических

•стад являлось не чем иным, как становящимся родом»²².

Формирование производства средств жизни опиралось **на** биологическую инерцию добывания пищи, а также «дополнявший», усиливавший и в корне изменявший ее прогресс предметно-орудийной деятельности. Ведущим моментом последней было совершенствование технологии изготовления и использования орудий труда, т. е. навыков овладения природными процессами и силами, умение подчинить им свои действия. Имеющие священную силу орудия и заветы предков были косвенным отражением объективного характера законов природы, а потому несли на себе отблеск их неумолимой власти.

Складывавшееся производство самого человека опиралось на биологическую инерцию процесса размножения (взаимоотношения полов), но существенно изменялось за счет усиления социализации, в корне отличной от ситуативно-игровой «подгонки» врожденных рефлексов и навыков, свойственных животным. Осознание групповых, коллективистских, деятельностных инстинктов, сложившихся в процессе антропосоциогенеза, сопровождалось формированием императивных, беспрекослов-

ных, ничем не аргументированных, вгоняющих всех членов первобытных коллективов в ужас табу, в которых по-своему выражались идея единства, слитности коллективного целого, представления о тотеме и почитающей его общности.

Табу и выработавшие на их основе обычаи поведения индивидов играли в сфере общения роль, аналогичную той, какую играли орудия труда в отношениях с внешней природой. Поэтому складывающееся на переходной ступени коллективное сознание можно рассматривать не только как необходимое условие совместного использования и изготовления орудий труда, но и как одну из важнейших предпосылок общения, основу которого составляли отточенные отбором стадно-коллективные, или «эгогрупповые», интересы данной общности. Последние в свою очередь дифференцировались в зависимости от отношения к возможным эгоиндивидуальным проявлениям тенденций и реликтов биологической природы предков человека.

В качестве «всеобщего» эталона запретного, невозможного, фатально губительного (причем масштабы «преступления» и кары принципиально непредсказуемы) формировались табу и смутно очерчиваемый ими своего рода «идеал» одобряемого коллективом поведения, в фундаменте которого лежал «священный» опыт предков, мудрости и мужеству которых потомки нередко были обязаны своим существованием. В силу естественной ориентации на скрупулезное воспроизведение форм и правил жизнедеятельности предков и преобладания установленных ранее стереотипов общения предки, современники и позднее потомки воспринимались в психологическом плане как некая единая надвременная общность, а элементы коллективного, субколлективного и суперколлективного «проясняющегося» сознания, по всей вероятности, были в течение целой эпохи причудливо переплетены друг с другом.

Как отмечалось в X и XI главах, пути диалектического взаимоперехода общественной, индивидуальной и коллективной форм сознания могли существенно различаться, хотя можно предположить, что первые формы зародились в последней, называемой иногда групповым сознанием. Такой переход, в частности мысль о включенности общественного и коллективного сознания в индивидуальное, а также общественного и индивиду-

ального в коллективное, сейчас выдвигается некоторыми авторами.

Что касается завершения процесса антропосоциогенеза и становления социального, то первичное коллективное сознание порождало в виде табу и «идеалов» крупницы общественного сознания, и в то же время в его недрах зрели предпосылки индивидуального сознания, выработавшие из попыток индивидов осознать прошлое, настоящее и, может быть, заглянуть в будущее — свое и своего коллектива. Универсальным средством развития социальности—единства различных поколений, групп и индивидов — было общение, столь же необходимый атрибут человеческой жизни, как и орудийная деятельность.

Итак, посредником между первичной социальной общностью и внешней природой выступает совместно изготовленное орудие труда, а между первой и индивидами, наделенными сознанием и волей,—

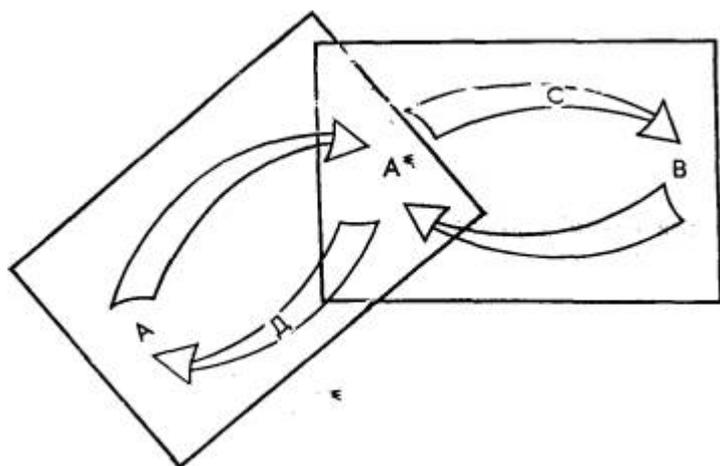
словесно зафиксированный и ставший надындивидуальным, выходящим за пределы жизни отдельных людей обычай поведения.

Эту диалектическую связь сфер регулирования отношений индивидов с природой и друг с другом в рамках первичной социальной общности можно выразить в виде следующей схемы (14).

Такова органическая структура взаимоперехода обращенной «вовне», к внешней природе, и рефлексированной «вовнутрь» социума, к пробуждавшейся в недрах инстинктов осознанности, тенденций, сторон, черт изначального общества. Эта еще единая в своей целостности, но в то же время уже функционально (и структурно) раздваивающаяся первичная социальность, видимо, содержит в себе зачатки рода и общины, а также будущих институтов власти и собственности.

Можно представить себе ситуацию, когда противоречие между вещным и идеальным посредниками (С и Д) ставило складывавшуюся социальную общность на край гибели. Например, пунктуальное соблюдение обычая могло мешать выработке необходимых в соответствующих экологических условиях темпов и направлений развития орудий труда. Наоборот, излишний акцент на обуздание сил внешней природы мог осуществляться в ущерб формированию соответствующих механизмов социальной регуляции. Диалектически-противоречивое единство указанных тенденций можно, видимо,

==275

А - ограниченное множество индивидов[^]

данная(первичная)социальная

общность А - отдельный индивид В - предмет труда (внешняя природа) С - орудие (средство) труда Д - обычай как регулятор индивидуаль-

считать одной из движущих сил процесса антропосоциогенеза, особенно его заключительной стадии.

Возвращаясь к вопросу о конкретно-исторической форме первичной социальности, о том, была ли это семья или род, следует подчеркнуть, что современные научные данные все больше подтверждают мысль К. Маркса о том, что именно «род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»²³.

Ф. Энгельс выделял в качестве первичной социальную структуру, покоящуюся на родовых связях²⁴, допуская, как и К. Маркс, наличие реликтов родовой организации производства даже на ранних этапах переложного земледелия, например, у древних германцев²⁵. Различая «первоначальный род» и его позднейшие модификации, он представлял последние как ядро различ-

==276

ных общин, указывал на невозможность раздельного понимания природы и происхождения рода²⁶.

В. И. Ленин, как известно, данные вопросы специально не рассматривал. Тем не менее он считал возможным выделение «периода первобытного родового коммунизма»²⁷, различение как следующих друг за другом стадий «первобытных людей» и «людей, объединенных в плановые общества»²⁸, подчеркивал, что пресловутый зоологический индивидуализм обузда «не идея бога», а «первобытное стадо и первобытная коммуна»²⁹, т. е. тоже использовал понятия стада, рода, общины (коммуны).

В современной литературе, как отмечалось, идет интенсивная полемика по вопросу о соотношении на ранних (и последующих) этапах первобытной формации родовых (кровнородственных) и производственных (экономических) отношений, рода и общины. Мнение Л. Моргана о том, что первичной ячейкой социальности был именно род, и сегодня поддерживают некоторые ученые. Его, в частности, отстаивает Н. Б. Тер-Акопян, высказывания которого приводились ранее. Противоположная точка зрения о родовой общине как исходной форме социальности аргументируется, например, Н. А. Бутиновым³⁰. О развитии первобытного стада в направлении именно общины, а не рода пишет академик А. М. Румянцев³¹. Представители обеих точек зрения приводят равно доказательные аргументы, и конца дискуссии не видно. По всей вероятности, первичная социальность имела тенденцию развития в направлении обеих данных структур, хотя и здесь возможны свои нюансы.

Многие авторы считают, что первичный род был уже хозяйственным организмом, в котором родовые отношения в основном совпадали с производственными³². Ю. А. Васильчук пишет, что первобытный человек выступал (хотя и спорадически) активным преобразователем природы как член рода³³. Придававший большее значение общинным, нежели родовым, отношениям В. Р. Кабо отстаивал предположение о возникновении общины одновременно с возникновением самого человеческого общества. Он оценивал ее как одну из первых форм социальной организации, первую хозяйственно-экономическую ячейку человеческого общества. Однако И он допускал, что «род как форма организации семейно-

'брачных отношений складывался одновременно и параллельно с возникновением общины, и по мере его возникновения ранние общины, видимо, создавались на основе локализованных родов, но включали и представителей других родов, пришедших в общину по браку»³⁴.

Представляется, что в развитии исходной формы общественных отношений содержались не только тенденция фиксации естественного (биологического) происхождения индивидов друг от друга и «принципа» общей Крови (братства-сестринства и т. п.), но и контуры некой функционально-корпоративной организации, включавшей в развитом первобытном обществе возрастные братства, мужские и женские союзы и т. п.³⁵ Другое Дело, что формы кровнородственных отношений, которые все-таки ближе к природным связям животного типа (как, скажем у шимпанзе), могут приобретать иное по сравнению с первоначальным содержание, служить способом проявления не чисто родственных, а «своих» и еще шире — общинных отношений. Об этом, в частности, свидетельствуют такие хорошо известные этнографам реликты первобытного общества, как адоптация ^ (усыновление родом «чужаков» с обязательным соблюдением последними всех его обычаев, включая экзогамию) и искусственное сближение степени родства³⁶. Сами родственные отношения все больше подчиняются принципам, свойственным общине; вследствие этого расширяются их первоначально очень узкие рамки.

Для адекватного понимания исследуемых процессов представляется важным не только различие биологического и социального родства, материнства и отцовства³⁷ как индивидуального в первом случае и исходно группового во втором, но и выяснение (по мере углубления в предысторию человечества) биологических предпосылок развертывания первичной социальности и складывающейся общественной потребности осознания **хотя бы** ближайшего кровного родства. В связи с этим представляет интерес высказываемая учеными мысль о появившейся именно в этот период необходимости дополнения универсальной среди млекопитающих зависимости «мать—дитя» новым звеном — чувством «чадолюбия» и все более устойчивого «внимания» к матери со стороны отца³⁸. К данной гипотезе можно добавить предположение о том, что по мере дифференциации собирательства и

охоты половое разделение труда, возможно, потребовало закрепления вместо одного типа (отец—мать—дитя) двух типов генеалогически-генеративных связей (мать—дочь и отец—сын). К сожалению, пока не найдены конкретные факты в защиту такого предположения, хотя, может быть, именно оно позволило бы правильно понять антитезу матриархата и патриархата, а также взаимосвязь родственных и «своих» отношений, рода и общины.

В свете изложенного первичная социальность оказывается дуалистичной в самой основе. С одной стороны, она несет в «снятом» виде потребительское, квазживотное, но в то же время социальное отношение к окружающей природе, которое включается в структурные рамки общины и институт общественной собственности. С другой стороны, в ней сохраняются признаки стадности, отражающие генеалогические, сексуальные и оборонительные отношения особей друг к Другу, обусловленные первоначально естественными потребностями и инстинктами. В ходе дальнейшей эволюции стадность приняла форму рода, с которым связан процесс становления общественной власти. Но это уже собственно социальная история Земли.

Природа человека, как и естественная среда, становится объектом регуляции со стороны все более специализированных социальных институтов, прежде всего рода и общины. «Верхней» границей отношений, свойственных роду, являлись, по Ф. Энгельсу, племенные отношения. Общинные отношения в рамках рода постепенно сужаются до малой семьи, несмотря на то что в «кооперативно-производственном» смысле могут выходить за пределы последних и даже за рамки первобытного общества.

Род как первичная ячейка самоуправления расширялся до племени и конфедерации племен, сменяемой государством. Будучи хозяйственной ячейкой, в которой воспроизводились отношения собственности, община, напротив, с развитием производительных сил уменьшалась до размеров семьи, хотя в переходных социальных формах типа восточных деспотий могла принимать гипертрофированные масштабы, но в конечном счете она разрушалась (или перерождалась) под влиянием частной собственности.

==279

Каковы исторические истоки отношений собственности и власти? Что они представляют собой: «изобретение» людей, продукт антропосоциогенеза или нечто в принципе известное животному миру, но перенесенное в новые условия и обставленное соответствующими социальными аксессуарами?.

[00.htm - глава61](#)

Генезис социального регулирования

Буржуазные идеологи не признают исходно общественный характер первичных форм социального регулирования. Они либо намеренно извращают последние, отождествляя с внешне напоминающими их инстинктивно-рефлекторными способами зоологической жизнедеятельности, либо, напротив, модернизируют, идентифицируя с институтами более поздних обществ, главным образом буржуазного (форма власти) и отчасти феодального (форма собственности).

Действительно, при очень большом желании и развитом воображении власть старейшины родовой общины можно рассматривать по аналогии с положением вожака стаи животных или, напротив, видеть, например, черты «деспота», «феодала», «монарха», «диктатора» и даже «монополиста» в поведении доминирующего самца в стаде человекоподобных приматов.

Что касается первичных форм собственности, то иногда пытаются объяснить их наличием у животных инстинктов «охраны» ими «своей» территории от проникновения туда «чужаков» («территориальный императив» Р. Ардри), а также дележа добычи с детенышами и животными, не принимавшими участия в охоте (например, отрывание гиеновыми собаками части пищи щенкам и остававшимся с ними взрослым животным).

Многие буржуазные концепции происхождения собственности несут печать теории насилия Дюринга и идеи Прудона о том, что собственность — это кража. В этих концепциях нередко абсолютизируются моменты «захвата» (обычно характеризуемого как проявление активности первособственника) и обладания «добычей», становящейся предметом собственности.

Авторы концепций зарождения отношений собственности и власти, как правило, не рассматривают данные институты в качестве специфических форм социальной регуляции, особых видов взаимосвязей индивидов, обладающих сознанием, в процессе их жизнедеятельности как отношений, складывавшихся непосредственно в *об**

ественном производстве г т. д. Между тем К. Маркс подчеркивал: «...поскольку собственность является только сознательным отношением к условиям производства как к *своим* собственным (для отдельного человека это отношение создано общиной, объявлено в ней законом и гарантировано общиной), .. поскольку существование производителя выступает как существование в объективных условиях, *ему принадлежащих*, постольку она осуществляется только через само производство. Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям; это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности»³⁹.

Отношения власти еще более осознанны и выступают как форма регуляции отношений людей вне сферы производства и внутри ее. К. Маркс отмечал, что «предпосылкой отношения господства является присвоение чужой *воли*»^{*0}. Невозможно было установить «властные» отношения с животным, лишенным воли, хотя и способным «служить» своему господину. Эти отношения, как и отношения собственности, зародились именно в сфере общественного производства. Более того, первоначально они формировались как две стороны единого процесса трудовой деятельности. Обе формы социальной регуляции были призваны обеспечить не только «подстраивание» производственных операций под законы природы, но и координацию различных видов человеческой деятельности. Словом, в зарождавшемся производстве уже регулировались вовлеченные в него процессы природы и трудовая деятельность формирующихся людей, т. е. естественные и социальные моменты.

Отношение первобытных людей к тем или иным объективным предпосылкам производства и жизнедеятельности внешне выступало как их отношение к «ничьим» объектам природы—земле, воде, растениям, животным. Но сущностью этого кажущегося односторонним общественно-природного отношения было реальное отстранение от использования данных естественных объектов «чужих» индивидов и общностей. На этой основе складывался (первоначально на стыке различных первобытных коллективов) институт общественной собственности.

Отношения первобытных людей друг к другу могут показаться на первый взгляд сугубо межиндивидуаль-

ными, личностными, «вневещными» отношениями сотрудничества или вражды, подчинения или покорности, уважения или презрения. Однако за этими отношениями с самых древнейших времен неизменно (и подчас незримо) стоит отношение индивидов к объектам природы, и прежде всего к тем из них, которые выступают в качестве основного средства производства в данной локальной хозяйственной системе. На этой основе складывался {главным образом внутри первобытных коллективов) институт общественной власти.

«.. Ни о каком производстве, а стало быть, и ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности...»⁴¹ — писал Маркс. Собственность зарождается как атрибут предметной, а затем орудийно-предметной деятельности, **как** отношение к внешней природе. Данный процесс, видимо, начинается с выделения производства из его первоначально нерасчлененного единства с потреблением. Совместное, целенаправленное, осуществляемое с помощью орудий распределение предметов внешней природы есть первичная клеточка будущих отношений собственности.

Собственность как отношение противоречива. Уже в период «разобезьянивания» обезьяны связь предков человека с землей и ее плодами имела двойственный характер. Земля выступала и как условие потребления («кладовая пища»), и как условие зарождающегося производства («арсенал средств труда»). В первом случае эта связь выражала преемственность с животным миром, во втором — ослабление непосредственной зависимости от него и формирование социальных отношений. -

К. Маркс употреблял выражение «первоначальная собственность», имея в виду природные предпосылки присвоения индивидом объективных условий своего труда⁴². «Собственность, — писал он, — означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным, вместе с его собственным существованием*, — отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлинненное тело»⁴³.

==282

Однако даже воспроизводство собственного тела индивида путем присвоения им готовых предметов, приготовленных самой природой для потребления, с самого начала «обременено» социальностью. Присвоение объективных условий труда и жизнедеятельности осуществляется не изолированным индивидом-одиночкой, а в рамках «естественно сложившегося коллектива», '«природной общности» как предпосылки совместного присвоения и использования земли. Поэтому именно «естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка *присвоения* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы...»⁴⁴. Это следует понимать так, что «*собственность* означает *принадлежность* индивида к *какому-либо племени* (коллективу) ...»⁴⁵.

Можно предположить, что в процессе антропосоциогенеза первоначально внешнее отношение к предметам природы постепенно превращалось во внутреннее дело коллектива, закреплялось в деятельности и сознании формирующихся людей. К. Маркс характеризовал первичную собственность на землю как специфическое отношение к ней индивидов «с наивной непосредственностью»⁴⁶. Выступающая в качестве общественного отношения к объективным природным условиям бытия и друг к другу в процессе коллективной деятельности собственность формируется в процессе складывания производства. Имея в виду данную тенденцию, А. М. Румянцев пишет, что «собственность появляется и осознается людьми только в производстве как его условие и через производство, в реальной трудовой деятельности человеческого стада, а не в предварительных умственных представлениях его членов»⁴⁷.

Итак, ведущим фактором становления общества и его институтов выступало производство. К. Маркс подчеркивал, что «орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество»⁴⁸. Исходя из этого ученые выделяют основные этапы генезиса собственности путем сопоставления различных элементов производительных сил и соответствующих им производственных отношений в тот или иной период.

Предпосылкой общественной собственности, видимо, было освоение пищевых ресурсов, создаваемых самой природой, и средств труда, находимых на той или иной территории. Их присвоение естественно сложившейся общностью практически означало их уничтожение, а значит, отчуждение от других потенциальных претендентов. Пока экологическая ситуация была благоприятной, разграничения «своих» и «чужих» естественных предпосылок обеспечения жизнедеятельности ископаемых гоминидов практически не требовалось.

При нарушениях баланса экологических ресурсов неизбежно возникали конфликты и столкновения между соприкасающимися стадами. Поэтому можно предположить, что зачатки будущей собственности появились прежде всего как определенная форма отношений между «мы» и «они» по поводу предметов природы (главным образом, видимо, источников пищи и самих пищевых продуктов), составлявших объективное условие воспроизводства жизни первобытных людей. Первоначально отношения собственности фактически закрепляли за данной общностью ее источник существования. Интересно, что П. Лафарг выделял момент *пользования* в качестве главного, «единственно возможного и понятного основания собственности у дикарей»⁴⁹.

Следующий этап формирования собственности, как можно предположить, был связан с присвоением предметов многообразного и многоцелевого употребления. Это орудия труда, одежда, украшения, а также огонь как средство поддержания жизни. Появляется *владение*, длящееся или отсроченное использование потребительных свойств предметов природы, преобразованных в процессе целенаправленной совместной деятельности. Практически универсальным характером первых орудий объясняется, по мнению С. С. Батенина, тот факт, что с развитием орудийной деятельности сохранение изготовленных орудий стало коллективной потребностью, порожденной совершенствованием и усложнением орудийного производства. Поэтому, считает он, формирование потребности в сохранении орудий и ее практическая реализация были первой исходной формой образования коллективной собственности на орудия труда⁵⁰.

В формировании собственности «участвует» вся совокупность природных и общественных факторов, но главную роль играют те, которые входят в непосред-

ственный процесс общественного производства и воспроизводства.

Зарождавшийся обмен также выступал в качестве предпосылки, условия существования различных форм собственности, ибо он предполагал владение общиной объектами, предназначенными для этого. Обмен означал стремление одной общины вступить в отношение владения необходимыми ей орудиями или предметами потребления, а другой — выступить в качестве первичного владельца этих предметов обмена.

В процессе обмена, а позднее при наследовании, в торговле, при аренде и т. п. рельефно выявился еще один признак собственности как отношения людей друг к другу по поводу объективных предпосылок производства и продуктов труда, а именно *распоряжение* результатами производства и объектами природы, выступавшими его необходимыми условиями. Так, торговля уже тогда представляла собой одну из разновидностей распоряжения товаром, а позднее — его денежным эквивалентом.

Материальной основой распоряжения как элемента собственности объективно выступало распределение предпосылок и результатов производства. Если война служила первым «доступным» средством их распределения между конкурирующими общностями, то внутри них сформировались специфические отношения обмена и распределения пищи: разборные (даче-разборные), дарообменные и даче-дележные отношения⁵¹.

Думается, что точки зрения, акцентирующие значение в генезисе первичной собственности фактора хранения орудий или распределения пищи, могут быть рассмотрены как взаимодополняющие в рамках некоторой более широкой «системы отсчета». Ведь ясно, что в первом случае преобладает хранение вещей многократного пользования, тогда как во втором распределение по сути дела тождественно потреблению пищи как «объекта» одноразового использования. Обращаясь к схеме⁵², приведенной в главе IX, можно показать, что данные подходы ориентированы на исследование различных сторон (фрагментов) первичного производственного цикла (см. схему 15).

Среди ученых нет единого мнения относительно объекта собственности в эпоху первобытнообщинного строя. Некоторые считают, что им были средства производства,

[==285](#)

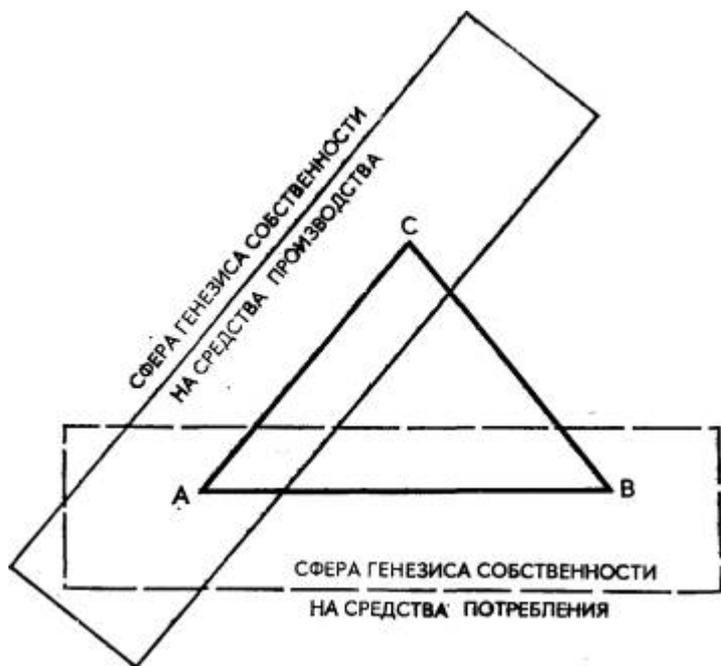

Схема 15

поэтому сама собственность представляет собой изначально «не любое отношение к предмету, а лишь такое, в котором выражается отношение индивида к коллективу, т. е. предметно-вещественное функционирование и развитие коллектива»⁵³. Напротив, Ю. И. Семенов полагает, что в эпоху присваивающего хозяйства единственным способом обеспечения существования людей было утверждение общественной собственности на средства потребления, и прежде всего на пищу. Аргументируя это тем, что без распределения добытой пищи, независимо от того, была ли она добыта в одиночку или совместно, между всеми членами коллектива, а также от того, принимали или не принимали они участие в ее добыче, общество существовать не могло, он выдвинул довольно спорный тезис о том, что «в отличие от других способов производства собственность на средства потребления в эту эпоху не определялась собственностью на средства производства», поскольку «характер соб-

ственности на средства потребления прямо, непосредственно определялся уровнем развития производительных сил, выразившимся в объеме произведенного продукта»⁵⁴. Думается, Ю. И. Семенов недооценивает исходную нерасчлененность первичных производительных сил и производственных отношений, а также преобладающую роль труда как живой, непосредственной деятельности по сравнению с прошлым трудом, овеществленным в орудиях. Но ведь именно последние служили фундаментом становления сферы социального. К. Маркс неоднократно подчеркивал необходимость рассмотрения первичной собственности как отношения к условиям производства, а не потребления⁵⁵, хотя признавал, что «первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания»⁵⁶.

Интересно, что археологические находки подтвердили факт существования мужской и женской собственности на специфические орудия труда, связанные с охотой и собирательством и отражающие естественно складывавшееся разделение формирующегося труда. Еще в 30-х годах П. П. Ефименко выдвинул гипотезу о том, что «остроконечник как орудие мужчины гораздо более пригоден для того, чтобы прикончить животное, для вспарывания туши, снятия шкуры и пр.», в то время как «скребло могло быть преимущественно орудием женщины, связанным с кругом ее деятельности»⁵⁷.

На этом основании А. М. Румянцев полагает, что существовали особые отношения мужчин и женщин к отдельным видам общинного имущества. Он пишет о возможности «возникновения в рамках общей собственности первобытной общины групповой собственности как мужчин, так и женщин», что вытекает, по его мнению, из естественного половозрастного разделения труда⁵⁸. В коллективной собственности первобытной общности находился и огонь, передача которого представителям других обществ запрещалась⁵⁹ либо ритуально регламентировалась. У неандертальцев предметом коллективной собственности выступали запасы охотничьей добычи. Это подтверждается, например, данными исследования альпийских мустьерских гротов Петерсхеле и Драхенлох⁶⁰.

Вопрос о том, существовала ли в первобытном обществе индивидуальная собственность, весьма не про-

стой. Сегодня можно наметить лишь самые общие контуры его решения. Поскольку первичная коллективная (стадно-коллективная) деятельность выступала как совокупность, точнее, целостность, состоящая из множества индивидуальных целесообразных поведенческих актов, подчас в значительной мере автономных (как, например, в собирательстве) и лишь в специфических ситуациях (в процессе охоты, обороны, хранения огня, общения) тесно связанных друг с другом, постольку вопрос о генезисе, месте и роли индивидуальной собственности в эпоху палеолитического присваивающего хозяйства, как представляется может быть адекватно понят лишь в русле проблемы становления общественного производства вообще.

Индивид пользовался окружающей природой, будучи частицей естественной общности, а не автономной, спонтанно или индивидуально целесообразно действующей личностью. Формировавшееся специфически-индивидуальное (в русле специфически-группового) отношение к вещам и другим индивидам еще не отрывалось от коллективных потребностей и отношений. Связь индивидуального с коллективным в сфере производства можно проследить на примере объективных и субъективных производительных сил. Известно, что соответствие конкретного орудия (или оружия) специфическим особенностям данного индивида как части коллективного субъекта процесса производства было важной

предпосылкой эффективности труда. Производительность труда индивида зависела от того, насколько умело пользовался этот конкретный индивид данным орудием, оружием, амулетом и т. п. На основе пользования позднее могли сложиться отношения владения, а затем и распоряжения этим орудием и т. д.

Постепенно формируется, пишет А. М. Румянцев, «естественная связанность производителя с этими определенными орудиями производства, они становятся неотъемлемой принадлежностью данного члена сообщества, так сказать, частью его личности. Без такой связанности он как полноценный работник общины и не может существовать»⁶¹. Одновременно происходила постепенная кристаллизация общественной природы труда в форме традиции кооперации, опыта изготовления все более специализированных орудий, освоения новых ресурсов

==288

природы и экологических ниш. Шел процесс осознания отношений общественной собственности как принципа взаимосвязи индивидов—членов общины по поводу объективных предпосылок производства, закреплявшегося затем в ходе обмена путем установления пищевых табу, обычаев взаимопомощи, уравнительного распределения продуктов.

Все это подготавливало предпосылки и условия возникновения власти. Именно в сфере производства и распределения отношения людей друг к другу как к «частям» единого естественно сложившегося коллектива первые ростки зарождавшейся собственности тесно переплетались с зачатками общественной власти.

[00.htm - глава63](#)

От естественной власти природы к общественной власти рода

Подчеркивая отнюдь не божественное,— а естественное, земное происхождение общественной власти как специфической формы социальной регуляции отношений индивидов первобытного общества, Ф. Энгельс писал: «.. племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»⁶². Природная «данность» первичной власти воспрималась через императивность первых табу и непререкаемость авторитета старейшин, поскольку то и другое осознавалось как автоматически действующие естественные процессы.

Социальная власть исторически вырастает из способов регуляции, присущих стадности, хотя и через опосредующие звенья. Стадность инстинктивно-рефлекторного типа, являющаяся еще по существу биологическим средством адаптации к окружающей среде, в процессе «разобезьянивания» ископаемых предков (по мере складывания орудийной и коммуникативной деятельности) трансформировалась в стадность переходного, рефлекторно-рефлексивного типа, предполагавшую наличие двойственной системы регулирования межиндивидуальных отношений. Эта система была связана, с одной стороны, с зачатками абиологической предметной и коммуникативной деятельности, другой—с чисто биологическими проявлениями активности. Поэтому «власть» вожака животного стада может служить весьма относительным «прообразом» социальной власти. Признание подобной преемственности, как и абсолютное

==289

отрицание ее, принципиально неверны. Необходимо учитывать, что, едва начав освобождаться от слепого подчинения силам природы, ископаемый предок оказался во власти своих еще во многом животнo-атавистических инстинктов.

Генезис власти нельзя представлять, как это нередко делают буржуазные ученые, в духе теории насилия Е. Дюринга, согласно которой Робинзон со шпагой в руке мгновенно превратил Пятницу в своего раба. Палеолитический вариант такого способа зарождения института власти высмеял в свое время К. Маркс^м.

Власть внутри складывающегося общества зародилась как социальное отношение, как реализация потребности в «едином» руководстве различными видами деятельности первобытной общины, прежде всего формирующимся производством. Институт власти служил своеобразным механизмом координации усилий индивидов в процессе совместного труда. Его возникновение отразило тенденцию дифференциации социальных функций, типов поведения, форм труда различных индивидов и их групп. Институт власти первоначально способство* вал передаче до мельчайших деталей успешного опыта предков последующим поколениям. Власть знаменовала появление потребности в социальном самовыражении на уровне и индивида, и всей общности, а потому была, можно полагать, связана не только с кристаллизацией коллективного сознания, но и с его дифференциацией на индивидуальное и общественное. Последнее выступало необходимой предпосылкой выработки и формирования коллективной воли, отражавшей и выражавшей общие потребности и интересы всех индивидов, а также предписывавшей неуклонное следование «заветам» предков.

Генезис власти, как и генезис собственности, в конечном счете тоже обусловлен становлением общественного производства. Можно предположить также, что властные отношения вызревали в сфере производства самого человека с целью организованной передачи новым поколениям обобщенного социального опыта, ради упорядочения демографических процессов, а также сексуальных и позднее брачно-семейных связей. При наличии власти непосредственные отношения индивидов друг к другу освобождались от вещной зависимости, но в то же время опосредовались коллективом, членами

==290

которого они являлись. Зарождаясь в русле складывавшейся социализации, регулирование социальных связей охватывало сферы взаимоотношений полов, производства средств жизни, деятельности по изготовлению и применению орудий труда.

Власть зарождалась как концентрированное выражение общих интересов, единой социальной воли, отношение целого к своим частям (органам), специфический компонент стадно-коллективной деятельности, как отражение объективной потребности социальной общности в сохранении своей целостности. Она была средством регуляции, нацеленным на обеспечение единого, слаженного и осознанного функционирования формирующегося общественного организма, обеспечивала выработку моделей должного поведения и применение санкций за отклонения от них в форме императивных запретов — табу. Первоначально субъект и объект регулирования практически совпадали. Между ними могли быть и, несомненно, были противоречия, ибо первичная власть нивелировала особенности индивидов, применяя единый масштаб требований и оценок к разным людям, но еще не было социального антагонизма. Характерными чертами первичной власти были всеобщность, универсальность, публично-гласный характер, непосредственный демократизм, устно-словесное

формулирование образцов поведения и запретов, отсутствие специальных карательных органов и средств принуждения.

Таким образом, первичная власть как особый социальный институт была с самого начала общественной и опиралась на заслуженный авторитет родовых вождей {старейшин}. Их власть была, по словам Ф. Энгельса, «отеческая, чисто морального порядка», ибо средствами принуждения они не располагали⁶⁴. В. И. Ленин писал: «В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий... мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами... но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления

==291

систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения...»⁶⁵

Конечно, в своих зачаточных формах первобытная власть имела неизбежно двойственный, природно-социальный характер, поскольку отражала естественную потребность людей в сплочении для овладения стихийными силами природы, и в то же время внебиологическую потребность в организации социальных отношений в первобытных коллективах, прежде всего в сфере производства. Власть в рамках этих коллективов «складывается,—отмечает С. С. Батенин,—как внутренняя побудительная сила подчинения воли индивида воле коллектива, а затем общества»⁶⁶. Поскольку трудовая деятельность могла осуществляться лишь «при условии и на основе отношений сотрудничества», которые по мере возрастания разнообразия видов и углубления содержания труда становились главным ориентиром внутригрупповых отношений формирующихся людей, постольку зарождавшаяся на этом фундаменте потребность, по мнению С. С. Батенина, «была потребностью не всякого общения индивида, а лишь его общения как сотрудничества с другими индивидами и коллективом в целом. Более того, возникнув непосредственно на базе трудового сотрудничества, потребность социальности ориентирована не только на трудовую деятельность, но и на все содержание функционирования социального организма. Она нашла свое практическое выражение в подчинении всей жизнедеятельности индивида жизни коллектива»⁶⁷.

Реликты первичной власти ученые и путешественники пытаются найти и в образе жизни наиболее примитивных племен, историческое развитие которых остановилось на стадии присваивающего хозяйства. Так, французский автор П. Д. Гэсо полагает, что наличие мужских и женских тайных союзов, двух видов магии, обрядов, инициации, ритуальных принадлежностей (в частности, музыкальных инструментов: больших и малых барабанов, флейт и т. п.) свидетельствуют о существовании двух миров, дополняющих друг друга⁶⁸. Пожалуй, более правдоподобно видеть в этом первичную форму разделения труда на «мужскую» охоту и «женское» собирательство.

Позиции даже прогрессивных западных этнографов обычно отличаются непоследовательностью, эклектизм'

==292

мом. Так, американский африканист К. М. Тернбул считает, что «человек не единственное животное, имеющее общественную организацию, и было бы весьма интересно выяснить, когда, как и почему общественная организация первобытного человека начала отличаться от организации других приматов». Он рассматривает власть у примитивных охотничьих народов под углом зрения классической концепции буржуазного права о разделении власти, т. е. о ее границах, рассредоточенности, гибкости. «Хотя характер охоты, — рассуждает Тернбул, — частично определялся окружающей средой, он сам влиял на формы будущего общественного строя. Чем многочисленнее была группа, тем более сложной организации она требовала, и приходилось точно устанавливать границы власти, чтобы избежать противоречий, способных перерасти в конфликт. Это не означает, что лидерство носило индивидуальный характер. Отнюдь нет: власть, как и у современных охотников, была разделена так, что ни один индивидуум и даже ни одна группа индивидуумов не могли полностью овладеть контролем. Это создавало подлинную взаимозависимость, которая, в свою очередь, уменьшала опасность конфликта и способствовала созданию прочного гармоничного общества»⁶⁹. Следует заметить, что критерий эффективности власти и вообще социальной организации охотничьих народов Африки он видит в конечном счете в... исключительной редкости психических заболеваний.

Возвращаясь к вопросу о чертах и признаках первичной власти, необходимо отметить, что в отличие от доминирования, при котором имеют место лишь столкновения биологических особей, сфера власти является ареной взаимодействия носителей «проясняющегося» сознания. Следовательно, она складывается вместе с его зарождением. Субъекты и объекты властных отношений—это индивиды, наделенные сознанием и волей, однако ориентация социально-психологических черт у различных индивидов может быть диаметрально противоположной в зависимости от вида деятельности и специфики выполняемых ими общественных функций. Скажем, содержание сознания вождя как преимущественно субъекта власти было, можно полагать, существенно иным и развивалось в другом направлении, нежели сознание рядовых исполнителей как преимущественно объектов власти. Ведь вождю необходимо было не

==293

только держать в голове длинный и довольно однообразный перечень деяний и «заветов» предков, примет и эмпирических знаний, но и быть готовым принять на себя ответственность за решение, от которого зависела судьба всех.

Разумеется, этот организационный аспект труда и всей жизни общества нельзя абсолютизировать, полагая, что «у человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных»⁷⁰. Цель организаторской деятельности в сфере производства в конечном счете реализуется в исполнительском труде. Именно деятельные «люди, психология их личностей — вот основной и специфический объект организатора»⁷¹, —отмечает Л. И. Уманский. Поэтому на всех этапах истории организаторская деятельность имеет своей основной задачей сплочение коллектива, обучение и воспитание его членов.

Можно полагать, что уже в период своего зарождения руководство и первичная власть требовали от вождя развития способности «широкого распределения внимания между разными предметами или деятельностью нескольких людей, работающих одновременно». «При таком диапазоне нервно-психической деятельности, —подчеркивает С. А. Семенов, —должны были участвовать в синхронной работе несколько функционально различных участков коры, включая зрительные, слуховые, моторные и ассоциативные. Регулирование смены возбуждения и торможения стояло на более высоком уровне, чем при прочих видах деятельности. Совершенствование внимания ^ сопровождалось развитием воли и сознательным стремлением к осуществлению поставленной цели»⁷². Напротив, у индивидов, которые занимались «исполнительской» деятельностью, в развитии психики, видимо, преобладала «концентрация внимания на узком сенсорном поле»⁷³. В родовой общине труд организаторов по

существо неотделим от труда исполнителей, и старейшина (вождь) — первый среди равных, выполняет наряду с другими свою «долю» работы. Расширение рамок комбинирования труда, необходимость регулирования хозяйственных отношений вызвали к жизни потребность в развитии организаторско-управленческой функции власти в первобытном обществе.

Господство традиций, с помощью которых осуществ-

294

влялась регуляция общественной жизни и соблюдение которых вносило изрядную долю ритуальности в отправление функций формирующейся власти, способствовало тому, что старейшина (или совет старейшин) занимал ключевое положение в складывавшейся сфере обучения и воспитания, т. е. в процессе социализации. В диалектической взаимосвязи этих форм социальной саморегуляции формировавшегося общества можно видеть начатки разделения руководящего и исполнительского, умственного и физического труда.

Различие между собственностью и властью было вначале ничтожно и не осознавалось формирующимися людьми, которые были спаяны с окружающей средой. В классический период господства первобытнообщинного строя общественная собственность и общественная власть выступали как формы социальной саморегуляции, осуществляемой всем взрослым населением. И лишь позднее, в процессе смены первобытнообщинной формации классово антагонистическим обществом, происходившей на материальном фундаменте неолитической революции, эти социальные регуляторы были отторгнуты у основной массы народа и узурпированы в виде частной собственности и государственной власти сложившимися эксплуататорскими классами. С тех пор они стали средствами принуждения к труду и удержания в повиновении эксплуатируемых во всех классово антагонистических формациях.

¹ См. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 86.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 17.

³ См. Межуев В. М. Культура и история. М., 1977, с. 101.

⁴ Сиземская И. Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981, с. 3.

⁵ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21, 23.

⁶ Там же.

⁷ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 13.

⁸ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 553.

⁹ Кухтерин Е. Г. Диалектика производства и потребностей. М., 1977, с. 13.

¹⁰ Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 441. " Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 33.

¹² Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. М., 1980, с. 51—53.

¹³ Там же.

¹⁴ См. *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 521.

15

Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481—482.

¹⁶ *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления, с. 104.

¹⁷ *Тер-Акопян Н. Б.* К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации.—Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 83, 84.

¹⁸ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 113.

¹⁹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 28.

²⁰ См. *Массой В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 19, **22**.

²¹ *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 716.

²² *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи, с. 145.

²³ *Маркс К... Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 364 (прим.).

²⁴ См. *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 25—26.

²⁵ **См. Маркс К; Энгельс Ф. Соч.**, т. 35, с. 96.

²⁶ См. *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 43, 120, 102.

²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 36.

²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

²⁹ *Ленин В. И. Поля.* собр. соч., т. 48, с. 232.

³⁰ См. *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).—Проблемы истории докапиталистических обществ, с. 97, 128 и др.

³¹ См. *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981.

³² *Периш А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974, с. 108.

³³ См. *Васильчук Ю. А.* Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме, с. 53.

³⁴ См. *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).—Проблемы истории докапиталистических обществ, с. 238, 257.

³⁵ См. *Андреев И. Л.* О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. — Советская этнография, 1971, № 2.

- ³⁶ См. Проблемы истории докапиталистических обществ, с. 317.
- ³⁷ См. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 38. ^м Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция, с. 169, 304.
- ⁸⁹ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 482—483.
- ⁴⁰ Там же, с. 491.
- ⁴¹ Там же, с. 24.
- ⁴² См. там же, с. 461.
- ⁴³ Там же, с. 480.
- ⁴⁴ Там же, с. 463.
- ⁴⁵ Там же, с. 481.
- ⁴⁶ Там же, с. 463.
- ⁴⁷ Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства, с. 101.
- ⁴⁸ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 146.
- ⁴⁹ Лафарг П. «За» и «против» коммунизма. Собственность и ее происхождение. М., 1959, с. 66, 49.
- ⁵⁰ См. Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976, с. 62. ⁶¹ См. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 108—111, 152, 195—196, 196—198, 207, 232, 198—199, 207. ⁵² См. паст. книгу, с. 199.

==296

53

Батенин С. С. Человек в его истории, с. 61, 62.

⁵⁴ Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества. — Советская этнография, 1978, № 4, с. 73.

⁵⁵ См. Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481.

⁵⁶ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 182.

⁵⁷ Ефименко П. П. Первобытное общество. Л., 1930, с. 220—221.

⁵⁸ Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства, с. 217, 218.

⁵⁹ См. Перший, А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основы периодизации его истории. — Проблемы истории первобытного общества. М.—Л., 1960, с. 159

⁶⁰ См. там же, с. 155.

- ⁶¹ Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства, с. 213.
- ⁶² Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.
- ⁶³ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 486.
- ⁶⁴ Маркс К; Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 88.
- ⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 68—69.
- ⁶⁶ Батенин С. С. Человек в его истории, с. 69, 71.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ См. Гэсо П. Д. Священный лес. М., 1979, с. 132.
- ⁶⁹ Тернбул Колин М. Человек в Африке. М., 1981, с. 14, 19—20, 21.
- ⁷⁰ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (тектология). Изд. 3. М., 1923, с. 27—28.
- ⁷¹ Уманский Л. И. Организаторские способности и их развитие.—Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 21. Курск, с. 25—30.
- ⁷² Семенов С. А. Труд и интеллект на ранних этапах развития. М., 1964, с. 6.
- ⁷³ Там же, с. 5.

[==297](#)

[00.htm - глава64](#)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Истоки антропосоциогенеза теряются в сплетении сложнейших природно-биологических процессов зарождения предпосылок труда и социальности у высших животных. Где же в таком случае верхняя граница антропосоциогенеза? Завершен ли он? Каково место человека в мире? Что ожидает его в самом ближайшем и более отдаленном будущем?

Эти вопросы в той или иной форме очень давно задавало себе человечество. Они отражены в космогонических мифах и наскальных рисунках, в магических обрядах и натурфилософских размышлениях. Они, как никогда прежде, актуальны и сегодня в связи с проблемами войны и мира, противоборством двух социальных систем—социализма и капитализма, выбором пути социального прогресса народами освободившихся стран, тревожной дисгармонией экологических и демографических процессов, экономических и политических тенденций развития человечества. Можно сказать, что характер отношения человека к окружающему миру—тема, вечно волнующая человечество, что она будет волновать и наших далеких потомков. Эти вопросы затрагивают самую суть бытия человека и его место в мире созданных им вещей, в природе, в бесконечной Вселенной.

Ученые-марксисты исходят из того, что наиболее полно и адекватно социальная сущность человека раскрывается в его сознательной, творческой самодеятельности—теоретическом и практическом

преобразовании окружающего мира. Человек не просто изменяет природу, «удваивая» себя в ней. Своей деятельностью он преобразует социальные условия, в которых живет, производит, творит.

События, охватываемые понятием антропосоциогенеза, казалось бы, не имеют прямого отношения к современ-

==298

менным проблемам, тем не менее позиции, которые занимают в их оценке представители различных классов и мировоззрений, играют значительную роль в обострившейся идеологической борьбе на мировой арене. Например, в США вновь, как накануне «великой депрессии» 1929—33 гг., атаки реакции направлены против эволюционной теории Дарвина и вытекающей из нее концепции происхождения человека в результате саморазвития животного мира.

С конца 1981 г. в ряде городов США поднялась волна новых «обезьяньих» процессов и попыток (со ссылкой на неопозитивистский тезис о принципиальной непознаваемости прошлого как недоступного непосредственной верификации) вытащить на поверхность духовной жизни американского общества некогда отвергнутый дарвинизмом креационизм — представление о сотворении богом каждой земной твари, включая человека. В штатах Арканзас, Луизиана, Висконсин, Миссури, Южная Дакота, Айова и Техас недавно были приняты законы о введении в школьный курс креационизма и библейской версии сотворения человека и мира в качестве альтернативы дарвинизму. В городе Карибу (штат Мэн) был даже проведен референдум по вопросу об изучении в школах Библии вместо дарвинизма, но в результате опроса предложение о замене дарвинизма Библией провалилось. Этот зловещий фарс с приданием библейскому мифу статуса «научной теории» представляет собой не что иное, как «перенесение традиций средневековой инквизиции в американский гражданский суд; как будто бы не опыт и практика, а предписание судьи определяет, что принадлежит науке, а что находится вне ее»!

В биологическом смысле антропогенез, по мнению специалистов, в принципе завершился формированием человека современного типа. Этому не противоречат идеи ученых о возможности более полного и эффективного использования естественных ресурсов организма, в частности мозга. Вместе с тем следует решительно отвергнуть попытки прямой экстраполяции в отдаленное будущее некоторых частных анатомо-морфологических тенденций физического развития современных людей, тем более что при этом совершенно игнорируются перспективы изменения ими социальной среды. Едва ли могут быть приняты всерьез фантазмагорические образы

==299

тщедушных карликов с непомерно громадными яйцеобразными безволосыми головами, крохотными клювообразными беззубыми ртами, двупальными, похожими на клещи «руками», ногами без пальцев и т. п., какими предстают люди будущего в изображении некоторых писателей-фантастов.

Ведь при практически неизменной анатомо-физиологической организации человечество за сравнительно короткий исторический срок прошло путь от интуитивнопрактического выявления свойств грубо оббитого камня к познанию и использованию сложнейших внутриядерных и космических взаимодействий, к преобразованию внутриклеточных структур и т. д. Современный физический тип человека не ставит непреодолимых препятствий для дальнейшего социального развития. Напротив,

можно надеяться, что в перспективе генетический контроль и генетическая инженерия помогут людям избавиться от груза вредных мутаций и покончить с рядом пока еще неизлечимых заболеваний. Однако вмешательство человека в собственную биологическую природу должно осуществляться при наличии самых гуманных—коммунистических общественных отношений.

Вместе с тем следует заметить, что животные черты ископаемых предков не раз проявлялись в форме эгоцентризма, индивидуализма, паразитизма, злобности, агрессивности, патологической лени и т. п. на крутых виражах исторического развития. Особенно богата такими проявлениями, усиленными созданием мощных средств разрушения, эпоха классово антагонистических формаций. Можно сказать, что она несла в себе глобальную тенденцию «расчеловечивания» человека. Причем это касается не только эксплуатируемых и угнетенных, но также эксплуататоров и угнетателей.

Первые лишены возможности реализовать свои истинно человеческие потенции и способности вследствие отчуждения предпосылок и результатов их труда, выхолащивания из последнего элементов свободного творчества, игры интеллектуальных и физических сил; они обречены на полуголодное существование, бесправие и невежество. Вторые также подвержены дегуманизации, ибо, паразитируя за счет трудящихся, будучи оторванными от труда как фундамента собственно человеческого бытия, развращаются сами и развращают эксплуатируемых духовно и физически. На этой почве возникают

==300

такие явления общества «всеобщего благоденствия», как милитаризм, фашизм, преступность, наркомания, отвращение и патологическая неспособность к труду.

Анализируя подобные тенденции буржуазного общества, К. Маркс сделал вывод о том, что вся история (а не только предыстория) человечества представляет собой процесс становления человека, она есть «не что иное, как порождение человека человеческим трудом»². Именно труд выступает главным критерием человечности и преобладания ее в том или ином обществе, коллективе, человеке. Это важное положение марксизма извращается буржуазными идеологами, в частности представителями «неомарксизма», стремящимися оправдать эксплуатацию трудящихся масс. Так, Г. Маркузе в известной книге «Одномерный человек» истинно человеческими видами деятельности и главным проявлением человечности провозгласил половую любовь, художественное творчество и веселые развлечения, а труд охарактеризовал как форму насилия, проклятия, продукт «репрессивных цивилизаций».

Человек отнюдь не бестелесный ангел, как это веками тщилаь представить церковь, не бездушный робот, каким он изображается в технократических мифах современных буржуазных идеологов, не анонимный, безличный субъект удовлетворения индивидуальных биологических потребностей пресловутого «общества массового потребления».

Критикуя буржуазно-ревизионистские концепции «расщепления» человека на отдельные проявления его жизнедеятельности и метафизическую абсолютизацию последних, Т. М. Ярошевский показывает, что эти концепции в корне противоположны марксистским представлениям о человеке будущего. Он пишет: «Не ограниченный и односторонний *Homo faber*, лишенный иных возможностей самопорождения, за исключением, быть может, примитивных развлечений и т. н. массовой культуры; и в такой же степени духовно искалеченный, ведущий паразитический образ жизни, пораженный неизлечимым нарциссизмом *Homo ludens* или изолированный от общества в своем ученом одиночестве *Homo sapiens*, сжигающий себя геркулесовской деятельностью, а порой упоенный видением

манипулируемого общества. Homo oeconomicus, Homo technicus либо Homo politicus; а представляющий собой их *диалектическое отрицание*,

==301

а также синтезирующую преемственность, универсальный, готовый к творческой активности, гармонически деятельный, реально оценивающий и постоянно ищущий все более совершенные моральные ценности, четко представляющий направления своей деятельности, богато переживающий и чувствующий, находящий много общего с адекватным ему коллективом и реализующий с его помощью свои таланты и свою индивидуальность

«Homo creator»³.

Именно социальные антагонизмы порождают в людях зоологические инстинкты, противоестественные мотивы и цели деятельности, приобретающей в силу этого извращенный, антигуманный характер. «Поэтому,— писал К. Маркс,—уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств

и свойств»⁴.

Разумеется, неправомерно представлять себе прошлое и будущее общество как полностью лишённое противоречий. Они всегда были, есть и будут: между обществом и природой, производством и потреблением, идеалами и реальностью и т. д. Другое дело, что в коммунистическом обществе они естественно утратят антагонистический характер и будут способствовать практически непрерывному совершенствованию общественных отношений. Именно тогда творческая природа человека, его способность к самодеятельности и самореализации развернутся во всей конструктивной мощи и гуманистической полноте. С построением коммунизма прекратится борьба за отдельное существование. Человек — в известном смысле окончательно — выделится из царства животных и из звериных условий существования и перейдет в условия действительно человеческие⁵. Это и будет скачок ассоциированного человечества из царства необходимости в царство свободы, о котором мечтали, в который верили и за который самоотверженно боролись лучшие представители рода

.Человек.

¹ Проблемы мира и социализма, 1982, № 1, с. 78—79.

² Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 126.

³ Ярошевский Т. М. Размышления о практике. М., 1976, с. 197.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120.

⁵ См. Маркс, К... Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294.